

**С
И
Н
О
Д**

**ЭКОНОМИКА
БЮРОКРАТИЯ**

Ван Клиффорд

Внеочередные выборы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕЧАТНИК»

«Записки оппозиционера»

Издание воспроизводит текст Санкт-Петербургского издания 2001 года.

За 20 лет, истекшие после публикации книги, мы узнали настоящее имя автора — Хорошев Иван Митрофанович (1904-1991). Хорошев печатался в русскоязычной прессе под псевдонимом Нильский М., и также носил другие псевдонимы: М. Б., Михаил Балашов, Миронов И., Муравьев Иван, Павлов И.

Редактор: Феликс Крайзель.

Оформление обложки: А. Портнов, 2001 г.

Читайте:

Мировой Социалистический Веб-сайт:

wsws.org/ru/

Искра-Research:

Iskra-Research.org

Д. Керанс: К читателю.

«У Вас в руках — документ уникального значения для понимания политической истории Советской России 20-х годов». Такими словами, пожалуй, уместней всего было бы предварить встречу читателей с этими и впрямь неординарными по своему характеру и содержанию воспоминаниями. В них, в самом деле, отражение многих драматических эпизодов, связанных судьбой русской революции, в особенности после окончания гражданской войны и смерти Ленина. Но это не только описание-констатация значимых событий политической истории и портреты известных деятелей двадцатых годов. Перед нами документ, позволяющий ощутить также сам дух времени, уловить тональность той непростой необыкновенной эпохи первых после революционных лет.

С момента провозглашения горбачевской гласности шел мощный поток публикаций на темы советской истории. К настоящему дню Россия буквально изобилует такого рода материалами. Все голоса уже, кажется, спели свои песни: вышли в свет теоретические и полемические произведения лидеров всех оппозиционных политических движений, партий и уклон, мемуары и воспоминания крупных деятелей в сфере политики, экономики и культуре, документы, описывающие мрачные страницы истории СССР, исповеди покорившихся, обвинения униженных и lamentации разочарованных. Не только верхам, но и низом было дано слово: дневники и письма простых людей опубликованы в значительном количестве, существенно обогатив наше понимание всех главных периодов и тем рокового 20-го века. Казалось бы, что остается сказать? Кого остается слушать? Про что остается думать?

Вопреки всем сомнениям, настоящее издание тем не менее вносит действительный вклад в изучение и понимание истории и судьбы русской революции. Ведь борьба автора записок Павлова за осмысления социальных преобразований во время революции

обстоятельно затрагивает и более общие вопросы истории России. Павлов является большевиком и говорит с нами с точки зрения этой идеологии. Одновременно, нельзя смотреть на него как на представителя всего лишь одного исторического периода и одной узко догматически понятой идеологии большевизма. Его, несомненно, привлекали программа левой оппозиции Льва Троцкого и марксистский способ анализа общества и политики. Но читая записки, неизбежно слышишь также голос человека, пронизанного духом коренных ценностей современной цивилизации. Мирное сотрудничество, сочувствие, уважение личной свободы, а, превыше всего, разум и справедливость, — вот понятия, которые руководят его мыслью и оценками всего и всех, вот ради чего он включился во внутрипартийную борьбу 1900 двадцатых годов. В те времена только левая оппозиция действительно охватывала и отражало общий человеческий ценности, как мастерски объясняет это сам Павлов. Его участия в оппозиции было естественным решением, её поражения — стало сугубо трагичным, ибо быстро исчезли люди и программы, способные провести социалистическую революцию цивилизованным путём.

В записках много ценного характере и динамики внутрипартийной борьбы 1900 двадцатых годов. Автор затрагивает важные и практический и изученные аспекты этого противоборство: удушение политической свободы в провинции, выступление студенчества против сталинистов, ход последних битва левой оппозиции в 1927-м году. Будучи идеалистом в лучшем смысле этого слова, он громко говорит о значении политической активности для определения судеб всей современной истории России. Павлов ведёт одновременно три взаимосвязанные кампании, знакомые множеству русских со времён декабристов: он борется за политическую сознательность; он пытается распространить свою сознательность на окружающих; он активно участвует в защите общей человеческих ценностей против вторжений мощного, своекорыстного государственного аппарата.

Поскольку эти проблемы являются коренными в истории политического развития России, им уделено немало места в

исторической, беллетристической и публицистической литературе. Но подобные трактаты почти никогда не выходили за пределы круга высшей интеллигенции и сословно-привилегированных слоев общества. Вот почему записки Павлова достойны общественного внимания. Они демонстрирует нам возникновения и развития политической жизни в непривилегированных слоях общества, и, также, стремления этих слоев. Поэтому мы должны быть даже благодарны автору за анонимность его записок: ибо они показывают не только то, что человек вёл борьбу за справедливость, но и то, что это борьба доступна всем. Справедливость никогда не дается легко, но за неё все же стоит бороться.

Я случайно обнаружил этот документ в 1995-м году в Гуверовском архиве Стэнфордского университета во время моих исследований по другой теме. Документ значится просто как «Папка Павлова» и попал в архив при неизвестных обстоятельствах в 1950 ом году. Это машинописная рукопись в 147 страниц со следами правки и подготовки для возможной публикации. Так, частично эти воспоминания разбиты на главы, есть и другие следы подготовки к печати. Никаких иных сведений о документе и его авторе в архиве не имеется.

Автор документа называет себя Иваном Михайловичем Павловым. По всей вероятности, это псевдоним, под которым скрывался чудом переживший сталинскую мясорубку бывший участник левой оппозиции и свидетель этой героической борьбой.

Дэвид Керанс,

доктор философских наук, историк.

2001 год.

Ф. Крайзель: Предисловие.

Читая анонимный документ, найденный в архиве, нужно всегда спросить себя: не является ли работа фальсификацией? Ответ на этот вопрос не всегда однозначен, нужно внимательно проанализировать работу и ответить на ряд вопросов: Насколько она цельна? Написана ли она в одном ключе, одной и той же рукой? Обосновано ли выраженное автором мировоззрение обстоятельствами его личной жизни? Соответствуют ли воспоминания и рассказы известной нам действительности? Правдоподобно ли происхождение этого манускрипта? Кому была бы выгодна фальсификация в этом духе?, и пр.

Как вы увидите, работа написана одной рукой, вернее, одним умом (манускрипт найден в машинописной форме), она является цельным документом незаурядной личности. Человек, писавший документ, ярко рисует своё детство и обстановку, в которой сложилось его мировоззрение. В архивах Гуверовского института хранятся другие анонимные манускрипты, некоторые менее, некоторые более достоверные. Вполне возможно, что в конце 40-х годов в обстановке передвижения масс беженцев и эмигрантов в конце Второй Мировой войны воспоминания чудом выжившего русского оппозиционера могли попасть на Запад.

Автор вовсе не является правоверным сторонником какой-то определённой доктрины, механическим попугаем, повторяющим заповеди социализма, коммунизма, или даже троцкизма. Этот человек многое передумал, во многом разочаровался. Он смотрит на своё прошлое с точки зрения «социалиста-демократа», больше не коммуниста и осуждает «нетерпимость и иезуитство» строителей Советского государства. Мы не разделяем эту точку зрения и видим в ней теоретическую ограниченность автора, его национально-реформистский кругозор. Конечный вывод автора, что социализм мог бы быть построен в России 1917-го года на базе демократических

реформ кажется нам смешным. Выбор стоял не между Керенским и Лениным, а между Лениным и генералом Корниловым, между диктатурой пролетариата и диктатурой монархистских генералов, поддержанных империалистами. Программа большевиков в 1917—24 г.г. заключалась в победе не Российской, а мировой социалистической революции. В описании своей оппозиционной работы автор мало даёт нам в программно-историческом смысле, он больше описывает механику и организацию полулегальной оппозиции середины 20-х годов. Ясно, что в течение долгого времени безымянный писатель не имел доступа к программным документам, к аналитическим материалам, библиотекам, не участвовал в свободном обмене мнений и в спорах между протагонистами разных течений. Другими словами, воспоминания написаны тайно и в одиночку, как мы и должны ожидать.

Кому были бы выгодны воспоминания в таком моральном ключе? Ясно, что эти воспоминания наносят удар по сторонникам раннего сталинизма или бухаринцам. Правое крыло ВКП(б) сотрудничало со Сталиным в подавлении всех институтов рабочей демократии, выросших из революции. Нельзя также сказать, что последователи «демократического социализма» выиграют от этих мемуаров: воспоминания лишь подчёркивают, что активная оппозиция против победы бюрократического тоталитаризма выросла в рядах коммунистов и комсомольцев; беспартийные и либерально-демократические слои общества молчали и наблюдали со стороны, читая оппозиционные документы, симпатизируя оппозиционерам, но не более.

Документ ясно показывает молодость автора, яркость его впечатлений, высоких порывов духа. Самое главное, в этом документе нету выдумок: автор пишет о том, что знает и сам наблюдал, он не выдумывает небылиц и не выпячивает себя, не старается казаться умнее, чем был в свои 20—25 лет возраста. Эта работа правдиво описывает события первых десяти лет Революции и заслуживает внимание читателей.

Несколько слов о сути борьбы левой оппозиции против Сталина.

После начала последней болезни Ленина и его отхода от активной работы в марте 1923 года в партии начали быстро увеличиваться и усиляться признаки бюрократизма: назначенство, чванство начальников и секретарей по отношению к рядовым партийцам, оттеснение масс от активного руководства деятельностью партийных органов. Повседневное руководство партией было в руках так называемого «триумvirата», составленного из Зиновьева, Каменева и Сталина. Чтобы изолировать Троцкого эта тройка организовала тайное параллельное «Политбюро» из всех членов Политбюро кроме Троцкого и включая председателя ЦКК Куйбышева. Основные партийные решения были принимаемы келейно, помимо ЦК и формальных органов партии.

Осенью 1923 года Троцкий, с одной стороны, и целая группа старых и заслуженных членов партии (Е. Преображенский, Л. Серебряков, Ю. Пятаков и 43 других старых большевика), с другой («Платформа 46-ти»), написали обращения в ЦК и Политбюро призывая к обсуждению партийного бюрократизма и к повороту партии в сторону большей партийной демократии. Из-за следующего обстоятельства эти выступления быстро получили широкую поддержку партийных масс.

Международное положение, напряжения в Италии и Болгарии и особенно революционное положение в Германии осенью 1923 года вызвали массовое брожение внутри ВКП(б), рост надежд на европейскую революцию, рост активности рядовых членов партии, открытое недовольство по поводу партийного режима. Массовые партсобрания кончались осуждением руководства местных, губернских и Центрального Комитета, призывами изменить курс партии.

Конференция ЦК в декабре 1923 года проголосовала о проведении «Нового Курса» демократизации партии. Но к тому времени революция в Германии провалилась, массы были снова ввергнуты в апатию и оппозиция была изолирована. XIII съезд партии в январе

1924 года прошел в обстановке изоляции и поражения оппозиции; смерть Ленина 21 января развязала заговорщикам руки и они перешли ко все более разнузданной травле оппозиции.

В 1924 году Троцкий написал обширную статью «Уроки Октября», обсуждавшую события 1917 года, ошибки руководства и меры, принятые для их исправления. Написание статьи было вызвано его опасениями по поводу ошибок революционного руководства в прошедшем году, особенно в Болгарии и Германии. Статья была написана в виде предисловия к сборнику его работ об Октябрьской революции и была нацелена на то, чтобы служить учебником в искусстве революционного руководства. Так как этот обзор событий сильно ударял по репутации правящего «триумvirата» (Зиновьев, Каменев и Сталин) верхушка партии обрушилась на Троцкого и развязала так называемую «литературную дискуссию». В ходе этой очень односторонней «дискуссии» и в целях спасения репутаций «триумvirата» была развязана кампания грубой фальсификации событий Октября. Идейное сползание верхушки толкало в сторону неслыханного до тех пор тезиса о «непогрешимости» ЦК.

Между тем Новая Экономическая Политика привела к восстановлению сельского хозяйства, оздоровлению всего хозяйственного механизма, возрождению торговли и, в меньшей степени, к частичному восстановлению промышленности. На базе этих успехов правые и центр (Бухарин и Сталин) осенью 1924 года выдвинули тезис о возможности постепенного реформирования советского хозяйства в сторону социализма и построения социализма в Советском Союзе независимо от мировой революции. Председатель Коминтерна Зиновьев даже провозгласил лозунг «НЭП во внешней политике». Эта программа постепенных национальных реформ выростала из эмпирических и эклектических склонностей некоторых вождей партии и опиралась на самодовольство средних партийных чиновников, их личное удовлетворение достигнутыми материальными благами и льготами. «Зачем нам мировая революция, — говорили они себе, — мы строим и построим социализм в России».

В течение следующих двух лет оппозиция развивалась идейно на борьбе за внутреннюю демократию, с одной стороны, за мировую революцию против национальной ограниченности, с другой стороны.

В течение 1925 года наметилась следующая тенденция советского хозяйства. В то время как сельское хозяйство восстанавливалось и расширялось, промышленность, особенно тяжелая промышленность не находила достаточных средств для развития, часто оставалась без рынков и средств; промышленные товары, дорогие из-за плохой организации труда, не могли найти сбыта. Промышленный пролетариат бедствовал по сравнению с обогащением крестьянских верхов и нэпманов в городах.

К концу 1925 года внутри партии произошла еще одна перестановка сил, в октябре образовалась так называемая Ленинградская оппозиция под руководством Зиновьева и Каменева. В искаженном виде эта оппозиция выражала протест промышленного пролетариата против его тяжелого экономического и социального положения. Против своей воли Зиновьев, Каменев и их друзья были вынуждены повторить все аргументы сторонников Троцкого за последние два года. В декабре открылся XV съезд ВКП(б) и весом аппарата Сталин смог победить сторонников Зиновьева и Каменева.

В начале 1926 года Ленинградская оппозиция присоединилась к сторонникам Троцкого и вместе они образовали Объединенную оппозицию. Программа оппозиции призывала к следующему. Во-первых, перестановка акцента хозяйственного развития СССР на долгосрочное центральное планирование и развитие тяжелой промышленности за счет более прогрессивного налогообложения крестьянских верхов и нэпманов. Во-вторых, отказ от национального реформизма и лозунга «социализма в одной стране» в пользу интеграции советского хозяйства в мировое, защищая конечно социалистические начала советской промышленности. В-третьих, отказ от «НЭПа во внешней политике» в пользу самостоятельной политики Коминтерна и стратегического прицела на мировую революцию.

В течение 1926 года произошло мировое событие, которое произвело сильное влияние на внутривнутрипартийную борьбу внутри СССР: общая забастовка в Великобритании в мае и её предательство Лейбористами и профчиновниками из Англо-Русского Комитета. Политика правых в Коминтерне привела к этому поражению коммунистических сил, но поскольку само поражение, казалось, отдаляло и уменьшало перспективы европейской революции оно дало добавочный перевес позициям Бухарина и Сталина.

Подобное, но ещё более жестокое поражение потерпели коммунисты Китая в течение 1927 года. Под давлением Сталина и Бухарина китайская компартия против своей воли подчинилась Гоминдану и его вождю Чан-Кайши. Левая оппозиция в течение 1926 и 1927 года критиковала меньшевистско-эсеровскую позицию Сталина и призывала к восстановлению независимости ККП, к самостоятельной борьбе коммунистов против национальной буржуазии. Политика Сталина и Бухарина позволила Чан-Кайши использовать популярность коммунистов в собственных целях, а когда его военщина была полностью подготовлена, нанести по компартии кровавый и жестокий удар: 12 апреля 1927 г. в Шанхае, месяц спустя в Чан-Ша, а потом в важнейших городах Китая десятки и сотни тысяч коммунистов были убиты, китайская революция была потоплена в крови.

Поражение китайской революции вызвало вспышку негодования среди более сознательных членов партии и комсомола, расширение деятельности оппозиции летом и осенью 1927 года. Но, как и все поражения революции, этот провал привёл к дальнейшему разочарованию широких масс в возможности революции, к конечной изоляции оппозиции.

Вот основные этапы событий и действий оппозиции. Как неоднократно писал Троцкий, оппозиция была права в своих опасениях и предостережениях, она предвидела основное развитие событий и предлагала правильную программу действий. Но каждое поражение мировой революции усиливало не оппозицию, а приспособленцев и чиновников вокруг Сталина.

* * *

Для удобства читателей воспоминания «Павлова» разбиты на главы и даётся наше оглавление.

Ф. Крайзель,

Директор издательства «Искра-Research»

2001 год.

Записки оппозиционера

Воспоминания, впечатления и встречи

Детство и семья

Отец мой — Михаил Павлов родился в крестьянской семье в Орловской губернии. В семилетнем возрасте он остался круглым сиротой и мыкался по чужим людям вплоть до призыва на военную службу. После окончания военной службы, отец не вернулся в родные места, а решил попытать счастье на богатой Кубани. В ту пору Кубань переживала нефтяную лихорадку, всюду шли поиски нефти, открывались нефтепромыслы и нефтеперегонные заводы.

Прибыв в 1890 году на Кубань, отец поступил рабочим на нефтепромысел в станице Ильской. Здесь он вскоре женился на дочери местного казака, построил дом, приобрел домашний скот и организовал приусадебное хозяйство. Здесь в этом доме в 1904 году, предпоследним, шестым по счету ребенком, родился и я.

В начале девятисотых годов Ильский нефтепромысел, ввиду нерентабельности, был закрыт. Многие рабочие были переведены фирмой на нефтеперегонный завод в г. Новороссийск. В числе их был и мой отец. Боясь снимать семью с насиженного места, отец переехал в город сначала один, и только в 1909 году, когда подросли старшие дети, вся наша семья тоже переселилась в город. Поселились мы на рабочей окраине в наемной квартире из двух небольших комнат. Отец с мамой спали на одной койке, на другой спали две моих сестры, а мы, пятеро мальчиков спали «поколом» на полу.

Отец работал кочегаром у нефтеперегонных кубов. Работа шла в две смены по двенадцать часов. Одну неделю отец уходил на работу в 12 часов ночи и возвращался в 12 дня, на следующую неделю уходил в 12 часов дня и возвращался в 12 ночи. В первом случае, чтобы дать

возможность отдохнуть отцу, вся наша семья очень рано ложилась спать. Обычно около двенадцати ночи отчаянно звенел будильник, нарушая сон всей семьи. Во втором случае семья спала спокойно, только мама, в ожидании отца, бодрствовала до полуночи, штопая, при тусклом свете керосиновой лампы, одежду детей.

Отец зарабатывал один рубль 21 копейку в день. На питание семьи мама ежедневно расходовала один рубль. Изысканной пищей семья наша избалована не была, но голода мы не знали. Когда подросли и стали зарабатывать мои старшие братья, жизнь семьи заметно улучшилась.

Родители мои были неграмотны. Отец с трудом мог нацарапать свою фамилию, мама и того не могла. Отец не составлял исключения. Подавляющее большинство пожилых рабочих были неграмотны. Молодые рабочие в большинстве, хотя и были элементарно грамотны, но их культурный уровень, общее развитие и духовный облик немногим отличались от людей старшего поколения.

Никаких культурно-просветительных организаций, клубов, библиотек, спортивных обществ и так далее, для рабочих в то время в нашем городе не было. Люди точно автоматы изо дня в день 10-12 часов тяжело трудились, с наступлением вечерней темноты семейные наглухо закрывали ставни и двери, развешивали около печек свои вонючие портянки и рабочие одежды и укладывались спать. Молодежь в хорошую погоду бежала на улицу, где скрипела гармошка и завывали встревоженные собаки.

По воскресеньям устраивали свадьбы, крестины и просто пирушки с пьяными песнями и потасовками. Летом на выгоне собирались сотни мужчин (здесь же вертелись и дети), играли в орлянку, в лото, в двадцать одно и другие азартные игры. Споры, крики и густое отвратительное сквернословие обычно вплоть до темноты висели над толпой.

Молодежь в воскресенье одевала свои лучшие одежды, вооружалась, кто свинчаткой, кто ножом или кистенем и шла на улицу все к той же гармошке. Исступленно плясали, поднимая тучи пыли, щипали визжащих девушек, лузгали подсолнечное семя. Иногда группами уходили в лес или к морю. А вечером, по примеру отцов, пили водку чайными стаканами, орали дикими голосами «Ревела буря, гром гремел», ломали заборы, выбивали с рамами окна в первой встречной хате, буйствовали, дрались между собой или с такой же пьяной ватагой с соседней улицы. Пускались в ход ножи, свинчатки, палки и камни.

С заходом солнца эти пьяные ватаги молодежи царили на опустевшей, темной, никогда не освещавшейся улице. Горе тому, кто встретится с такой пьяной ватагой. Никакие крики о помощи не поднимут со своего соломенного матраса пугливого обывателя. Не услышит вопли о помощи и полиция. Ближайший полицейский участок где-то около базара, за полтора километра от места происшествия. Там склонившись у стола, с заплывшими жиром глазами, городовые лениво шлепают по столу картами, «отбывают дежурство». Они тоже боятся, особенно в одиночку, появляться вечерами на улицах рабочих окраин.

Будучи неграмотными, родители мои, однако, всячески поощряли нас посещать школу. Поэтому все мои братья и сестры были элементарно грамотны. Я посещал начальную школу с 1912 по 1915 год. Вероятно, учился бы и дальше, но этому помешала война. Война резко ухудшила материальное положение нашей семьи. Три старших брата были призваны в армию. Нефтеперегонный завод, на котором работал отец, был до основания уничтожен обстрелом турецкой эскадры. Отец, здоровье которого к тому времени было уже подорвано, был переведен на должность сторожа. В семье после ухода трех старших братьев и старшей сестры, которая вышла замуж, все еще оставалось трое малолетних детей. Существовать на жалованье отца семья уже не могла. Поэтому вынуждена была пойти работать на табачную фабрику и мама.

Закончив начальную школу осенью 1915 года, одиннадцатилетним подростком я поступил учеником в механический цех цементного

завода. На заводе работали преимущественно старики и женщины. Годом позже стали прибывать выселяемые с прифронтовой полосы гродненские крестьяне, они и составили вскоре большинство рабочих завода.

За десятичасовой рабочий день я получал сначала тридцать, а год спустя, сорок копеек в день. Сдельщины в заводе не было. Все рабочие получали поденную оплату своего труда.

1917 год

Февральскую революцию рабочие нашего и других заводов, в том числе и мои родители, встретили с большим удовлетворением. Люди были полны надежд на скорое окончание войны и осуществление всех своих надежд на новую свободную и человеческую жизнь.

Ни в заводе, где я работал, ни в городе не произошло никаких эксцессов. Кое-где на других заводах нашего города рабочие вывозили на тачках неугодных мастеров и администраторов. Часто митинговали, устраивали мирные демонстрации со знаменами и пением Марсельезы. На городских митингах верховодили интеллигенты, представители политических партий. Первые месяцы наиболее влиятельными в городе были группы эсеров и анархистов. Затем во второй половине 1917 года стали возвращаться солдаты с фронта. Среди них были и большевики, и меньшевики. Большинство солдат возвращались домой с оружием. В конце 1917 года вернулись из армии два моих брата, оба они были большевиками. Солдаты возвращались по месту прежней работы. Влияние их быстро росло. Их выбирали в заводские комитеты, всякого рода комиссии. Они организовывали и становились во главе заводских отрядов Красной гвардии и т.д.

Из далеких сибирских каторжных тюрем и изоляторов возвращались политзаключенные. Некоторые привозили с собой кандалы, потрясая которыми на митингах, производили шумный эффект.

Октябрьский переворот в Петрограде был воспринят в нашем заводе как победа рабочих и окончательное поражение буржуазии. Несмотря на поголовное к тому времени вооружение рабочих и наличие в городе ряда партий, борющихся за влияние и власть, никаких столкновений в городе не произошло.

Революция морально возродила людей, сделала их чище, человечнее. Пробудила в них сознание своей силы, достоинства и ответственности. Появился интерес к общественной жизни, воля к борьбе за идеальное общество, где нет эксплуатации, нищеты, нет духовного и политического гнета. Нужно сказать, что массы рабочих не жаждали разрушений и крови. Эти низменные инстинкты были развязаны позже пропагандой крайних партий и гражданской войной.

Культурно не подготовленные, не имея политического опыта, трудящиеся не могли в бурный короткий срок преодолеть вековую отсталость и разобраться в дебрях партийных разногласий. Они верили в лучшую жизнь, хотели этой жизни немедленно, и неудержимо рвались к ней. Поэтому так легко они откликнулись на максималистские лозунги большевиков. И, кто знает, если бы в ту пору у нас появился какой-либо Гитлер, который в своих демагогических обещаниях и безрассудной смелости шел бы еще дальше большевиков, возможно массы сгоряча вскочили бы и в царство фашизма.

Революция коренным образом изменила жизнь рабочей окраины. Прекратилось разнузданное хулиганство, пьяные драки и поножовщина молодежи. На улицах появилась общественная вооруженная самооборона. Как грибы росли общеобразовательные и профтехнические школы для взрослых. Великолепное здание дворянского собрания было превращено в межрайонный рабочий клуб. Молодежь и взрослые рабочие охотно стали посещать концерты, спектакли, кинофильмы, читальню и библиотеку. Записывались во всякого рода кружки, организованные клубом, посещали лекции, доклады. Жадно слушали, читали, учились.

На заводе, несмотря на то что владелец его сбежал, царил порядок и строгая дисциплина. Люди добросовестно и сознательно относились к труду, резко выступая против расхитителей, лодырей и пьяниц. Однажды в бондарном цеху, укрывшись за пустыми бочками, сначала в обеденный перерыв, а затем увлекшись и после перерыва, группа молодых рабочих играла в карты. Рабочие сильной струей воды, пущенной с брандспойта, разогнала их. В другом случае мастерской пришел пьяным и уснул в цеху. Рабочие цеха взвалили его на тачку, отвезли к пожарному бассейну и вывалили в воду. После этой ванны выгнали пьяницу за ворота.

Заводской кооператив забил несколько волов на мясо, воловьей шкуры для просушки повесил во дворе завода. Один рабочий отрезал кусок шкуры и в обеденный перерыв пытался вынести за ворота, но был задержан. Возмущенные рабочие одели на вора целую воловьей шкуру и, привязав веревку к рогам, провели его, под одобрительный рев толпы, несколько раз взад и вперед по двору. После этой прогулки вор сбежал с завода.

Полуторагодичный период от февраля 1917 года до вступления в город белой армии в августе 1918 года, был медовым периодом революции, периодом самой широкой и полной свободы. За это время трудящиеся создали свои массовые партийные, профессиональные, культурно-просветительные, кооперативные, военные и другие организации. Добились восьмичасового рабочего дня, вошли во вкус новой свободной жизни. Почувствовали себя полноценными людьми и готовы были нести многие жертвы, чтобы защитить и сохранить эти завоевания. Большевики, отрицая прежнюю жизнь, несли нечто новое, волнующее и многообещающее. Открывали народу сказочные горизонты, увлекали его на путь максимализма. Промежуточные силы не смогли надолго увлечь своими лозунгами широкие народные массы, влияние их быстро падало. Размежевание в основном шло по линии революция-контрреволюция; красные-белые. Наряду с крайними лозунгами за большевиков был уже и авторитет центральной власти. Первые шаги этой власти были направлены на расширение и углубление революции. Большевистский террор в то время не

затрагивал широкие массы трудящихся, он хлестал по верхам. Белый же террор с начала и до конца всей своей тяжестью обрушивался на самые широкие народные массы, вызывая у них ответную реакцию.

Выступление офицерства на Дону и Кубани рабочее население нашего города восприняло явно враждебно, как реакционное и реставраторское движение. Сотни рабочих добровольно уходили на фронт, тысячи их, при занятии города белыми, отступили с революционной Таманской армией.

Белая власть

После вступления в Новороссийск белых, профессиональные и другие рабочие организации были распущены, жестоко стали преследоваться не только члены большевистской, но и всех других социалистических партий. Ряд рабочих, партийных и советских деятелей, а также все матросы и китайцы, не успевшие уйти с красными, были расстреляны. Со всех щелей вылезли и снова вернулись к власти слуги старого режима: полицейские, приставы, надзиратели, тюремщики, чины царской администрации. К местным реакционным элементам присоединились толпы подобных элементов, прибывших в обозах белой армии. Замелькали в приказах и газетах ненавистные титулы князей, графов, генералов. Выброшенные народом их «сиятельства» и «благородия» со всех концов страны стремились на юг под знамя и защиту белой армии, чтобы свести счет с «взбунтовавшейся чернью». Толпы порочных и беспринципных людей захлестнули, вытеснили, дискредитировали и парализовали волю жертвенных и идейных элементов белого движения.

Ружейный шомпол стал символом белой власти. Пороли шомполами и мужчин, и женщин. Пороли публично и в застенках. Расстреливала не только городская контрразведка, но и разведки и отдельные начальники воинских частей. Разгул террора, невиданный размах спекуляции, взяточничества, моральная распущенность, дикие кутежи в ресторанах господ офицеров и спекулянтов, разнузданный разврат и

разгул венерических болезней, — все эти спутники белого движения не могли с ним примирить широкие народные массы.

Три дня спустя, после занятия города белой армией, явился владелец цементного завода Пстроконский. Большинство молодых рабочих завода ушло с большевиками. Среди оставшихся рабочих преобладали многосемейные, инвалиды, женщины и подростки. По приказу Пстроконского все мы собрались во дворе завода.

Владелец завода был поляк. Большой, невероятно толстый, с тройным подбородком, маленькими заплывшими от жира глазками и толстой сигарой во рту, он был типичной «капиталистической гидрой», каких изображали в ту пору большевистские плакаты. Грузно поднявшись на подмости, он долго смотрел на собравшихся, дымя сигарой. Постепенно лицо его все более наливалось кровью. Видимо не сладко ему было болтаться почти год в обозах белой армии. Гнев душил его. Наконец, вынув изо рта сигару, Пстроконский резко прокричал:

— Вот что! Кто хочет работать — работайте, а кто недоволен нашими порядками, вон к ё... матери.

На этом и закончилось выступление хозяина и люди молча разошлись по цехам.

Тягостное и удручающее впечатление произвели на меня похабные слова владельца завода. Сквернословие было бытовым явлением в рабочей среде. С утра до ночи слышал я вокруг себя звонкую матерщину. Нередко и сам сквернословил. Но, услышав ее из уст капиталиста, я был оскорблен и унижен. Вероятно, то же чувствовали и другие рабочие. Я видел, как пожилая женщина вытирала на ходу кончиками косынки слезы.

Два дня спустя было объявлено об увольнении с завода более ста рабочих. Это были преимущественно «неблагонадежные». Среди уволенных был и я. Уволен я был видимо за грехи старшего брата

Николая, ушедшего с большевиками, который тоже работал на этом заводе и был командиром красногвардейского отряда.

Пстроконский в сущности не был жестоким и злопамятным человеком. Ряд уволенных лиц, обратившихся к нему с просьбами, были снова приняты на работу, а нескольким семьям рабочих, погибших в бою во время занятия белыми города, он даже выдал денежное пособие на похороны. И, главное, никого из рабочих Пстроконский не выдал контрразведке, как это делали директора и владельцы других заводов.

Вскоре я поступил работать на буксирный пароходик, обслуживающий нужды Новороссийского порта. Но прошло всего шесть недель и моя морская карьера внезапно и катастрофически оборвалась. На море был осенний шторм. В открытом море всего в нескольких километрах от бухты терпела бедствие небольшая парусно-моторная греческая фелюга. Потеряв управление, она беспомощно болталась, подняв флаг с призывом о помощи. Огромные волны то накрывали ее, то взмывали на гребни, и неудержимо влекли навстречу каменному волнорезу. По приказу начальника порта наш буксир поспешил на помощь бедствующему судну. Но едва мы вышли за бухту, волны в открытом море так яростно стали трепать наш крошечный буксир, что капитан решил повернуть назад. Когда буксир развертывался огромная волна накрыла и опрокинула его. Из восьми человек команды спаслось только трое. Среди них, изрядно нахлебавшись соленой воды, был выброшен волной на берег в трех километрах от места аварии и я.

В то время как мы потеряли буксир и пять человек команды, греки отделались только испугом. Их фелюгу шторм трепал еще несколько часов и ночью выбросил на песчаную отмель.

Найти новую работу я не мог. Заводы и фабрики работали вяло. Не хватало сырья и топлива. Не только для меня — четырнадцатилетнего подростка, но и для взрослых рабочих трудно было найти работу.

Между тем материальное положение семьи все ухудшалось. Из всей семьи единственным работником был только отец. Работал он по-

прежнему сторожем, охраняя остатки нефтеперегонного завода. Выпущенные Деникиным новые денежные знаки, так называемые «колокольчики», были малоценны, крестьяне неохотно принимали их. Цены на продукты неудержимо росли. Жалкий заработок отца был явно недостаточен для содержания семьи из пяти человек. К тому же отец был уже тяжело болен. Он часто и долго осматривал и щупал свои опухшие ноги. Имел он также застарелую паховую грыжу. Передвижение видимо причиняло ему боли, но он не жаловался и продолжал ходить на работу.

Я рос впечатлительным и отзывчивым подростком. Мне жалко было отца и мучительно тяжело было смотреть, как мама во время обеда делила скудную пищу, отдавая почти все детям и больному отцу, и как, в свою очередь, отец старался незаметно переложить в ее тарелку или картофелину, или ложку фасоли. В надежде найти хоть какую-либо работу, я часто болтался в порту, где иногда удавалось перенести на пароход или с парохода ручной багаж пассажира, сбегать за извозчиком и т.д.

Однажды я стоял на пристани. С противоположной стороны бухты, покачиваясь на легкой зыби, подошла моторная лодка с пассажирами. Один из пассажиров, по национальности грек и видимо коммерсант, поднимаясь по гнущемуся узкому трапу на пристань, оступился и, чтобы восстановить равновесие, резко взмахнул руками. При этом из его жилетного кармана выскользнули и хлюпнулись в воду золотые часы. Взойдя на пристань, обескураженный грек заявил присутствующим здесь людям, что он готов заплатить тысячу рублей тому, кто достанет часы. Глубина у пристани была не более пяти-шести метров, преодолеть ее не составляло большого труда, но стоял февраль и с гор дул хотя и не сильный, но резкий норд-ост. Люди смотрели то на взволнованного грека, то на темно-зеленую холодную воду, не проявляя намерения к действию. Поколебавшись пару минут, я сбросил одежду и прыгнул в воду. Вода была чистой и очень холодной. Достигнув дна, я сразу нашел часы и затем сильно оттолкнувшись ногами о дно, точно пробка, вылетел на поверхность.

Через пару минут, дрожа и щелкая от холода зубами, зажав в руке тысячерублевую бумажку, я вихрем несся домой.

В тот же день, не говоря никому из домашних о своих замыслах, я сколотил ящик, сбегал в оптовый магазин, купил на всю тысячу рублей различных сортов папирос, разложил их в ящике и на другой день ушел в порт торговать папиросами. Торговля шла бойко. Изю дня в день ходил я со своим ящиком с пристани на пристань, а где можно было, проникал и на пароходы. Охрана на пристанях, расхваливая полученные в дар папиросы «Дюбек лимонный», беспрепятственно пропускала меня всюду. Торгуя, я наблюдал смешные и трагичные сцены в порту, завязывал новые знакомства, был не хуже диспетчера осведомлен какие пароходы и с каким грузом пришли, какой груз поступает на пароходы, чем занимаются в порту английские и деникинские солдаты, что говорят грузчики и многое другое.

7 июля 1919 года, пятидесяти трех лет от роду умер мой отец. Жизнь до конца была ему мачехой. С раннего детства и до последнего дня своей жизни тянул он тяжелую лямку. Единственным желанием последних месяцев его жизни было дождаться возвращения трех старших сыновей, отступивших с большевиками. Возможно, он и дождался бы, но нелепый случай ускорил развязку. Неподалеку от нас в ночь на 7 июля дюжина деникинцев окружила дом, в котором скрывался разведчик-партизан. Очутившись в западне, партизан бросил ручную гранату через окно и пользуясь замешательством, бежал. Был он бос и одет только в нижнее белье. Его фигура в лунную ночь далеко была видна. Деникинцы, стреляя, гнались за ним. Очевидно партизан пробежал через наш двор. К несчастью, в это время отец, тоже в одном белье, вышел в уборную, находившуюся во дворе. Увидев фигуру в белье, деникинцы сочли отцы за партизана и стреляя на ходу бросились к нему. Отец успел вскочить в погреб и заперся изнутри. Пока недоразумение разъяснилось, партизана и след простыл и разъяренная неудачей военщина жестоко, до потери сознания, засекла шомполами отца. Утром, не приходя в сознание, отец скончался.

Я дружно жил с отцом и тяжело переживал утерю. Не могу забыть и до сих пор этот эпизод. За два дня до печального конца, рано утром услышав шорох, я проснулся и приоткрыв глаза увидел, как отец осторожно вынул из-под моей койки ящик с папиросами, поставил на стул, сам сел на другой и долго смотрел сквозь очки на разнообразие моего товара. Возьмет коробку папирос, повертит в руках, поднесет к носу, положит обратно, берет вторую, третью. Но вот длинная с красивой бандеролькой коробочка дорогих папирос, «Бальные», остановила на себе его выбор. Подозрительно покосившись в мою сторону и убедившись, что я сплю, отец осторожно ногтем большого пальца разрезал бумагу соединяющую крышку с коробочкой, взял ароматную папиросу с длинным мундштуком и закурил. После нескольких затяжек, убедившись, что папироса слишком легкая, он покачал головой, положил ее в пепельницу. Затем он таким же образом вскрыл вторую пачку папирос, и опять оставшись неудовлетворенным, потянулся к третьей. Наблюдая сквозь полуопущенные ресницы за действиями отца, идущими вразрез с моими коммерческими интересами, я решил было запротестовать, но тут же подумал, что отец всю жизнь курил махорку или самосад и все эти красивые коробочки с папиросами ему были недоступны, он их видел только в витринах. Пусть попробует, остатки продам поштучно. Попробовав папиросы из четырех или пяти пачек, отец разочарованно положил их обратно, взял пачку второго сорта сухумских крепких папирос, которыми я снабжал его ежедневно, и с удовольствием затянулся. Душивший меня смех дальше я не смог сдержать. Посмотрев на меня и убедившись, что я все видел и не только не протестую, а смеюсь, отец тоже засмеялся.

— Я же говорил тебе отец, что все эти дорогие папиросы — легкие, точно солома.

— Форменная дрянь, — согласился отец, — кислятина, язык щиплет, в горле першит.

И помолчав пару минут, сосредоточенно затягиваясь, добавил: — Верно говоришь, солома. Вот и все эти трясогузки и чистоплюи среди людей — тоже солома. А зерна — это люди труда. Все создает и

кормит всех мозоль. И сколько бы ни затаптывали эти зерна, они снова прорастут, без них и жизни не будет на земле. Так-то вот ... — И шаркая больными ногами отец вышел.

Сопротивление

Я сидел на пристани, наблюдая, как разгружается пришедший из Одессы товарно-пассажирский пароход. От груды ящиков с фруктами, только что выгруженных с парохода, ко мне подошел старик.

— Купец Калашников, посмотри за моим товаром пока я схожу за ломовым извозчиком, — обратился он ко мне. Я кивнул головой и старик ушел. Чисто одетый, с аккуратно стриженной клинышкой серой бородкой и золотыми очками на носу, веселый и улыбающийся старик произвел на меня хорошее впечатление. Вскоре он вернулся с извозчиком и забрал свой товар. Поблагодарив меня, старик сказал: — Приходи ко мне в магазин между Эстакадной и второй пристанью, открою ящики, угощу тебя свежими фруктами.

Зная, что никаких магазинов в этом районе нет, я решил, что лукавый старик смеется надо мной. Однако через пару дней я убедился, что старик не шутил. Действительно на набережной между Эстакадной и второй пристанью появился небольшой деревянный киоск, в этом «магазине» и продавал старик свои фрукты. Встретил он меня как старого знакомого, угостил фруктами, купил пачку асмоловских папирос, много шутил. С тех пор я часто заходил к нему. Семен Степанович, — так звали старика, — в Новороссийске был новым человеком, поэтому интересовался и городом, и его населением. Узнав, что мои братья отступили с Красной армией и сам я просоветски настроен, старик много спрашивал о настроениях рабочих, о красно-зеленых партизанах и т.д. Много спрашивая и с интересом слушая меня, старик, однако, мало и неохотно рассказывал о себе. На мои вопросы обычно отвечал шуточками.

Позже я убедился, что старик работает на большевиков, а его фруктовый киоск служит декорацией, чтобы облегчить встречи с местными большевиками. Сначала я только догадывался об этом судя по нескольким известным мне как просоветски настроенным лицам, которые посещали Семена Степановича. Окончательно я в этом убедился после такого случая. Как-то я рассказал Семену Степановичу, что обнаружил на берегу полуразрушенный, деревянный склад в котором свалена без всякой охраны целая куча русских винтовок. Сообщение мое старика очень заинтересовало. Он долго спрашивал, сколько винтовок, давно ли они лежат там и т.д. В тот же день несколько часов спустя, когда я уже был на пристани, ко мне подошел крановщик Антон. Антона я хорошо знал. Он дружил с моими братьями и бывал в нашей семье. Купив у меня папиросу, Антон долго и неумело (он был некурящий) раскуривал ее, мялся, видимо чувствуя себя неловко. Наконец спросил:

— Не знаешь, где можно достать несколько винтовок?

Я сразу догадался, что его послал ко мне старик.

— Нет, не знаю, — ответил я.

— Ты знаешь, но вероятно не веришь мне и не хочешь сказать.

Натешившись вволю над неловким конспиратором, я в конце концов вынудил Антона сознаться, что его послал ко мне «один старик». После этого показал ему склад. Вечером в тот же день оружие было погружено на грузовую автомашину и вывезено к партизанам.

Примерно месяц спустя еще одно событие подтвердило мое убеждение относительно деятельности Семена Степановича. Утром, как обычно, проходя мимо киоска я поздоровался со стариком.

— Ты куда идешь? — спросил он.

— На восточный пирс — ответил я.

— Не ходи туда, торгуй здесь. Скоро фрукты подвезут, поможешь мне.
— Фрукты в тот день так и не подвезли. Зато около полудня на большом транспортном пароходе, стоявшем на причале у восточного пирса, раздался оглушительный взрыв. Вслед за первым, последовали меньшей силы частые взрывы снарядов и треск ружейных патронов. Вскоре окутанный дымом транспорт, в утробе которого рвались снаряды и патроны, буксирный пароход вывел на длинном тросе за бухту, где он и затонул. Я не сомневался, что старик был причастен к этой диверсии и мое уважение к нему возросло.

Выросло доверие и Семена Степановича ко мне. В ящиках с фруктами, которые он получал из Одессы и Крыма, нередко поступал большевистский пропагандный материал. Листовки, газеты и брошюры на русском языке он передавал на заводы, в портовые и железнодорожные ремонтные мастерские, и депо, а нелегальщину на английском языке пересылал, нередко и через меня. (Первый раз передавая мне сверток, старик лукаво улыбаясь, напутствовал: — Этот пакетик аккуратно передай черному ... В случае чего, скажи, что нашел на дороге и несешь сдавать в полицию.), в центр города, где на Серебряковской улице вел оживленную торговлю фруктами и прохладительными напитками (нелегально также спиритуозами) пожилой седовласый негр. В лавке этого негра часто толпились английские солдаты, матросы и арабы, состоявшие на английской службе. Негр говорил по-английски. Был он фанатизированный большевик. Свои взгляды выражал резко, часто теряя чувство меры и осторожности. Осенью 1919 года негр был арестован деникинской контрразведкой и дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Семен Степанович продолжал свою деятельность вплоть до марта 1920 года и скрылся, когда была разгромлена большевистская подпольная организация на заводе «Судосталь»¹.

Сопrotивление трудящихся города Новороссийска против белой контрреволюции возникло стихийно и вылилось в форму вооруженной борьбы и подпольной подрывной деятельности. И отряды красно-зеленых партизан, и подпольные группы сопротивления на заводах и

фабриках города возникли по инициативе самих рабочих. И только значительно позже и те и другие были подчинены организованному влиянию и руководству коммунистического центра.

Партизаны

Партизанское движение возникло в результате белого террора, отрицания легитимности власти Деникина и нежелания вести военную службу в белой армии.

Сразу же после прихода в Новороссийск Добровольческой армии начались порки и расстрелы. В результате этого стали бежать в лес все лица, так или иначе скомпрометировавшие себя связью с советской властью и по тем или иным причинам не успевшие или не хотевшие отступить с красными. За несколько месяцев до прихода белых в Новороссийск была затоплена по приказу Ленина большая часть кораблей Черноморского военного флота. Многие военные моряки разъехались по домам. Некоторые еще не успели уехать, а часть их женилась и вообще осела в Новороссийске. Как только в город вошли белые, они стали расстреливать всех военных моряков². Спасаясь, морячки, задрав клеши, бежали группами и в одиночку в лес. Оружия в ту пору у населения было много. Образовались небольшие вооруженные группы людей в лесах вокруг города. Сначала они себя ничем не проявляли, а просто отсиживались. Затем, когда Деникин приступил к принудительной мобилизации населения в свою армию, многие рабочие предпочли уйти в лес. Таким образом на всем черноморском побережье образовались многочисленные отряды красно-зеленых партизан. Большевистская прослойка среди них была крайне невелика, но влияние большевиков было доминирующим. Для усиления своей руководящей роли в этом народном движении большевики забросили через фронт специально вышколенных инструкторов, командиров, комиссаров и партийных организаторов. Борясь за руководство и безраздельное влияние среди партизан, большевики не брезгали никакими средствами, не останавливались

даже перед провокацией. Об одной такой провокации я расскажу подробно.

Летом 1919 года, в восьми километрах от Новороссийска в лесу, в районе Чугунной горы был целиком уничтожен отряд красно-зеленых партизан. Из 134 человек случайно остались в живых только трое. Отряд располагался на холме. Со стороны города он был защищен глубоким ущельем с отвесными скалистыми краями. С другой стороны примыкал вековой лес. Партизаны чувствовали себя здесь безопасно. Для охраны и днем и ночью выставлялся только один дозорный, который взобравшись на дерево, где был устроен специальный настил, прислушиваясь следил за единственной тропой, идущей из леса к лагерю. На рассвете 17 августа дремавший на дереве дозорный вдруг встрепенулся, открыл глаза и, к ужасу своему, увидел возле дерева, на котором он сидел, большой отряд белых. Рядом с офицером стоял, показывая рукой в направлении лагеря, партизан по имени Степка. Парализованный страхом дозорный, прижавшись к стволу дерева, притаился, надеясь остаться незамеченным. Но белые знали о присутствии дозорного на дереве и, чтобы не разбудить партизан, оставили его пока в покое. Бесшумно ворвались они в лагерь спящих партизан и орудуя штыками и прикладами уничтожили поголовно всех его обитателей. После этого несколько белых солдат вернулись к дереву и выстрелом прикончили дозорного. Убитых в лагере партизан белые сбросили с обрыва в ущелье, только дозорного, бездыханно лежавшего у дерева, поленились тянуть к обрыву и оставили на месте.

Несколько часов спустя в разгромленный лагерь вернулись из города двое партизан-разведчиков. К этому времени тяжело раненый дозорный, которого белые считали мертвым, пришел в себя и рассказал подробности катастрофы, упомянув о предательстве Степки и, не скрывая своей вины, умолял товарищей добить его как труса и прямого виновника гибели отряда. Разведчики не добились дозорного, а той же ночью отнесли его в рабочий поселок к семье, где он несколько дней спустя умер.

Степка был награжден белыми и отпущен домой. В тот же день, как только стемнело, он был вызван условным партизанским свистком и больше не вернулся. Утром люди, гнавшие на пастбище коз, обнаружили его труп. На груди убитого лежал придавленный камнем клочок бумаги, на котором было написано: — Такая участь постигнет каждого предателя.

Гибель партизанского отряда глубоко потрясла рабочие окраины. Не одна жена и мать горько оплакивали погибших. Немало детей осиротело. Вместе с другими и я сожалел погибших и возмущался предательством Степки. Только значительно позже я узнал, что несчастный Степка не был провокатором, а был исполнителем чужой преступной воли, а подлинными провокаторами были большевики. Об этом мне в 1928 году рассказал бывший начальник штаба партизанских отрядов на Черноморье, старый большевик Лука Ивницкий. Он и был вдохновителем и организатором этой чудовищной провокации. С циничной откровенностью поведал мне Ивницкий следующее: — Отрядом командовал Мишка матрос. Кроме него в отряде было еще десятка полтора матросов. И Мишка и его матросы считали себя анархистами. К ним присосались несколько эсеров. Это ядро и руководило отрядом. Нужно сказать, что Мишка был лихой вояка и заботливый о людях командир. Поэтому он был популярен среди партизан и к нему в отряд люди шли охотно. Несколько раз мы пытались обломать его. Посылали к нему политкомов, пробовали организовать партийную группу в его отряде, но Мишка высмеивал, дискредитировал и просто издевался над политкомами. По мере роста его отряда он становился все заносчивее. Отряд его рос не столько за счет новичков, как главным образом за счет партизан, перебежавших к нему из наших других отрядов. Рост его личной популярности и состава отряда стал беспокоить нас, ведь это могло перерасти в новую махновщину. Чтобы отряд прибрать к рукам мы послали к Мишке нового комиссара и четырех партийцев. Среди последних был и Степка разведчик. Через несколько дней матрос жестоко повздорил с комиссаром, набил ему морду и выгнал. Вслед за комиссаром ушли и партийцы. Что оставалось делать? Расформировать или разоружить отряд и его командира было не под силу нам. И шума из этого не

хотелось делать. И решили мы взять хитростью. Сначала вызвали матроса в штаб. Он не явился, конечно. После этого мы предложили, чтобы отряд из своих людей выбрал комиссара и прислал его в штаб на инструктаж. Вскоре явился человечико в очках, от которого за километр несло эсеровщиной, и объявил, что отряд выбрал его комиссаром. В прошлом, говорит, был учителем. Мы обласкали его, дали ему газет, брошюр и просили почаще являться в штаб. Затем выждали пару недель пока все успокоится. Обработали вместе с начальником разведки Степку. Внушили ему, что матрос — махновец, что он собирается напасть на наш штаб и вырезать всех большевиков, проинструктировали его и послали в белую контрразведку. Жалко было и людей и Степку, но что поделаешь — война. Кто, говоришь, Степку убил? Мы же, т.е. не я, а начальник разведки. Нельзя было оставлять свидетеля, а вдруг проболтается? — свои же разорвали бы нас в клочья.

Подчинив своей воле и руководству стихийно возникшее вооруженное сопротивление трудящихся белой армии, большевики использовали его для дезорганизации тыла белых. Уже к середине 1919 года партизанское движение вокруг Новороссийска выросло в силу, способную нарушать коммуникации белой армии, взрывать мосты, пускать под откос военные эшелоны и вести успешную борьбу с мелкими гарнизонами белой армии в ее глубоком тылу. В то время, как белые армии успешно наступали в пределах Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний, нацеливаясь на Москву, в тылу, за тысячу километров от фронта, издаваемая белыми Новороссийская газета с горечью констатировала: «Наша власть кончается на десятом километре от города» (цитирую на память.)

На самом деле белая власть непрочно себя чувствовала и самом городе. Большевистские подпольные организации, опираясь на сочувствие и поддержку подавляющей массы рабочих, вели не только широкую пропаганду, но производили диверсии, саботаж, провокации, террористические акты и шпионско-разведывательную деятельность. Значение подрывной деятельности большевиков в Новороссийске было тем более важным, что через этот портовый город на Черном

море из заграницы поступала основная масса оружия и боепитания для Деникинских армий.

С наступлением военных неудач для Деникинских армий на фронте деятельность партизанщины и большевистского подполья, направляемая из единого центра, усиливала дезорганизацию и хаос в тылу белых армий.

Нелегальные большевистские группы существовали на многих фабриках и заводах Новороссийска. Многие участники этих групп, так же, как и партизаны, не были членами большевистской партии. Это были сочувствовавшие большевикам в их борьбе с белой реакцией.

Особенно влиятельными и активными были нелегальные группы на машиностроительном заводе «Судосталь», на цементном заводе и в железнодорожных и портовых мастерских. Железнодорожники приводили в негодность подвижной ж.-д. состав, устраивали аварии. Чтобы усилить на транспорте хаос загоняли вагоны с срочными военными грузами не по назначению и в такие тупики, где их легко могли разграбить или уничтожить партизаны. Во время перевозки выгружаемой из пароходов артиллерии, делали специально для этого приспособленными длинными и хорошо закаленными зубилами насечки и глубокие царапины в стволах орудий, благодаря чему при выстрелах снаряды разрывались в стволах, приводя в полную негодность орудия и поражая артиллеристов. Рабочие портовых ремонтных мастерских саботировали ремонт пароходов, портили машины и т.д. Рабочие завода «Судосталь», где ремонтировались бронемашины, танки и бронепоезда белой армии, затягивали ремонт, делали его недобросовестно и вредительски.

Бронепоезд «Доброволец» ремонтировался несколько месяцев, а когда, наконец, под нажимом военных властей ремонт был закончен, в ту же ночь бронепоезд был взорван. Снова приступили к ремонту. Теперь днем и ночью на бронепоезде была охрана, — несмотря на это он был взорван вторично. На этот раз контрразведке удалось обнаружить и арестовать пятерых руководителей подполья в заводе. Арест их вызвал

бурю негодования среди рабочих всего города. Делегация рабочих обратилась к губернатору с требованием об освобождении арестованных. После отказа, большевистское подполье призвало рабочих к всеобщей забастовке. Несмотря на близость фронта (он был уже около Краснодара), военное положение и явно политический характер требования, рабочие единодушно откликнулись на призыв большевиков. Жизнь города, переполненного белыми войсками, была целиком парализована всеобщей забастовкой, организованной большевиками.

В надежде спасти арестованных, делегация рабочих обратилась к командующему английской эскадрой, стоявшей в порту. Быть может, это и ускорило развязку. В тот же день белые расстреляли арестованных.

Всеобщая забастовка новороссийских рабочих (март 1920 г.), хотя и не достигла своей цели, свидетельствовала о влиянии большевиков. Она наглядно показала, с кем идут трудящиеся города. Это был заключительный аккорд борьбы новороссийских рабочих, две недели спустя в город вошли красные.

Белое движение не ослабило и не приблизило гибель большевизма, а объективно способствовало его укреплению и разрушению естественных и самых опасных врагов большевизма — массовых демократических партий трудящихся.

Победа красных

Гражданская война укрепила власть большевиков. За годы этой войны они успели создать свои партийную, военную и государственную организации. Очутившись между двух огней, истребляемые и белыми и красными, трагически погибли в огне Гражданской войны партии демократического социализма. Только благодаря этому большевизм смог удержаться у власти. Не будь гражданской войны, большевизм, не имея никаких конкретных экономических планов и государственного

опыта, быстро дискредитировал бы себя и, при слабости в ту пору его партийно-государственной и военной организации, вероятно был бы вскоре свергнут народными массами.

Но эти элементарные истины я понял значительно позже, а в апреле 1920 года с энтузиазмом встречал победоносную Красную армию и приветствовал все начинания советской власти и коммунистической партии.

Разбив вдребезги ящик, в котором почти год носил папиросы, через две недели после возвращения красных я пошел работать на машиностроительный завод «Судосталь». Еще через две недели — 4 мая 1920 года вступил в комсомол.

Комсомол того времени был немногочисленной организацией и едва ли охватывал десять процентов всей молодежи. В комсомол шли преимущественно дети или младшие братья и сестры коммунистов или дети рабочих, сочувствующих коммунистам. Такой состав комсомола определял его идеологическую монолитность, жертвенность и высокую мораль членов. Долгое время комсомольские организации носили полувойенный характер. Члены комсомола были вооружены револьверами и винтовками. Проходили регулярные военные обучения и состояли в отрядах особого назначения, куда зачислялись и все коммунисты. Вместе с коммунистами они составляли самую прочную, а там, где не было коммунистов, особенно в селах и станицах, и единственную политическую и военную опору местной советской власти³.

В августе 1920 года, когда Кубани и Новороссийску угрожал Врангелевский десант и восставшее казачье население, вся наша комсомольская организация, в том числе и я, добровольно ушли на фронт. После демобилизации я еще несколько месяцев работал в заводе, затем по выбору работал в аппарате райкома и окружкома комсомола, а осенью 1922 года поступил на кубанский рабочий факультет. В 1923 году Коммунистическая партия праздновала двадцатипятилетний юбилей своего существования. На торжественном

заседании Краснодарской городской партийной организации комсомол в качестве подарка передал в партию двенадцать своих лучших членов, в числе двенадцати был и я. Имея в виду нашу активную работу в комсомоле, мы были приняты в партию, в нарушение партийного устава, без кандидатского стажа. Незадолго до этого мне исполнилось девятнадцать лет.

Вступая в партию, для себя я ничего не искал. Я не честолюбив и не корыстолюбив. Я искренне стремился служить своему народу, стремился защитить его от неправды, облегчить его беспросветно тяжелую жизнь. Я был глубоко убежден, что партия большевиков и является той единственной и всемогущей силой, которая способна и стремится разрешить эти задачи. Я не составлял исключения, в первые годы революции были сотни тысяч и миллионы людей, которые так же мыслили и действовали, как и я. И так мыслили не только лишенные серьезного образования рабочие, но и высоко интеллигентные, честные и жертвенные революционеры, которых немало было в большевистской партии.

Рабочий факультет

Как известно, интеллигенция и учащаяся молодежь высшей и средней школы в массе своей встретили враждебно «пролетарскую революцию» в октябре 1917 года. В первые дни и месяцы власти большевиков интеллигенция и квалифицированные служащие министерств, банков и других органов государственного аппарата не признавали и бойкотировали распоряжения «самозванной власти», организовали стачки и открытый саботаж. Большевики ответили репрессиями, арестами, увольнениями, лишением продовольственных пайков и травлей «буржуазной» интеллигенции. В результате наиболее непримиримая и активная часть интеллигенции, по преимуществу молодежь, ушла в белое движение, чтобы с оружием в руках бороться против большевиков. Другая, более значительная часть интеллигенции, чтобы не умереть с голоду, вынуждена была, затаив недоверие и ненависть к большевикам, идти на сотрудничество с ними.

Пользуясь услугами этой интеллигенции, большевики, до основания разрушив старую государственную машину, отдавали себе отчет в том, что создание и укрепление государственного аппарата «пролетарской диктатуры» возможно лишь при наличии достаточного кадра собственной «пролетарской» интеллигенции. Поэтому сразу же после окончания гражданской войны, большевики приступили к коренному преобразованию средней и высшей школы. Не только менялись программы и методы обучения, но радикально изменялся и социальный состав, сначала учащихся, а затем и учащихся. Учитывая огромную тягу трудящейся молодежи к серьезному образованию, коммунистическая партия широко открыла для нее двери средней и высшей школы. Чтобы завоевать в кратчайший срок высшую школу и ускорить выпуск своих «красных» специалистов, партия по всей стране организовала широкую сеть специальных средних школ и курсов по подготовке в высшие учебные заведения с предельно короткими сроками обучения.

Наиболее распространенной формой такой чрезвычайной средней школы был рабочий факультет. Рабочие факультеты (рабфаки), как правило создавались при институтах и университетах с целью облегчения использования как лабораторий, так и педагогического персонала их для подготовки рабфаковцев. В рабфаки принимались преимущественно рабочие не моложе восемнадцати лет. Срок обучения на дневных рабфаках был трехгодичным. На вечерних, где обучение происходило без отрыва от производства — четыре года. Учащиеся рабфаков обеспечивались государством общежитием, бесплатным проездом по железной дороге во время каникул и небольшой стипендией, на которую человек мог существовать. Чтобы привлечь лучшие педагогические силы в рабфаки и заинтересовать их в работе, государство установило более высокую денежную и натуральную оплату их труда.

Отношения учащихся и педагогов на рабфаках, как правило были дружественные и деловые. Правда, вначале педагоги, имея перед собой необычную аудиторию, где нередко учащийся был по возрасту старше педагога, чувствовали себя неловко, а иные и просто трусили,

особенно в провинции, где рабфаковцы в первые годы постоянно носили при себе огнестрельное оружие. Неловкость эта была в процессе учебы быстро изжита, так как учащиеся не только не посягали на права педагогов, а сплошь и рядом поощряли их к более жесткой оценке академических успехов и к повышению требований.

Учеба на рабфаках все годы проходила в напряженной и деловой атмосфере. Всякий отстающий в учебе, по требованию большинства слушателей академической группы беспощадно исключался. На второй год в одном и том же классе никто не оставлялся. Этой привилегией пользовались только больные и старые большевики, которые не всегда могли угнаться за молодежью.

Трудящаяся молодежь, заполнявшая аудитории рабочих факультетов, училась охотно и успешно, будучи уверенной, что для нее наконец открыты двери высшей школы, куда всякий окончивший рабфак принимался без вступительных экзаменов и автоматически зачислялся на государственную стипендию.

Рабочий факультет в Краснодаре был организован в 1921 году при Кубанском Педагогическом институте. На рабфаке было пятьсот человек учащихся. В мое время две трети всех учащихся составляли коммунисты и комсомольцы. Наряду с молодежью значительный процент учащихся составляли люди среднего и даже пожилого возраста.

Краснодар (до революции Екатеринодар) не только столица Кубани, но также и студенческий город. Помимо многочисленных военных школ и всякого рода курсов в городе были Педагогический, Медицинский, Сельско-Хозяйственный институты и более десяти различных техникумов. Многочисленное студенчество этих школ составляли жители Кубанской области, по преимуществу казачья молодежь, а также люди, оставшиеся на Кубани после разгрома Деникинских армий. Среди студенчества немало было участников белого движения и выходцев из ранее привилегированных и зажиточных слоев населения. Естественно, что оппозиционное настроение этого

студенчества носили открыто антикоммунистический и антисоветский характер. Настроения эти разделяла и нередко проповедовала даже с кафедры и старая профессура. Не питая никаких иллюзий по части идеологических устремления этих будущих специалистов, и не решаясь закрыть высшие школы, превратившиеся в антисоветские очаги, большевики ограничивали голодным пределом материальное содержание профессуры и вовсе отказывали в материальной помощи студенчеству.

Среди этого враждебного моря учащейся молодежи в Краснодаре наш рабфак являлся прочной опорой советской власти и обычно выступал как организованная сила, когда нужно было поддержать коммунистических ораторов и их предложения на открытых городских собраниях и диспутах по политическим, религиозным и научным вопросам. Рабфаковцы организованно заполняли зал городского театра, когда необходимо было встретить бурными овациями или, наоборот, освистать совершающих турнэ по стране сменовеховцев, знатных иностранцев, златоуста «живой церкви» епископа Введенского и т.д.

Рабфаковцы — коммунисты и комсомольцы играли заметную роль также и в жизни партийно-комсомольских организаций города. Они использовались на фабриках, в школах и учреждениях как пропагандисты, докладчики, руководители политкружков, школ по ликвидации неграмотности, как политруки среди допризывников и т.д.

За время своего существования Кубанский рабфак подготовил для поступления в высшие школы страны несколько тысяч своих слушателей. В стенах Кубанского рабфака воспитывались: нынешний министр цветных металлов Ломако, его заместитель Глек, заведующий протокольным отделом министерства иностранных дел СССР Д. Мишустин, член Верховного Суда СССР Сауленко, профессор Московского Университета Студенкин и т.д.

Партийно-комсомольские дискуссии в 1923 году

Трехлетнее пребывание в комсомоле и активная работа в его рядах идеологически подготовили меня для вступления в коммунистическую партию. За эти годы я перечитал множество пропагандных брошюр и газет. Слушал доклады, лекции и беседы. Речи большевиков в то время звучали искренне и убедительно. Со всей юношеской пылкостью и неискушенной доверчивостью воспринимал я учения большевизма как самую законченную, передовую, глубокую и мудрую, гуманную и единственно правильную науку о построении человеческого общества на основе братства, правды и справедливости. В это время моя вера, убеждения и преданность коммунизму достигали наибольшей силы, они граничили с фанатизмом. Я готов был принести на алтарь коммунизму любую жертву. И если бы тогда, кто-либо, даже из самых влиятельных и близких мне людей, сказал бы, что не пройдет и десяти лет, как мои убеждения и преданность развеются точно дым, я не поверил бы и с негодованием назвал бы его лжецом.

Ко времени вступления в партию я не был настолько ослеплен, чтобы наряду с положительными сторонами не видеть и недостатков в советской действительности. Работая в райкоме, а затем в окружном комитете комсомола я изъездил и исходил почти весь Черноморский округ, организуя, инструктируя и укрепляя комсомольские ячейки в селах и станицах. Я видел, как непримиримо враждебно относится сельское и особенно казачье население к советской власти. Видел, как непрочно и зачастую бессильна новая власть в селах. Видел непрекращающееся вооруженное сопротивление населения. Знал о красных карательных отрядах, передвигающихся от станицы к станице. Знал о произволе местных властей. И вместе с тем я всеми силами поддерживал и готов был поддерживать эту власть, будучи уверенным, что сопротивление советской власти оказывают и подстрекают к этому несознательные и отсталые слои населения, реакционеры и угнетатели народа, не желающие примириться с новым

порядком. Как непреложную истину я принимал указание Ленина, что диктатура пролетариата является такой формой государственной власти, которая беспощадно подавляет эксплуататорские классы и обеспечивает широчайшую демократию для трудящихся. Все недостатки и пороки молодой советской власти я объяснял прежде всего ее молодостью, интригами врагов, недостатком опыта и культуры ее строителей на местах.

Еще до вступления в ее ряды, я знал также о некоторых пороках и в рядах партии. Знал о склоках, групповщине, о борьбе за влияние и власть на местах. Видел, как после гражданской войны чиновный элемент: бывшие конторщики, счетоводы, телеграфисты и т.д., не имея настоящей культуры, но достаточно грамотные, чтобы написать протокол, быстро оттесняли от руководства малограмотных партизан, героев гражданской войны, рабочих. Видел бюрократизм и самодурство, но был уверен, что все эти болезни являются болезнями роста и присущи главным образом периферии, и что партия и рабочий класс найдут в себе силы и преодолеют все эти недостатки.

Когда началась осенью 1923 года внутрипартийная дискуссия, я воспринял это событие не как свидетельство о нарастании противоречий в стране и далеко идущих разногласий в руководстве партии, а как показатель силы партии и роста в связи с этим элементов внутрипартийной демократии, которая позволяет всем членам партии принять участие в обсуждении очередных задач, стоящих перед партией и страной. Вероятно, так же представляло задачи дискуссии и большинство членов партийных организаций Краснодара и Новороссийска. На дискуссионных собраниях была вполне деловая атмосфера. Никаких резких и оскорбительных личных выпадов, никаких истерических криков и взаимных обвинений в оппортунизме, предательстве, в левацких и кулацких уклонах и т.д.

Главными вопросами дискуссии, как известно, были вопросы, поставленные Л. Троцким о форсировании индустриализации страны и усилении нажима на кулацкую часть деревни. Сторонники Л. Троцкого в своих докладах и выступлениях доказывали, что

победивший в Октябре пролетариат России, в условиях затянувшейся мировой революции не сможет долго удерживать власть в отсталой стране с огромным преобладанием в ней крестьянства. Рано или поздно, но неизбежно, пролетариат придет в столкновение с мелкобуржуазной крестьянской стихией. Только форсированная индустриализация страны может расширить и укрепить позиции пролетариата и обеспечить ему победу в предстоящей борьбе.

Противники Троцкого, ссылаясь на Ленина, доказывали, что столкновение пролетариата с крестьянством вовсе не неизбежно. Опираясь на деревенскую бедноту и укрепляя союз с середняком, пролетариат может вести успешную борьбу с кулаком. Форсированная индустриализация возможна только за счет ограбления всех слоев деревни, а это наверняка приведет к нарушению смычки города с деревней и к гибели диктатуры пролетариата.

Обсуждение всех этих вопросов коммунистами и комсомольцами Кубано-Черноморской области было вполне свободно. Всякий, желавший высказать свое мнение, получал эту возможность. Поэтому и не было никакой надобности для выражения и защиты своих взглядов прибегать, как это имело место в последующие годы, к нелегальной фракционной деятельности. Всякий коммунист не только мог выступать на собрании своей ячейки или на общегородском собрании, но при желании он мог посетить и выступить на собрании любой парторганизации. Этой возможностью, например, широко пользовались студенты, возвращаясь во время зимних каникул на периферию.

Такая атмосфера терпимости к инакомыслящим и широкая свобода мнений в процессе дискуссии объяснялась тем обстоятельством, что в руководящих партийных органах Кубано-Черноморской области преобладали сторонники оппозиции. Оппозиционером был секретарь Краснодарского городского комитета партии, старый большевик Рудзит и большинство членов горкома. Поддерживал оппозицию и председатель областного Исполнительного комитета Толмачев. И хотя секретарь областного комитета партии Аболин был сторонником

линии ЦК, завкультпропом обкома Ладохин и большинство членов бюро были активными оппозиционерами.

Преобладание оппозиционеров в руководящем партийном аппарате области естественно повлекло за собой и рост оппозиционных настроений среди рядовых коммунистов области. Непосредственно перед XIII партийной конференцией (середина января 1924 г.) семьдесят процентов всех коммунистов Кубано-Черноморской области проголосовали за оппозицию.

Дискуссия не только не прекратилась после XIII партийной конференции, но продолжалась с новой силой. Появились и новые мотивы в речах местных вожаков оппозиции: зажим партийного аппарата, бюрократизм, подмена демократического централизма бюрократическим централизмом и т.д. Поползли слухи о жестоких разногласиях, имевших место на XIII партийной конференции, о платформе сорока шести старейших большевиков и т.д. Хотя официальные докладчики, и сторонники, и противники линии ЦК тщательно скрывали от рядовых коммунистов наличие и содержание этой платформы.

Только неожиданная смерть Ленина дала повод прекращению внутрипартийной дискуссии. Вслед за Сталиным и Зиновьевым, клявшимися на XI Съезде Советов (27 января 1924 г.), «как зеницу ока беречь единство партии», и руководители Кубано-Черноморской партийной организации призвали коммунистов «ответить на смерть Ленина сплоченностью и единством своих рядов».

Уставши от непривычных размышлений, политически незрелая масса рядовых коммунистов охотно проголосовала за «единство и сплоченность» партии и обратилась к своим повседневным делам, предоставив вождям партии решать, какие пути должна избрать русская революция.

В то время, как низы погрузились в ленивое благодушие, подогреваемое благодетельными лучами НЭПа, против которого сами

того не сознавая они проголосовали, следуя за Троцким, на верхах закипала борьба вокруг ленинского наследства. Вытерев с лиц ленинский плевок, преподнесенный в его «Завещании» и поглубже запрятав от партии этот убийственный документ, вожди «монолитной партии», горя жаждой властвования и глубоко презирая и Ленина, и партию, и особенно друг друга, лихорадочно вооружались для предстоящей борьбы. Двое из триумvirата, кичась своей близостью к Ленину, торопливо подбирали цитаты из его трудов, сделав их своим главным оружием. Занесенный октябрьскими ветрами в партию блистательный позер занялся «уроками Октября». Остальные, не чувствуя себя достаточно сильными ни в цитатах, ни в уроках Октября, решили, что проще всего использовать для борьбы с первыми примитивного, но покладистого и «симпатичного» грузина. А бесталаннейший и наименее культурный среди них кавказский примитив, проведший всю свою жизнь по тюрьмам и ссылкам среди уголовщины, и сам обладавший уже изрядной криминальной практикой, искусственно подогревая разногласия злобно точил нож против всех их, старательно гася в своих налитых кровью глазах пламя ненависти и злобы. В его ущемленном мозгу долгие годы вызревали планы реорганизации партии по образцу грандиозной разбойничьей шайки, где должны царить и разбойничьи нравы, дисциплина и беспрекословное подчинение «стальному атаману», место которого, этот физический и нравственный урод прочил конечно себе. «Коба», а затем «Сталин», — уже эти хвастливые клички наглядно свидетельствуют, что человек бесстыдно присвоивший их себе имеет болезненно развитое честолюбие и находится в плену криминальной романтики.

Весной 1924 года один за другим Краснодар посетили два наркома. Сначала приехал нарком внутренних дел Белобородов, организовавший в 1918 году расстрел последнего императора России Николая Второго и его семьи. На общегородском партийном собрании он сделал доклад на обычную в то время тему — «внутреннее и международное положение». Доклад не отличался ни глубиной, ни остротой, и не произвел заметного впечатления на слушателей. Видимо цель приезда наркома, было зондирование почвы и более

откровенные разговоры в узком кругу оппозиционно настроенных руководящих работников Краснодара⁴.

Пару месяцев спустя приехал нарком внутренней торговли Анастас Микоян. В ту пору он был среди наркомов самым молодым и по возрасту, и по партийному стажу. Микоян также выступил с докладом на собрании городской партийной организации. Не в пример бесцветному Белобородову он произвел сильное впечатление на слушателей. Микоян, блестящий оратор, бесспорно умный, находчивый, хитрый, энергичный, прост в обращении с людьми, чем быстро завоевывает симпатии окружающих.

На собрании рядом со мной сидел пожилой, лет сорока пяти армянин Аванесов. Во время доклада Микояна Аванесов, несмотря на то что я не был с ним знаком, все время толкал меня локтем в бок и наклонившись в мою сторону делал довольно резкие замечания по поводу доклада и докладчика. Когда объявили перерыв, проходивший недалеко Микоян увидел и подошел к Аванесову.

— Здравствуй старина, как живешь? — протягивая Аванесову руку и приветливо улыбаясь сказал он. Аванесов ответил на приветствие, но без особого энтузиазма. Оба они говорили по-русски.

— Что ты здесь делаешь? — продолжал Микоян, — хочешь, я заберу тебя в Москву? ... Ну, если не хочешь уезжать, я могу поговорить в обкоме о тебе, ты достоин более ответственной работы, чем председатель Промартели.

— Ничего мне не надо, — запротестовал Аванесов.

— А ты не будь злопамятен Аванес, я давно уже забыл обо всем, помню только, что ты хороший и боевой парень. Заходи ко мне в гостиницу, выпьем, старину вспомним ...

Когда Микоян ушел, Аванесов рассказал мне следующую историю: в годы Гражданской войны в Азербайджане он командовал в районе

Баку десятитысячным отрядом красных. Однажды в 1918 году к нему в отряд прибыл в качестве представителя большевистского центра в Азербайджане Анастас Микоян. Микоян был зеленый юноша. Ему в ту пору едва исполнилось восемнадцать лет. Несмотря на молодость, он пытался диктовать свою волю старому большевику и командиру отряда Аванесову. В первый же день произошло между ними столкновение. Аванесов обругал его мальчишкой, дал несколько пощечин и выгнал из отряда.

— Какой благодетель нашелся, заберет меня в Москву, — возмущался Аванесов. — Мы кровь проливали, а такие вот болтуны в наркомы выскочили. Погодите, мы до вас еще доберемся⁵.

Позже, когда я уже учился в Московском Университете, несколько раз на наших студенческих собраниях выступал с докладами Микоян. В 1925 году в своем докладе Микоян подробно рассказал о ходе франко-советских переговоров по поводу признания советским правительством дореволюционных долгов французских граждан.

— Советскому правительству, — говорил Микоян, — нужны долгосрочные кредиты. Ради этого мы готовы пойти на частичное и условное признание прежних долгов. Признание, конечно, не будет означать готовность советского правительства выплатить эти долги. Признание будет означать только наше желание получить новые долгосрочные, не менее, чем на двадцать пять лет, кредиты, которые нам нужны для развития нашего народного хозяйства. Если нам удастся получить эти кредиты, то за двадцать пять лет бесспорно произойдет мировая революция, она освободит нас от выплаты не только старых, но и новых долгов.

Такое откровенное и циничное признание на широком студенческом собрании члена правительства Микояна меня удивило.

В личной жизни Анастас Микоян, веселый бражник и Дон-Жуан. Во время «ежовщины» на Воркуте я встретил жену расстрелянного наркома⁶. Она мне рассказала, что вокруг Микояна группировались

всегда несколько наркомов (ее муж, Чернов, Яковлев и другие). Собирались обычно на квартире то у одного, то у другого. Злословия, скабрзные анекдоты и, главным образом, французский коньяк составляли содержание этих частых товарищеских встреч. «Пьют, пьют, затем идут в ванную комнату, льют холодную воду на головы (изобретение Микояна), возвращаются в комнаты и снова пьют».

Нередко на загородных дачах устраивались египетские ночи (пирушки) с артистками.

Характерно, что многие из этих наркомов-собутельников Микояна были расстреляны в 1937-38 годах, а семьи их заключены в лагерь. Лукавый и льстивый Микоян поспешил отмежеваться от своих друзей и собутельников.

И еще характерный штришок: в концлагере сидел со мной один из агентов по снабжению наркомата внутренней торговли, который возглавлялся Микояном. Осужден он был «за нарушение государственной дисциплины». Для обеспечения строившихся предприятий наркомата, отпускаемых по лимитам строительных материалов обычно не хватало. Чтобы пополнить недостающую часть стройматериалов, по примеру многих других организаций, наркомат вынужден был прибегать к черному рынку, т.е. к незаконному товарообмену и покупке по спекулятивным ценам. При этом Микоян, нарком и член Политбюро ЦК, обычно предупреждал своих агентов по снабжению:

— Делайте, что хотите, доставайте материалы, как сумеете. Можете расходовать натуральные фонды наркомата и его денежные средства, но делайте это так, чтобы вас не поймали. Поймают, — меня не путайте, все равно я откажусь и вам же будет хуже.

Бюрократические махинации на Кубани

В 1924 году ЦК партии стал отзывать под разными предлогами с Кубано-Черноморской области оппозиционеров, работавших в партийном аппарате. Как позже я узнал, в это время по всей стране происходила плановая негласная чистка партийного аппарата. Удалялись не только оппозиционеры, но и руководители парторганизации, не проявившие достаточной энергии и решительности в борьбе с оппозицией. На место отозванных, Сталин ставил своих людей во главе местных партийных организаций. Становясь во главе парторганизаций не по выбору их партийных масс, а по назначению Сталина, новые руководители естественно стремились всемерно выполнить волю своего «хозяина» и меньше всего считались с волей партийных масс.

Удаляя оппозиционеров из партаппарата, Сталин тем самым достигал изоляции их от рядовых коммунистов, а последние, оставшись без своих вожаков, легко становились игрушкой в руках новых аппаратчиков. «Кадры решают все».

Отзываемые из партаппарата оппозиционеры «перебрасывались» в другие области и использовались преимущественно на хозяйственной и советской работе. В новых условиях влияние их было ограниченным. Они не могли уже играть ведущей роли в жизни парторганизации и тем более не имели шансов быть избранными на всесоюзные партийные Конференции и Съезды. Против них здесь было значительно легче натравить невежественную рядовую партийную кобылку.

Таким образом, возглавляемый Сталиным Секретариат ЦК, который всегда был исполнительным органом, приобретал решающее значение в жизни партии.

Все эти перемещения и назначения руководящих работников партийного аппарата находились в вопиющем противоречии с партийным уставом и грубо нарушали внутривнутрипартийную демократию. Они не могли быть объяснены и оправданы ни условиями подпольного положения партии, ни условиями гражданской войны. Но устав

большевистской партии в руках ее вождей был всегда послушным инструментом. И в данном случае сидящие в Политбюро вожди партии, наблюдая за возней «симпатичного» грузина, молчаливо поощряли его, так как эта его фракционная «деятельность» была направлена пока что против главного, самого талантливого и опасного их общего соперника и претендента на ленинское наследство, Льва Троцкого.

Костяк же партии — старые большевики, смутно чувствуя оживление наверху и распределяя свои симпатии и доверие между членами Политбюро, меньше всего делали ставку на Сталина. Ну кто из них мог думать, что этот беспородный, убогий конек обскочет первоклассных партийных рысаков и придет к финишу первым?

Рядовая масса коммунистов относительно этой возни наверху была в полном неведении. Тем более, что эта перегруппировка партийного командного состава прикрывалась обычно словесной завесой и хитроумным обманом.

Для того, чтобы обезглавить Краснодарскую городскую организацию, секретарем которой был оппозиционер, старый большевик Рудзит, его не просто сняли, что могло бы вызвать протест стоящих за ним коммунистов города, а с большой помпой, по рекомендации ЦК, избрали членом ЦИК СССР. Некоторое время спустя, горячо поздравляя и напутствуя, Рудзита проводили «на более ответственную работу» в столицу в аппарат ЦИК. Не только провожавшие его краснодарские коммунисты, но и сам Рудзит, как позже он мне признавался, не подозревали подвоха. Некоторое время Рудзит работал в аппарате ЦИК. Затем его назначили начальником строительства порта Магадан. Когда в основном Магадан был построен, Рудзита наградили орденом Трудового Красного Знамени, выдали денежную премию и двухмесячную путевку на южный курорт. И здесь же на курорте, когда Рудзит щеголял в белом костюме, его арестовали и обвинив в «контрреволюционной троцкистской деятельности» заключили в Воркутский концлагерь, где он и погиб.

Точно так же Сталин расправился и с другими наиболее выдающимися представителями оппозиции на Кубани. Ладохин был завкультпропом областного комитета партии и лидером местной оппозиции. Под предлогом повышения он был переведен на советскую работу в центр. Ему тоже устраивали торжественные и шумные проводы. На городском партийном собрании преподнесли золотые часы, высказали массу лестных слов по его адресу, а затем он был уничтожен.

И председатель Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета Толмачев, тоже с повышением был отозван с Кубани на пост наркома внутренних дел и карьера его, как известно, закончилась так же печально, как и многих других оппозиционеров.

На моем заводе

Ежегодно во время летних каникул я возвращался в свой завод. Летом 1923 года, работая в заводе, я все вечера отдавал общественной работе. Редактировал заводскую стенгазету, выступал с докладами в клубе, активно участвовал в работе комсомола.

Во время летних каникул 1924 года меня избрали ответственным секретарем заводского комитета. Хорошо изучив коллективный договор и трудовое законодательство, я обнаружил целый ряд больших и малых нарушений колдоговора и законов со стороны администрации завода. На очередном заседании завкома я сделал сообщение об этих нарушениях. Специально приглашенный на заседание директор завода обругал меня демагогом и в резкой форме отверг наши требования. Заручившись решением завкома, я обратился в окружной совет профессиональных союзов. Там меня направили к инспектору труда, а тот откровенно заявил, что он не раз пытался воздействовать на дирекцию нашего завода, — но, видишь ли, директор ваш, влиятельная особа, сам знаешь, он член окружного комитета партии, и в области и в центре у него большие связи, а что мы с тобой? — шевельнет пальцем и завтра очутимся на бирже труда в качестве безработных. Тебе что? Плюнул на все и поехал в свой рабфак, а у меня семья.

Не успокоившись на этом я пошел к окружному прокурору. Прокурором был большевик с 1904 года Герман Германович Герман. Его я видел на городском партийном собрании. Он и еще один старый большевик, Д. Буровцев, уполномоченный ЦИК, были активными оппозиционерами и к нам в Новороссийск недавно попали из центра в почетную партийную ссылку. Выслушав меня, Герман признал законными и справедливыми наши требования и предложил обсудить их на общем собрании рабочих.

За несколько часов до собрания меня и председателя завкома вызвал секретарь заводской партячейки и предложил вопрос о нарушении колдоговора снять с повестки дня. Позвонив по телефону Герману я объяснил ему положение.

— Завозились чиновники. Не бойся, выноси на собрание, я приеду к вам, — успокоил Герман.

На собрании, после моего доклада о нарушениях колдоговора разыгрались страсти. Администрация и ее подголоски обрушились на меня и на завком, а рабочие бурно возмущались действиями администрации. Я не видел, как в зал вошел прокурор и нетерпеливо посматривал на дверь, а прокурор давно уже сидел в зале среди рабочих. Наконец он поднялся на сцену. Его аскетическая фигура, седые волосы, дышащее волей и упрямством лицо фанатика с горящими глазами произвели сильное впечатление на собравшихся. В напряженной тишине металлом зазвенел голос Германа. Бросая в зал короткие, нервные, резкие и колючие фразы он взвинчивал себя и слушателей, беспощадно обрушиваясь на директора.

— Кому ты служишь? Разве не они — рабочие, своею кровью проложили тебе дорогу к директорскому креслу? Кого ты ущемляешь, по какому праву ты нарушаешь законные права рабочих? Перед кем ты выслуживаешься? Разве не люди, сидящие здесь — твои подлинные хозяева?

На протяжении двадцати-тридцати минут Герман жестоко и остроумно громил бюрократов, чиновников, бездушных карьеристов, которые «опасней и подлей нежели открытая реакция и контрреволюция. В заключение, обращаясь к директору, он заявил: «Если в недельный срок не будут выполнены законные требования рабочих, я буду с тобой говорить не в этом зале, а в зале суда».

Требования завкома были, конечно, выполнены, доверие рабочих к заводскому комитету и лично ко мне выросло. И хотя секретарь партячейки и дирекция относились ко мне внешне корректно, я знал, что они затаили лютую ненависть. Будучи бессильными что-либо сделать Герману, они рано или поздно попытаются свести счеты со мною.

Я знакомлюсь с «Платформой 46-ти»

С Германом после этого собрания я встречался не раз, и к концу моих каникул у нас даже завязалось некое подобие дружбы. Герман любил удить рыбу. Вечерами и в выходные дни, когда я ходил купаться, обычно встречал его на берегу моря с удочкой в руках. Часто махал он мне рукой, указывая место рядом, и мы часами говорили о всякой всячине. Герман был остроумный и не лишенный юмора человек. Чувство превосходства, надменность или учительский тон были чужды ему. Он не только говорил, но умел и слушать. В словах его порою проскальзывали мягкие и задушевные нотки, а глаза светились детским восторгом. Совсем иным он становился, когда был чем-либо недоволен. Лицо его делалось жестким, а слова желчными, острыми, точно ножи.

Не раз мы говорили с Германом о партийных делах. Я спрашивал о вождах партии, о борьбе на верхах, о возможном преемнике недавно умершего Ленина. Герман обычно рисовал мне положение в более или менее мрачных тонах. Однажды он предложил: — Если ты обещаешь держать язык за зубами, я тебе дам прочесть «Платформу сорока шести».

«Платформа сорока шести» фигурировала на тринадцатой партконференции в январе 1924 года. О ней я слышал и знал, что этот документ объявлен конференцией антипартийным и распространение его среди коммунистов строжайше пресекалось. Уже только потому, что это запретный плод, он вызывал интерес, и я тут же на берегу дважды его прочитал. Письмо сорока шести старых большевиков (Преображенский, Серебряков, Пятаков, Осинский и др.) говорило об угрожающей бюрократизации партийного аппарата, о произволе, зажиме, а также о нарушении Сталиным и его фракцией ЦК внутрипартийной демократии, о тяжелом экономическом положении страны, росте безработицы и т.д.

«Платформа сорока шести» произвела на меня сильное впечатление. После ознакомления с нею, я понял, почему с такой страстностью и ожесточением обрушился Герман на нашем заводском собрании на «бюрократов и бездушных чиновников». Вокруг я видел немало неправды. Видел безработных, бедствующих инвалидов, партизан и героев гражданской войны. Слышал их гневные протесты — За что боролись?! — Протесты, на которые чиновники отвечали издевательскими насмешками. Видел, как после окончания гражданской войны племя мелких чиновников ринулось к государственному пирогу, отталкивая от него подлинных представителей народа. Видел жестокую борьбу за власть и влияние безыдейных и порочных элементов в партийном и государственном аппаратах. Видел бесконечные склоки, провокации, доносы и подсиживание. Все эти и многие другие недостатки я объяснял общей некультурностью, разрухой, отсутствием опыта государственного строительства. Я верил, что здоровые, идейные и честные элементы внутри партии победят, что многие болезни и недостатки будут постепенно изжиты. Во всяком случае, иного желательного выхода я не видел, а возвращение к дореволюционному укладу жизни решительно отвергал.

И самый факт протеста сорока шести старейших и влиятельных большевиков я расценивал, как положительное явление. Я не мог себе представить, чтобы люди, прошедшие через десятилетия подпольной

борьбы, через каторгу и ссылку, после победы над царизмом и белогвардейщиной, могли спасовать в борьбе с бюрократами и карьеристами в собственной партии. Вместе с Германом я верил, что достаточно удалить от руководства Сталина и его клику, и в стране, и в партии восторжествуют правда, свобода и демократия.

О Сталине, помимо того, что я узнал из «Платформы сорока шести», мне много рассказал также Герман. Он охарактеризовал его, как честолюбивого и жестокого карьериста. Особенно возмущала Германа буйная жестокость Сталина во время Гражданской войны.

От Германа я узнал, что в начале 1919 года, когда на Восточном фронте советские армии под нажимом Колчака откатывались к Волге, по поручению ЦК на Восточный фронт выехали Сталин и Дзержинский. Чтобы остановить отступление Сталин и Дзержинский организовали массовый террор. Расстреливались без всякого суда тысячи бойцов и командиров Красной армии. В ряде дивизий был расстрелян каждый десятый боец. Расстрелы производились публично на глазах всей части. Делалось это так: выстраивалась в две шеренги часть, подавалась команда к расчету по десять номеров. Затем: «Десятые номера, прямо перед собой, тридцать шагов, шагом марш. Сомкнись». Сомкнувшись, люди ничего не подозревая стояли смирно, а в это время за их спиной устанавливались пулеметы и все они расстреливались в упор. После расстрела начальник карательного отряда, — обычно, представитель политотдела или особого отдела фронта, — выступал с краткой угрожающей речью перед строем, и каратели двигались к следующей части.

Такая безрассудная, слепая жестокость, по словам Германа, помимо того, что ставила под удар правых и неправых, среди которых были и коммунисты, и герои гражданской войны, не достигала и не могла достигнуть цели, так как терроризированные войска при первой возможности массами переходили на сторону белых.

Очищая тыл, Сталин обратил внимание на распространение в войсках венерических болезней. Чтобы пресечь это зло он приказал собрать в

прифронтовых селах и городах всех женщин больных венерическими болезнями. Когда было собрано более двух тысяч больных женщин, их посадили в баржи и объявили, что повезут в центр на излечение. Вместо этого ничего не подозревавших женщин вывезли за Казань, закрыли люки и подорвав баржи, затопили в Волге.

Позже, будучи студентом Московского Университета, я был знаком с военным руководителем Университета старым генералом Самойло. В годы гражданской войны Самойло был главкомом советских войск на Восточном фронте. Он подтвердил правдивость рассказа Германа.

Рабочее сопротивление

В следующем, 1925 году я заканчивал рабфак. Последние два года я жестоко болел малярией. Эта болезнь, а также скудное питание и напряженная работа подорвали мое здоровье. На почве малокровия начался процесс в легких. Чтобы отдохнуть и восстановить здоровье я решил сделать годичный перерыв в учебе. О своем намерении я говорил во время зимних каникул своим друзьям по заводу. За несколько месяцев до окончания рабфака мне написали с завода, что во время очередных перевыборов завкома меня заочно снова избрали в завком. Когда я вернулся в Новороссийск заводской комитет предварительно послал меня в дом отдыха, а затем избрал своим председателем. Желая оправдать доверие рабочих я со всей энергией отдался работе. Но не прошло и двух месяцев, как меня убрали с завода.

В те годы была безработица. Значительное число безработных членов нашего профсоюза металлистов обращались в завком за помощью. При завкоме была касса взаимопомощи. Она выдавала нуждающимся членам союза небольшие денежные суммы в виде возвратных и безвозвратных ссуд. Но фонды этой кассы были далеко недостаточны для удовлетворения спроса. Однажды в завком явилась группа безработных, инициатор этой группы, пожилой рабочий, заявил мне, что он хорошо знаком с технологией изготовления фарфоровой

посуды. Показывая образцы, изготовленные им из фарфора, рабочий просил завком оказать ему небольшую материальную помощь для организации из числа безработных артели по производству фарфора. Меня заинтересовало предложение рабочего. Вместе с ним я пошел к председателю промысловой кооперации. Председатель принципиально не возражал против создания артели и обещал ее включить в свою систему, при условии, если артель сама добудет где-либо кредит для организации фарфорового дела. В поисках кредита я обращался на биржу труда, затем в банк и, наконец, к директору своего завода, и всюду получил отказ. Возмущало меня главным образом то, что и кредит требовался пустяковый, всего две-три тысячи рублей. Завком имел на текущем счету более десяти тысяч рублей, предназначенных на культурную работу. Поговорив с членами завкома, мы решили с ведома общего собрания перечислить с культфонда в кассу взаимопомощи три тысячи рублей для оказания кредита артели безработных. Руководителю артели я сказал, чтобы он пришел на очередное собрание рабочих завода со своими людьми и обратился непосредственно к собранию с просьбой о помощи.

Как я и ожидал, собрание поручило завкому удовлетворить просьбу безработных. На собрании, конечно, присутствовали и члены заводской партийной организации во главе с секретарем. Никто из них не возражал против выдачи этой ссуды, но во время голосования секретарь воздержался. Секретарь партячейки не был популярен среди рабочих завода и даже коммунисты терпели его с трудом. В завод он был прислан окружным комитетом специально для усиления партийной работы и в секретари был проведен только под нажимом окружкома. На собраниях и совещаниях он всегда слепо следовал за директором, обычно начиная свою речь: — Наш глубокоуважаемый директор, товарищ Волков совершенно правильно и своевременно сказал ... — За пресмыкательство и угодничество перед директором Волковым, рабочие в своей среде высмеивали секретаря, называя его «волчий хвост».

Через несколько дней после общезаводского собрания секретарь ячейки созвал закрытое партсобрание. На собрание был приглашен

инструктор окружного комитета партии Барышев. На этом собрании секретарь, а затем и Барышев резко обрушились на решение общезаводского собрания и лично на меня за «незаконное расходование средств завкома», квалифицируя нашу помощь артели безработных как «синдикалистский уклон». Защищая решение заводского собрания, я доказывал, что рабочие вправе распоряжаться средствами союза по своему усмотрению и не нуждаются в опекунах, а «если говорить об уклонах, то скорее вы проявляете бездушно бюрократический уклон». В ответ Барышев бросил реплику: — Ты похож на одного из тех студентов, которые на ослах въезжали в церковь.

— А ты на одного из тех ослов, на которых твои глупые студенты ездили, — выпалил я в ответ под общий хохот собравшихся.

Собрание принимало всё более бурный характер. Несколько раз секретарь ставил вопрос на голосование, и всякий раз огромным большинством его предложение проваливалось. Наиболее резко и независимо выступали партийцы — квалифицированные рабочие машинисты, токари и т.д. Они не боялись потерять партбилет и остаться безработными. Один из них заявил: — Павлова мы знаем. Он вырос на наших глазах, он мастеровой и ему нет нужды лукавить, а ты чужой здесь. У тебя нет ни специальности, ни настоящей грамотности, поэтому ты и лижешься с начальством, и за наш счет пытаешься сделать карьеру.

Несмотря на многократные выступления инструктора окружкома, директора завода, секретаря ячейки и нескольких их приверженцев, собрание отбило все их атаки и постановило: 1) Одобрить линию заводского комитета. 2) Просить окружной комитет отозвать секретаря партячейки, как несоответствующего своему назначению.

Через два дня меня вызвали по телефону в организационный отдел окружного комитета партии и объявили постановление бюро окружкома. Постановление гласило: — За демагогию, склоку и синдикалистский уклон члена ВКП(б) И. Павлова отозвать с работы в

заводском комитете и вообще с завода, и дело о нем передать в контрольную комиссию для привлечения к партийной ответственности.

Окружной комитет партии помещался в Дворце Труда. Там же, этажом ниже, был и окружной совет профессиональных союзов. Председателем его был москвич Шелохаев. Как глава профессиональных союзов он состоял также и членом бюро окружного комитета партии. В годы гражданской войны Шелохаев на фронте встречался с моим старшим братом, поэтому и ко мне относился дружественно. Желая узнать, при каких обстоятельствах было вынесено решение бюро по моему вопросу, я зашел к Шелохаеву.

Рабочий день кончался, вместе с Шелохаевым мы вышли из Дворца Труда и долго ходили по набережной.

— Гибкости и уживчивости у тебя мало, так легко и шею сломать, — сказал мне Шелохаев. — На бюро я пытался, указывая на твою молодость и горячность, выгородить тебя. И Гикало, — завкультпропом, — о тебе неплохо отозвался. Но Барышев уперся и не пожалел темных красок, чтобы размалевать тебя. Да будет тебе известно, что Барышев только временно состоит инструктором окружкома, он без двух минут хозяин Черноморского округа. Нам известно, что Барышев прислан обкомом, чтобы заменить Картукова на посту секретаря окружного комитета. Смена эта должна произойти на партконференции, которая состоится в августе. Но этот человек с бульдожьей хваткой, пользуясь связями в обкоме, уже сейчас ведет себя как генерал-губернатор, а обреченный Картуков пляшет под его дудку. А ты, не зная броду сунулся в воду, публично его ослом назвал, в драку лезешь. Ты должен понять, что борьба с врагами нашей партии сейчас много сложнее, чем была в гражданскую войну. Тогда враг носил свою униформу, его легко было обнаружить и взять на прицел. Сейчас враг среди нас. Он маскируется под наш цвет, прикрывается, точно щитом, партбилетом. Субъективно он не преследует контрреволюционной цели, он вообще безыдейный. Он только

стремится любыми средствами сделать карьеру, взобраться повыше, усесться попрочней, отхватить побольше и полакомей кусок государственного пирога. Таких карьеристов, чиновников и мелкобуржуазных проходимцев в разное время и особенно после революции много проникло в наши ряды. Они цепкие, энергичные и часто не глупые, легко ориентируются в обстановке, ищут и находят связи, поддерживают и подталкивают друг друга, дискредитируют и вытесняют от руководства честный и идейный элемент большевизма, разрушают, точно термиты, партию и готовят, часто сами того не сознавая, почву для оголтелой реакции. А ты говоришь, осел. Нет, он не осел. Осел, травоядное, не вредное, а даже полезное животное. А это — хищник. Кровожадный, жестокий, непреклонный и неумолимый хищник. Такого не запугаешь словами и не остановишь заклинаниями. Он боится только более сильных хищников. Перед ними он пресмыкается и выслуживается. И еще боится он дневного света и массовой, хорошо организованной облавы.

Ты очевидно слышал о забастовке рабочих цементного завода «Пролетарий» в прошлом году. Тебе не вредно знать причины и последствия этой забастовки. Забастовка началась с каменоломен. Там на очень тяжелых и опасных работах занято несколько сот рабочих. Многие из этих рабочих в годы гражданской войны участвовали в движении красно-зеленых партизан. И вот этих рабочих поставили в такие условия работы, что они не нашли иного пути к выражению своего протеста, как забастовка. Пользуясь тем, что на бирже труда масса безработных, администрация завода систематически нарушала и трудовое законодательство, и условия коллективного договора, и элементарные правила по охране труда рабочих, и, главное, систематически при замерах выработки обсчитывала рабочих, что вело к снижению их и без того невысокой заработной платы. При малейшем выражении недовольства рабочих немедленно увольняли и сообщали на биржу труда, что уволены как лодыри и бузотеры. Попробуй с такой характеристикой найти новую работу. И заметь, все это делалось на глазах и заводского профессионального комитета и партийной организации. Забастовка началась с пустяка. Несколько

рабочих потребовали полагающиеся им по коллективному договору рукавицы для работы.

— Нет рукавиц, когда получим, выдадим, — ответил заведующий выработкой. — Сколько же можно ждать? — возражали рабочие. — Если вам не терпится, зайдите завтра в контору за расчетом, — оборвал заведующий.

Возмущенные рабочие хотели было избить этого подлого чиновника, но товарищи их удержали и, прекратив работу, тут же собрались, обсудили и предъявили ряд требований администрации. Все требования были исключительно экономического характера, отличались умеренностью и содержали главным образом ссылки на нарушение администрацией условий коллективного договора. Не встретив сочувствия и понимания ни у администрации завода, ни в заводском комитете, рабочие каменоломни обратились к рабочим других цехов, где положение было немногим лучше. На другой день забастовали все две с половиной тысячи рабочих «Пролетария».

Эта неслыханная в советских условиях «дерзость» рабочих застигла врасплох городское начальство. К счастью, в городе в ту пору еще были, — ты вероятно их знаешь, — старые большевики: уполномоченный ЦИКа Буровцев и прокурор Герман. Они приехали на завод, заставили администрацию удовлетворить законные требования рабочих, и Буровцев своим честным словом и именем правительства гарантировал, выступая на митинге рабочих, что никто из них за участие в забастовке не будет арестован или уволен с завода.

Забастовка эта получила широкий отклик. В центр полетели телеграммы, доклады, доносы. Началось расследование, в результате которого Буровцев, за опрометчивое обещание гарантии безопасности рабочим, получил выговор и был отозван с Черноморья. Удалили и Германа, для порядка сняли и моего предшественника председателя окружного совета профессиональных союзов, Гегечкори, получил нагоняй и секретарь окружкома Картуков. После этого ГПУ принялось за рабочих «Пролетария». Гарантии правительства оказались

недолговечными. Начались аресты. Газета заговорила, как обычно, о мифическом белом офицере, меньшевиках и прочих врагах народа, которые, якобы, организовали забастовку на «Пролетарии». Несколько человек было расстреляно, другие получили долголетнее заключение в лагерях и правда в пролетарском государстве восторжествовала.

Рассказываю тебе я об этом, чтобы удержать от ложного шага. Ты понимаешь, один твой неосторожный шаг сейчас на заводе может вызвать далеко идущие последствия. На твоём месте я бы немедленно уехал отсюда. Все равно они тебе не дадут жизни. Осла он тебе никогда не простит и не забудет. Уезжай в ВУЗ. Учись, накапливай знания, а мы поможем накопить силы. Зайди завтра с утра, я задним числом выпишу тебе путевку в санаторию. Надеюсь, все это останется между нами...

На другой день я получил не только путевку в санаторий, но при помощи своего приятеля-комсомольца, работавшего в учетно-распределительном отделе окружного комитета партии, снялся без ведома начальства с партийного учета и выехал в Анапу. На заводе я объяснил наиболее близким друзьям причину своего бегства, рекомендуя из воздержаться от каких-либо протестов по этому поводу, которые все равно не достигнут цели и наверняка поставят под удар и меня и их.

Спустя месяц я был уже в стенах Первого Московского Государственного университета.

Троцкий

Выступление Л. Троцкого в 1923 году было тактической ошибкой. Троцкий переоценил свои силы и недооценил силы и влияние партийного аппарата. Ему, как обычно, не хватало выдержки. Его выступление было преждевременным. И независимо от содержания его платформы и лозунгов, самый факт его выступления против руководства партии, обрекал его на поражение. Троцкий боролся за

влияние и первенство в партии. Будучи наиболее одаренным человеком среди членов Политбюро, на целую голову возвышаясь над ними, он всегда стоял рядом с вождем партии Лениным. И, естественно, после ухода Ленина предъявил обоснованные претензии на его замещение. Излишняя самоуверенность, высокомерие и презрительное отношение к другим членам Политбюро мешали Троцкому искать для осуществления своих честолюбивых планов союзников среди них. Его пламенный темперамент, смелость, порывистость, гордость толкали его на немедленные действия. Зная о разногласиях, группировках и взаимной неприязни среди членов Политбюро, он не сдержал себя, не выждал пока вызреют, обострятся и выльются эти разногласия в открытую борьбу, в которой он мог бы играть роль арбитра, или по меньшей мере приобрести себе сильных союзников.

Преждевременный срыв Троцкого был выгоден остальным членам Политбюро, особенно Сталину. Они уже давно конспирировали и вели реакционную борьбу против Троцкого. По свидетельству Каменева и Зиновьева, члены Политбюро обычно незадолго перед официальными заседаниями Политбюро созывались Сталиным на негласные совещания без участия Троцкого, где они предварительно решали вопросы, подлежащие рассмотрению на официальном заседании.

Бескомпромиссно отвергая его платформу при обсуждении в Политбюро, они толкали Троцкого на открытое выступление, чтобы обнаружить его приверженцев и сторонников, дискредитировать его в глазах партии, воспользоваться поводом, чтобы запугать неискушенную массу рядовых коммунистов жупелом троцкизма и, в конечном счете, морально изолировать Троцкого, а затем отстранить от руководства партией и вооруженными силами страны.

Будучи блестящим организатором, Троцкий часто недооценивал силу организации, отводя ей второстепенную и подчиненную роль. Троцкий всегда был кустарем-одиночкой. Он способен играть только первые роли. Там, где эти роли ему не удавалось сыграть он не задерживался, уходил и создавал хотя бы небольшое, кустарное, но свое дело, где он

мог бы никем не сдерживаемый всюду проявлять свою яркую индивидуальность. Троцкий — революционер артист. Его стихия — революционная драма. Его качества: великолепный жест, классическая поза, блестящий монолог, смелая, порывистая и благородная поступь в сочетании с искренним вдохновением, граничащим с самозабвением. Склонность к драматизму привела его в 1917 году и в ряды большевистской партии. Попав с великолепной открытой европейской арены в душную и затхлую атмосферу большевистского катакомбного цирка, созданного профессиональными подпольщиками, Троцкий, благодаря умному и опытному режиссеру Ленину, выдвигавшему его на первые роли, продолжал вдохновенно играть. Но с тех пор, как Ленин отстранился, он решил, что наступило время самому выступить в роли режиссера.

Троцкого не любили старые большевики. Его всегда считали чужаком. Большевистская верхушка, за исключением Ленина, всегда подозрительно и косо смотрела на него. Его возвышение в партии, близость к Ленину, популярность в стране, раздражали завистливых честолюбцев. Богато одаренный, высоко культурный, владеющий несколькими иностранными языками, с безукоризненными манерами европейца, Троцкий подавлял своим превосходством мешковатых провинциалов из Политбюро (за исключением, конечно, Ленина и умного и высококультурного Л.Б. Каменева). Он не панибратствовал, не пьянствовал с ними, ни с кем из них не был на «ты».

Своим выступлением Троцкий не увлек большинство членов партии. Привыкшая подчиняться, а не размышлять, рыхлая масса рядовых коммунистов, всегда послушно и слепо следовавшая за своими вождями, не откликнулась на горячий призыв Троцкого. Только партийные организации во главе которых стояли его сторонники проголосовали в угоду своему начальству за оппозицию, чтобы затем с поспешной угодливостью при смене начальства проголосовать за противоположную резолюцию.

Сознательными и более прочными идейными сторонниками Троцкого оказались мыслящие, более или менее интеллигентные коммунисты

студенты, работники центральных учреждений, часть работников партийно-комсомольского и советского аппаратов, часть командно-политического состава армии и т.д.

Для того, чтобы закрепить победу над Троцким, Сталин, с одобрения других членов Политбюро, организовал чистку партийных организаций, вузов и учреждений от «антипартийных элементов». Специально подобранные и проинструктированные комиссии по чистке жестоко расправились с оппозиционерами. Более ста тысяч их было исключено из партии, десятки тысяч коммунистов учащихся и ответственных служащих были сняты с учебы и работы. Особенно пострадали студенческие и учрежденческие парторганизации Москвы.

Чисткой вузовских и учрежденческих ячеек от «антипартийных элементов» был закончен первый этап борьбы с Л. Троцким. После жестокой встрепки, сжимая в бессильной ярости кулаки, Троцкий вынужден был заявить, что он «умеет держать руки по швам». В январе 1925 года он был снят с работы в Наркомате Военно-Морских дел.

Маленков

К этому времени относится и начало большой карьеры Маленкова. В 1922 году он поступил на первый курс Московского Высшего Технического училища. Партийные организации вузов тогда были еще немногочисленными. Они не имели прямой связи с райкомами, подчинялись Московскому городскому бюро студенческих парторганизаций, которое имело прямую связь с московским комитетом РКП(б). Городское бюро избиралось на конференциях. В ту пору коммунисты, поступавшие в вузы имели слабую академическую подготовку, учиться им было тяжело, поэтому они всячески уклонялись от общественных нагрузок. Нелегко было учиться и Маленкову. Не имея законченного среднего образования, он не мог успешно овладеть высшей математикой и вместе с тем не решался оставить технический вуз. Причиной этому служило «чуждое»

происхождение его. На вопрос о социальном происхождении в официальных анкетах Маленков писал: — «из служащих», но среди студенчества были разговоры о том, что родители его до революции имели в Оренбурге не то хлебную ссыпку, не то вели крупную торговлю скотом. По причине своего непролетарского происхождения Маленков постоянно дрожал за свое будущее. По этой же причине, имея склонность к общественной деятельности, он не верил, что будет в состоянии сделать прочную карьеру на этом поприще и на всякий случай предпочел застраховать себя дипломом инженера. Но диплом легко не давался. Старая профессура отрицательно относившаяся к советской власти не только не снижала академические требования к студентам-коммунистам, но наоборот, с особенной придирчивостью относилась к ним во время зачетов. И не только профессура, подавляющее большинство студенчества того времени, будучи по своему составу преимущественно разночинным, не скрывало своего враждебного отношения к коммунистической диктатуре. Среди студенчества существовали всевозможные полулегальные и нелегальные кружки. По рукам ходила нелегальная литература, бюллетени и листовки. Малочисленные коммунистические ячейки в вузах не имели влияния, голоса коммунистов тонули в хоре враждебных голосов. При выборах академических комиссий, студенческих комитетов и других общественных организаций, коммунистов прокатывали на вороних. Чтобы проникнуть в эти организации для наблюдения за их деятельностью и разложения их изнутри, нередко коммунисты по заданию свыше скрывали свою принадлежность к компартии и даже собрания партийных групп и ячеек происходили полулегально и негласно.

В такой атмосфере осенью 1922 года очутился Маленков. Его фигура полувоенного-получекиста была встречена подозрительными и враждебными взглядами одних, и с нескрываемой симпатией других. Звание политработника и партийный билет облегчили ему поступление в училище без вступительных экзаменов. Довольная приобретением нового члена партийная ячейка назначила его парторганизатором первого курса.

Несмотря на молодость Маленков уже имел трехлетний опыт работы в политаппарате Красной армии. Правда, он не был самостоятельным и большим ответственным работником, а был всего лишь протоколистом, секретарем и исполнителем отдельных поручений старых большевиков — своих начальников, но кое-что он вынес. Он не только усвоил терминологию и методы пропаганды, но наблюдая за действиями своих начальников и помогая им в этом, усвоил диалектику дозировки при сочетании методов «убеждения и принуждения». Будучи грамотным и от природы неглупым человеком, он научился также с полуслова угадывать желания начальства, при всем этом умел довольно бойко писать рапорты, донесения и сводки политотделов, за что был особенно ценим своим полуграмотным начальством. Еще в армии Маленков усвоил себе правило — сдержанность, почтительность и подобострастие в сношениях с начальством, резкость и даже нарочитая грубость, как свидетельство революционности и пролетарского стиля, при общении с массой. Несколько удачных выступлений в этом стиле на партийном собрании обеспечили избрание его во время очередных перевыборов в январе 1923 года секретарем партячейки МВТУ. Вслед за этим он был автоматически избран и в городское бюро студенческих парторганизаций Москвы, где вскоре тоже занял место секретаря. Пребывание в должности секретаря городского партбюро, кроме материальной выгоды, так как должность эта была платной, давала возможность непосредственного общения с работниками Московского Комитета партии, приобретать новые связи, быть в курсе не только официальной политики партии, но и закулисной возни партчиновников. Пребывание Маленкова в этой должности совпало с важными событиями в жизни московского студенчества, во время которых Маленков сумел проявить все свои способности и энергию, чем и обратил на себя внимание высокого начальства.

Чтобы положить конец очагам и рассадникам антисоветской пропаганды, какими являлись тогда вузы столицы, советская диктатура, не довольствуясь искусственным отбором при приеме новых учащихся, организовала под флагом «пролетаризации» высшей школы поголовную чистку всего студенчества. Десятки тысяч

студентов были исключены из вузов, тысячи их, по обвинению в контрреволюционной деятельности, были арестованы. Наряду с студентами немало пострадало и педагогического персонала. В этой грандиозной драме решающую роль сыграли работавшие под руководством Маленкова вузовские партийные организации. Инструктируемые и направляемые Маленковым, они составляли списки неблагонадежных, писали характеристики, собирали доносы и т.д.

Еще до окончания чистки вузов от «непролетарского элемента» началась выступлением Троцкого широкая внутрипартийная дискуссия. Дискуссия целиком захватила учащуюся партийно-комсомольскую молодежь. С особой силой и активностью проявились оппозиционные настроения среди студенчества Москвы. Три четверти всех студентов-коммунистов московских вузов проголосовали за оппозицию. Среди оппозиционеров оказалось и большинство секретарей и членов бюро ячеек. Но Маленкова среди них не было. Как и всякий выходец из непролетарской среды, проникшей в ряды партии, он понимал, что фрондирование и безответственная игра в оппозицию — роскошь ему недоступная. Часто бывая в московском комитете он был достаточно осведомлен о соотношении сил на верхах партии, поэтому не только не поддержал Троцкого — бывшего своего шефа по Наркомату обороны, а наоборот, прикидываясь принципиальным и непримиримым противником оппозиции, он появлялся то на одном, то на другом студенческом собрании, волновался, шумел, пытался произносить речи, имея единственный расчет, произвести впечатление не на слушателей-студентов, а на высокое партийное начальство, которое терпело позорные поражения на этих собраниях. Расчет юного приспособленца и карьериста оказался верным. Его заметили и не только не выгнали из бюро студенческих организаций за слабую воспитательную работу среди коммунистов, а поручили ему сбор и подготовку материалов и списков наиболее активных оппозиционеров, чтобы расправиться с ними на предстоящей чистке. Роль Маленкова во время чистки вузовских парторганизаций от «антипартийных элементов» в 1924 году была так же значительна, как и во время чистки вузов от «непролетарских

элементов». При его активном участии тысячи студентов-оппозиционеров были исключены из партии и удалены из вузов. Тысячи других, хотя и сохранили партбилеты но получили решения: «за отрыв от масс снять с учебы и послать на практическую работу».

Такого рода методы «идейной» борьбы в партии, широко вводимые в практику Сталиным, исключали возможность для членов ее открытое и честное обсуждение внутрипартийных вопросов. Не только всегда инертная и пассивная масса рядовых коммунистов, но и отзывчивая, активная и искренняя учащаяся молодежь вынуждена была или молчать, скрывая свои подлинные настроения, или становиться на путь двурушничества и обмана партии. Атмосфера внутри партии становилась все более удушливой и невыносимой. В ней легко себя чувствовали только безыдейные авантюристы и жестокие хищники с партбилетами, типа Маленкова. Только благодаря этой затхлой и нездоровой атмосфере, смог Маленков черным ходом, через кухню, прошмыгнуть в здание ЦК и взобраться на самые верхние этажи его.

В Московском Государственном Университете

Первый Московский Государственный Университет с его многочисленными факультетами имел в ту пору до двенадцати тысяч студентов и более полторы тысячи научных работников. Взятый коммунистической партией курс на пролетаризацию высшей школы уже к середине двадцатых годов изменил социальное лицо студента. Штурмывая курс за курсом, «пролетарское» студенчество овладевало высшей школой. Завершался первый этап борьбы за высшую школу. Подавляющее большинство студенчества уже составляла рабочая и крестьянская молодежь. Начинался второй, самый упорный и длительный этап, этап борьбы за подготовку своих кадров научных работников.

Новое «пролетарское» студенчество резко отличалось от студенчества дореволюционного. Прежде всего, внешний вид «пролетарского» студенчества говорил не в его пользу. Одетые в потрепанные армейские шинели, деревенские домотканые зипуны, в старые выношенные поддевки и пальто и самые разнообразные головные уборы, мы внешне не только не были похожими на прежних франтоватых и безукоризненно одетых студентов, но уступали даже бурсакам. Даже обычно бедно одетый средний советский обыватель выглядел солиднее «пролетарского» студента. Несмотря на это, мы с гордостью и достоинством носили свои скромные одежды, без смущения появляясь в них не только в университете, но и в театрах и других публичных местах. Студенческая стипендия наша равнялась двадцати рублям в месяц. Это составляло около десяти процентов заработка среднего рабочего. Правда, некоторые студенты получали скромную помощь из дому, но были и такие, которые из своей стипендии вынуждены были оказывать помощь безработным или престарелым родителям. Привыкшие с детства к скромному образу жизни, мы мирились и с бедностью своего студенческого существования.

Наши манеры, язык, бытовые навыки немногим отличались от среднего обывателя. В этом отношении прежние студенты, выросшие и воспитанные в культурной среде и привыкшие с детства пользоваться всеми благами цивилизации, не шли ни в какое сравнение с нами. Среди нас было немало хорошо учившихся, способных и одаренных людей, и все же грамотность, общее развитие, начитанность, культурный уровень и кругозор среднего советского студента того времени бесспорно был ниже уровня дореволюционного студента. Это и понятно, и отнюдь не свидетельствовало о том, что люди «черной кости» не способны к наукам, а свидетельствовало только о том, что выросший в мало культурной среде человек не мог в три года, за время пребывания на рабфаке, приобрести сумму знаний и навыков, которые прежний студент приобретал с пеленок.

Нашими сильными сторонами были неистребимая жажда знаний, трудолюбие, упорство, высокая мораль и чувство ответственности

перед своим народом. Нам не только были недоступны, но и чужды щегольство, всякого рода дорогие развлечения, ресторанные кутежи, пьяные поездки к цыганам, посещение публичных домов и т.д., чему были подвержены некоторые слои прежнего студенчества. У нас были и те преимущества, что мы лучше знали свой народ и условия его жизни. Мы не идеализировали и не презирали народ, готовясь честно и самоотверженно служить ему.

Наши настроения были просоветскими. Они являлись результатом не только отрицания прежних порядков, но и убеждения, что советская власть является революционной властью. Властью, которая организовала разгром дворянской и буржуазной реакции. Вырвала страну из мировой бойни, разрешила земельный вопрос, дала рабочим прогрессивное трудовое законодательство, социальное страхование, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, преодолела экономическую разруху в стране, повысила жизненный стандарт трудящихся, заработная плата которых уже перешагнула дореволюционный уровень, дала стране новые кодексы, свидетельствующие о стремлении к правопорядку и революционной законности. Все эти революционные преобразования и еще более грандиозные планы привлекали наши симпатии и доверие к советской власти, и поэтому так велик был процент коммунистов и комсомольцев среди нас.

Партийная организация нашего университета была одной из самых многочисленных организаций в Москве. Она насчитывала в своих рядах более двух тысяч членов и кандидатов партии. Еще многочисленней была комсомольская организация; в ней состояло более трех тысяч студентов. Таким образом, партийно-комсомольская часть студенчества составляла почти половину всех учащихся университета. И среди беспартийного студенчества, которое в массе своей также состояло из детей рабочих, крестьян и служащих, тоже господствовали просоветские настроения. Многие из них в процессе учебы вступали в комсомол и в партию.

Антисоветские настроения были широко разлиты и упорно держались только среди студентов старших курсов физико-математического факультета и среди некоторой части педагогического персонала. Настроения физматовцев, где на старших курсах все еще преобладало старое студенчество, проявлялись в активной и организованной форме. Хорошо законспирированная группа студентов время от времени распространяла размноженные на стеклографе антикоммунистические листовки. В одной из них, например, по поводу внутривнутрипартийных разногласий говорилось: — коммунистическая змея жалит собственный хвост. — Листовки эти носили следы политической незрелости и неопытности их авторов. В них было мало мысли и много желчной брани. Подобного рода листовки среди нового студенчества, конечно, не могли иметь успеха. Наоборот, они будили в нас только враждебное чувство к их авторам.

Новая молодежь принесла с собой в стены университета и новые настроения. Получив благодаря революции и советской власти право и реальную возможность серьезного образования, новая молодежь считала эту власть кровной своей властью и готова была преданно служить ей. Попытки отдельных педагогов использовать относительную академическую свободу, в ту пору еще существовавшую, для проповеди в своих лекциях антикоммунистической идеологии, среди нас не имели никакого успеха. Семена падали на каменистую почву.

На правовом факультете, где я учился, читал лекции по финансовому праву профессор П.П. Гензель. Большой эрудит и прекрасный лектор, он часто не мог сдерживать свои антисоветские настроения. В своих лекциях профессор Гензель критиковал финансовую политику советского правительства, особенно резко осуждая систему беспримерно высоких косвенных налогов в СССР. Партийная организация и деканат нашего факультета хорошо знали о подлинных настроениях профессора Гензеля, но вынуждены были терпеть его как крупного ученого. В 1926 году профессор Гензель был в научной командировке в Лондоне, где ему было присвоено Кембриджским университетом звание доктора прав. Когда профессор Гензель

вернулся в Московский университет, партийная организация нашего факультета даже организовала ему теплую встречу. В следующем году, однако, профессор Гензель будучи снова за границей, предпочел перейти на положение невозвращенца.

Другой крупный ученый и талантливый лектор, профессор Миньков, читавший курс судебной медицины, отличаясь крайней религиозностью (был старостой храма Христа Спасителя) и консерватизмом, не скрывал своего отрицательного отношения к новым порядкам. К нему «пролетарское студенчество», как и к профессору Гензелю, относилось настороженно, однако ценило и уважало их как ученых и лекторов.

Ряд других ученых старой школы, несмотря на явные попытки приспособиться к новым порядкам и подладиться к студенчеству, не пользовались таким уважением. Уснащение ими своих учебников и лекций ленинскими цитатами и заигрывание со студентами никого не могло ввести в заблуждение. Наоборот, беспринципность и подхалимаж этих ученых только усиливали недоверие и неприязнь студентов.

Ярко выраженными приспособленцами и подхалимами были профессор уголовного права Пионтковский, профессор административного права Калистратов, профессор политической экономики Любимов и некоторые другие.

Огромной популярностью и полным доверием среди студентов пользовались такие профессора коммунисты, как историк М. Покровский, профессор государственного права, старый большевик и блестящий лектор Рейснер, профессор международного права Иоффе, академик Пашуканис, профессор западной истории Лукин, профессор экономполитики Бронский, профессор гражданского права Вольфсон, профессор истории партии Невский, профессор философии Сарабьян и ряд других.

Пользовался также полным доверием и всеобщим уважением студентов симпатичный и гуманный декан нашего факультета, старый большевик профессор Удальцов.

И совсем не пользовался уважением, ни среди профессуры, ни среди студенчества, ректор университета А.Я. Вышинский. Вышинский обычно улыбался, но сквозь холодную, мертвую и фальшивую его улыбку проглядывало нечто хищное, наглое и трусливо порочное. И лекции его по уголовному процессу, несмотря на внешнюю логичность, гладкость и даже цветистость отдельных фраз, звучали фальшиво, не искренне, скользили поверху, не производя впечатления на слушателя и быстро утомляя его. Вышинский, не глубокий человек и не ученый. Книги, трактующие вопросы советского права, появившиеся за его подписью в годы, когда он был в зените своей печальной славы, написаны им в той же мере, как «Краткий курс истории ВКП(б)» написан Сталиным⁷.

Сразу после назначения его ректором университета Вышинский, достаточно имея и досуга и пособий под руками, принялся писать труд «О коммунизме». В 1923 году он закончил и напечатал свой «труд». Книжонка оказалась настолько безграмотной и бестолковой, что даже в те, сравнительно терпимые и не взыскательные годы ее жестоко раскритиковали и изъяли из обращения. Не имея ни умных трудов, ни солидного партийного стажа, Вышинский, будучи ректором университета, чувствовал себя далеко не устойчиво и неуверенно. Он лавировал, пресмыкался, постоянно изображал на лице угодливую и заискивающую улыбку. Униженно ухаживал за студентами — членами университетского партбюро, по-лакейски извивался около М. Покровского, Крыленко, Пашуканиса, Иоффе и других, в ту пору важных коммунистических персонажей, читавших лекции в университете. За эту склонность Вышинского студенты присвоили ему кличку — «рыжий лакей». Кличка эта за ним оставалась вплоть до его скандального ухода из университета.

Характерно, что не только профессура и беспартийное студенчество, но и партийцы презирали своего ректора, не раз проваливая его

кандидатуру при выборах в партийное бюро университета. В таких случаях Вышинский плаксиво напоминал, как он «на процессе эсеров участвовал в вынесении кровавых приговоров». Но это еще больше отталкивало от него; с мест слышались реплики: — Расскажи лучше, как в Туле в восемнадцатом году против большевиков выступал, сума переметная⁸. В одном из своих тогдашних выступлений на партийном собрании университета, Вышинский сказал: — Коммунизм, это кусок жареной свинины и хорошие сапоги. — В ответ послышалось: — Это Охотнорядский коммунизм⁹. Аудитория отозвалась на реплику дружными аплодисментами и смехом, и дальше говорить Вышинскому не дали.

Мы недоумевали, как ничтожный Вышинский, при наличии в университете ряда крупных ученых-старых большевиков, был назначен ректором университета. Нам, конечно, и в голову не приходило, что этот головоногий человек в ближайшие годы совершит головокружительную карьеру и, развернув все свои «таланты» и способности, превратится из мелкого беспринципного приспособленца и проходимца в классического подлеца всесоюзного масштаба.

Объединение оппозиций

Впервые в истории большевистской партии осужденная на XIV Партсъезде так называемая Ленинградская оппозиция не только не капитулировала, но, игнорируя постановления съезда стала на путь еще более ожесточенной борьбы со сталинской фракцией в ЦК партии. Два последующих года, отделяющих XIV от XV съезда, были годами лихорадочной идеологической и организационной подготовки оппозиции. Привлекая к себе и организуя вокруг единого нелегального центра все группы оппозиционно настроенных членов партии и комсомола как в центре, так и на периферии, Ленинградская оппозиция быстро переросла во всесоюзную «объединенную» оппозицию. Во многих крупных городах оформляются группы оппозиционеров, создаются областные и районные нелегальные центры. Возродились и активизировались старые оппозиционные

группировки и фракции Троцкого, Шляпникова, Сапронова и т.д. Все они координируют свою деятельность с объединенным московским центром, издают и распространяют нелегально «бюллетень оппозиции» и другую литературу. В свою очередь сталинская фракция, господствовавшая в Центральном Комитете партии, в этот период проводит наряду с бешеной идеологической подготовкой лихорадочную организационную работу. С этой целью, вопреки сложившейся традиции ежегодного созыва партсъездов, Сталин, чтобы выиграть время перенес созыв XV съезда с 1925 на конец 1927 года. Используя несравненно более выгодные позиции и преимущества, Сталин переключил всю мощь партийного и государственного аппаратов на борьбу с оппозицией. Он перегруппировывает и перемещает партийные кадры. Удаляет нежелательных работников из партаппарата, всюду ставит своих надежных людей. С пренебрежением относясь к массе он делает ставку на аппаратчиков. Наряду с партийным аппаратом он также укрепляет своими людьми органы ОГПУ и управление Красной армии, беспощадно изгоняя оттуда сторонников оппозиции. Сталин не только шантажирует, шельмует и травит оппозицию, но всюду отстраняя ее людей от работы, морально изолирует и бьет их по брюху, обрекая на голод и материальную нужду их семьи. Эти сталинские методы, собственно, и решили исход борьбы на XV съезде. Еще задолго до открытия съезда легко было предугадать, что специально подобранный состав делегатов съезда примет те решения, которые будут угодны его организатору — Сталину. Несмотря на всю свою незначительность Сталин сумел расколоть костяк старой большевистской гвардии. Сумел бросить их на борьбу друг с другом. Усилиями одной группы он дискредитировал и морально изолировал другую группу старых большевиков, а затем на следующем XVI партсъезде расправился и с этой последней, расчистив таким образом себе путь к безраздельной личной диктатуре.

Борьба в Университете

В январе месяце 1926 года, сразу же после окончания зимних каникул, было созвано общеуниверситетское партийное собрание. На повестке дня стоял один вопрос: — Итоги XIV партийного съезда. Докладчик Мануильский с большим подъемом подверг острой критике «раскольников и дезорганизаторов» Зиновьева, Каменева и других лидеров «новой оппозиции».

В открывшихся прениях по докладу один за другим выступали активисты, произнося лояльные, одобряющие «целиком и полностью» решения партсъезда, речи. Но вот на сцену вскочил одетый в кожаную тужурку с орденом Красного Знамени в петлице студент правового факультета армянин Аганесов. — Докладчик Мануильский, которого Ленин заклеил в свое время как карьериста, не жалея грязных красок пытался здесь опорочить и оклеветать костяк нашей партии — старых большевиков, ближайших соратников, друзей и учеников Ленина товарищей Зиновьева, Каменева, жену Ленина Надежду Константиновну и многих других. Этот бессовестный человек охаял колыбель нашей революции — Ленинград и его пролетариев — большевиков, мужественно вставших на защиту Ленинизма и революционных завоеваний от покушения Сталина и таких вот (указывает на Мануильского) партийных бюрократов и карьеристов ... — В зале поднимается шум, председатель непрерывно потрясает колокольчиком, Аганесов жестикулирует, кричит, но его голос тонет в нарастающем шуме. Наконец убедившись, что говорить ему больше не дадут, он, погрозив кулаком в сторону Мануильского, спрыгнул со сцены и все еще продолжая что-то выкрикивать, направился к своему месту.

Вслед за ним выступил бывший член ЦК комсомола студент физмата, Мелнайс. В противоположность темпераментному Аганесову, латыш Мелнайс говорит спокойно, убедительно: — Оценивая Ленинское наследство, Сталин пришел к странному заключению, что главное в марксизме-ленинизме, это учение о диктатуре пролетариата. Но диктатура пролетариата является не самоцелью, а только временным и далеко не единственным средством для достижения высоких идеалов трудящихся, то есть, социализма. И если вообще допустимо говорить о

главном в учении Маркса и Ленина, то само собой очевидным является, что достижение этих идеалов, то есть преобразование современного общества на социалистических началах и есть основное содержание, главная цель и смысл учения Маркса и Ленина. Профанация Сталиным учения Маркса и Ленина является не случайной и не ограничивается только возведением диктатуры, то есть насилия, в самоцель и главное содержание ленинизма. Сталин так же примитивно подходит к решению и других коренных вопросов марксизма-ленинизма. Его мелкобуржуазная теорийка о построении социализма в одной стране является тем острым блюдом, о котором предупреждал в своем завещании Ленин... — Мануильский вскочил с места и прерывающимся голосом выкрикнул: — Кто дал вам право разглашать партийную тайну?

— Во-первых, я говорю на партийном собрании, а во-вторых, кто дал вам право скрывать от партии завещание Ленина? — и повернувшись к собранию Мелнайс тем же ровным голосом продолжал, — И Маркс и Ленин учат, что построение социалистического общества является делом многих поколений и всех народов мира. А вот Сталин хочет построить социализм немедленно, при этом в одной нищей стране, где люди ходят еще в лаптях и в большинстве живут под соломенными крышами. Этот лапотный и соломенный социализм Сталина ничего не имеет и не может иметь общего с научным социализмом Маркса, Энгельса и Ленина. Эта примитивная и вредная теорийка свидетельствует о национальной ограниченности и неверии Сталина в силы интернационального пролетариата и неизбежность мировой революции, в результате победы которой только и возможно построение социалистического общества ...

Выступлением Аганесова и Мелнайса началась открытая и организованная борьба «новой» или «Ленинградской», а затем «объединенной» оппозиции в стенах университета. На этом первом собрании, обсуждавшем итоги XIV партсъезда, наряду с официальной резолюцией, одобряющей все решения съезда, оппозиционеры выступили со своей резолюцией, приветствовавшей «мужественных большевиков Ленинграда и их вождей, Зиновьева, Каменева,

Евдокимова, Бакаева и других». При голосовании эта последняя резолюция собрала всего лишь около тридцати голосов. Примерно столько же коммунистов воздержалось от голосования.

Вслед за этим общеуниверситетским партийным собранием происходили собрания студенческих партячеек, на которых зачитывались стенографические записи выступлений на съезде. В этих стенографических записях, со всей остротой отражавших разногласия и ожесточенную борьбу партийных верхов, мы находили достаточно материалов для размышлений и выводов. Наши симпатии были, конечно, на стороне «униженных и оскорбленных». Там были наиболее значительные и яркие фигуры. Там был цвет Ленинской гвардии, основной идейный и моральный капитал большевистской партии. Но при сложившемся соотношении сил и чудовищно возросшем влиянии партийной бюрократии, ее бесчестных и жестоких методах в борьбе с инакомыслящими, мы не сомневались, что оппозиция будет разгромлена. Мы знали также, что вслед за разгромом, по примеру 1923 года последуют жестокие чистки, исключения, травля и аресты. Поэтому, в отличие от 1923 года, сейчас в оппозицию шли не все, а только наиболее решительные, мужественные, идейные и жертвенные элементы. Шли в большинстве студенты с лучшими показателями академической успеваемости, с более солидным относительно других партийным или комсомольским стажем, в массе своей рабочие или выходцы из рабочей среды. Было среди нас много участников гражданской войны, ряд лиц, награжденных боевыми орденами Красного Знамени и т.д.

В отличие от прежних оппозиций, которые возникали и проявляли свою деятельность в условиях относительной терпимости и более или менее широкой внутрипартийной демократии, обеспечивавшей возможность свободного обмена мнений, наша оппозиция возникла в условиях еще невиданного в истории партии зажима, нетерпимости, фальсификаций, когда партийная бюрократия стала квалифицировать всякое несогласие членов партии с ее линией, как тягчайшее партийное и государственное преступление. В этих условиях, для защиты и пропаганды своих взглядов оппозиция вынуждена была

прибегать к «двурушничеству», к фракционным и нелегальным методам борьбы.

Техника конспирации была хотя и несложной, но она обеспечивала регулярную информацию и целеустремленность действий групп и отдельных оппозиционеров. Нелегальная сеть строилась параллельно существовавшей в университете структуре парторганизаций. Первичной парторганизацией у нас была отделенческая ячейка. На нашем факультете советского права существовали, например, четыре партячейки. Ячейка хозяйственно-правового отделения, судебного отделения, административного отделения и международного отделения. Ячейка объединяла коммунистов-студентов и преподавателей всех курсов данного отделения. На каждом курсе было три-четыре академических группы, по двадцать-тридцать студентов. А на всех четырех курсах отделения таких групп было двенадцать-шестнадцать, с общим количеством учащихся от трехсот до четырехсот человек. Процент коммунистов на нашем факультете был много выше, чем на других факультетах. Коммунисты у нас составляли около половины всех учащихся.

Наши отделенческие ячейки не имели между собой связи, а подчинялись непосредственно обще-университетскому партбюро. Такая структура была и на других факультетах. Так же строилась и комсомольская организация.

В соответствии с этим создавалась и нелегальная сеть оппозиции. На каждом отделении, где было хотя бы несколько оппозиционеров (а они вскоре были всюду), был организатор. Иногда он выбирался местной группой, а чаще назначался. Организатор был связан с общеуниверситетским подпольным бюро оппозиции, а последнее имело связь с районным бюро и т.д.

Общеуниверситетское бюро оппозиции имело отдельные отделы: организационный, пропагандистский (с подотделом печати) и вневузовской работы.

Секретарем университетского бюро оппозиции на протяжении двух лет (1926—28) был студент нашего факультета, член партии с 1917 года, бывший бакинский рабочий и красный партизан, награжденный за боевые заслуги в годы Гражданской войны орденом Красного Знамени, Аганесов.

Кульпропом был студент третьего курса физико-математического факультета, член партии с 1918 года бывший член ЦК ВЛКСМ Мелнайс. Членами бюро были: член партии с 1911 года студент Жуков, член партии с 1918 года орденосец Тутихин, член партии с 1918 года орденосец Викторов. Позже, когда начались аресты, было создано параллельное или резервное бюро из трех человек, в котором состояли аспирант и два студента из числа скрытых оппозиционеров.

По такой же примерно схеме строилась нелегальная сеть и в комсомоле. Разница заключалась только в том, что нелегальная сеть комсомольцев не распространялась за пределы университета. В отличие от Ленинграда, в Москве никаких нелегальных центров в комсомоле не было. Совместная учеба и оппозиционная деятельность весьма сближали коммунистов и комсомольцев университета. В это время между ними заметно стирались грани. Те и другие нередко участвовали на совместных нелегальных собраниях, читали и распространяли «Ленинградскую Правду», «Бюллетень Оппозиции» и другой печатный материал оппозиции.

Наряду с лицами, открыто выступавшими на партийных и комсомольских собраниях в защиту взглядов оппозиции, были и законспирированные оппозиционеры, которым до времени рекомендовалось оставаться в тени. Особенно это рекомендовалось членам университетского и отделенческих партбюро, лицам, умеющим печатать на пишущих машинках (чтобы легче было их использовать для размножения нелегальных материалов), пропагандистам, которых по путевкам райкома обычно посылали с докладами на фабрики и заводы, где они могли бы выступая с официальных позиций, по возможности объективно излагать суть разногласий в партии и т.д.

В числе таких скрытых оппозиционеров долгое время находился и я. Количество этих скрытых оппозиционеров (Сталин называл их двурушниками) постоянно колебалось, достигая иногда половины и более общего количества оппозиционеров.

Такая тактика облегчала инфильтрацию партийного аппарата, благодаря чему оппозиция была не только в курсе всех планов и мероприятий «аппаратчиков», но порою и под сенью этого аппарата могла успешно проводить свою деятельность.

Наряду с открытыми и скрытыми оппозиционерами, значительная часть коммунистов и комсомольцев, не принимая прямого участия в деятельности оппозиции, относилась сочувственно к этой деятельности. Охотно читала распространяемые оппозицией печатные материалы, оказывая порой косвенную помощь денежными пожертвованиями, информацией и т.д. По многим соображениям не решаясь связать свою судьбу с оппозицией, некоторые из них, для видимости голосовали против, другие воздерживались от голосования и голосовали за так называемую буферную позицию группы Шкловского.

За группой сочувствующих шла значительная группа нейтральных или безразличных, которую обе стороны называли болотом. Безучастно относясь к внутрипартийной борьбе, эти люди обычно ворчали: — не мешайте нам работать и учиться. Верхи без нас заварили кашу, без нас и расхлебают.

За исключением этих групп оставалась более или менее незначительная группа (во всяком случае, количественно не превышавшая оппозицию накануне XV партсъезда) убежденных и активных сторонников сталинско-бухаринского ЦК, которая будучи по своим моральным и духовным качествам значительно ниже оппозиции, благодаря силам инерции, косности и аполитичности широких партийных масс, наличию в их руках партийного и полицейского аппарата, смогла вести успешную борьбу с оппозицией.

В феврале 1926 года я посетил первое нелегальное собрание. На нашем факультете училась жена старого большевика, известного в ту пору журналиста Сосновского. Сосновский и его жена примыкали к оппозиции. Мы попросили Сосновскую поговорить с мужем, не смог бы он посетить наш небольшой кружок вполне надежных людей. Сосновский дал согласие и через несколько дней встреча состоялась. Собрание происходило в нашем студенческом общежитии на Ильинке. Присутствовали четырнадцать человек, в том числе две девушки. Все участники собрания были студенты нашего факультета. Чтобы не привлекать внимания свет в комнате не зажигался и разговор велся вполголоса. Тесно усевшись на койках, мы затаив дыхание жадно слушали интересный и волнующий рассказ Сосновского «О заговоре Сталина» и борьбе ленинградских большевиков. Хотя мы в темноте и не видели лицо Сосновского, но его искренние слова и душевные нотки в голосе, неподдельная тревога за судьбы партии и революции, чрезвычайно похвальный отзыв Ленина о нем, внушали нам симпатию и полное доверие к этому умному и бескорыстному революционеру.

Большинство участников собрания были настроены воинственно.

— Во главе Ленинграда, — говорили мы, — стоит цвет партии. Там председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев, там жена Ленина и сотни выдающихся старых большевиков. С ними флотские и армейские большевики и весь пролетариат Ленинграда, почему они не вышвырнут сталинцев, не создадут Ленинградскую Коммуну, почему ленинградская радиостанция не зовет народ на борьбу со Сталиным?

— Но это развяжет гражданскую войну, — возражал Сосновский.

— Никто против Ленинграда и старых большевиков воевать не станет. Ленинград, символ нашей революции. Сталин не сумеет поднять против него партию и армию. Он струсит, будет искать компромисса и в конце концов капитулирует. А если даже и нет, то сегодня у нас есть возможность гражданской войны, а завтра и этого не будет.

Такие настроения доминировали в нашем кружке, мы просили Сосновского сообщить о них «кому следует» и обещали полную поддержку Ленинграду. Собрание длилось более двух часов. Провожая Сосновского мы тянулись к нему в темноте, благодарили крепко пожимая его руку, а одна из девушек даже поцеловала, при этом под общий сдерживаемый смех произнесла — не бойтесь, не очень безобразная.

После ухода Сосновского мы еще долго не расходились, находясь под влиянием его речей. В груди звенели какие-то струны возвышенной, чистой и бодрой музыки. Они будили волю к действию и жертвенности. Будили гордость за себя и своих собравшихся здесь товарищей, готовых бороться и принести в жертву многое, быть может и самую жизнь, за правду, народ, его партию и революцию. С такими чувствами не хотелось оставаться наедине.

Обсуждая вопросы тактики, мы договорились не заявлять до поры до времени публично о своей принадлежности к оппозиции, а вести пропаганду ее взглядов и распространение печатных материалов исподволь.

Вскоре на улице я встретил студента института Востоковедения грузина С., с которым учился на рабфаке. После обычных приветствий и пары антисоветских анекдотов С. оглянулся и, понизив голос, сказал: — Если ты еще не превратился в хвост нашего кавказского ишака, могу угостить тебя хаарошим нелегальным собранием. Был уже! Что ты говоришь? Я так и думал, что ты до конца останешься честным человеком. Теперь слушай и запоминай — привыкай к роли нестигаемого подпольщика-революционера. — И С. назвал мне квартиру и номер дома по Яузской улице и время собрания. — Можешь привести с собой нескольких своих приятелей, только не весь университет и не больше половины провокаторов. — Затем С. перестал шутить и рассказал мне, что Сталин убил известного кавказского боевика Камо. «Камо много знал о прошлой и настоящей деятельности Сталина и в последние годы страшно его ненавидел. Камо был искренне привязан к Ленину и к Крупской, с которыми был

много лет лично знаком. После смерти Ленина он был в Москве, не раз посещал Крупскую, а затем, вернувшись на Кавказ, говорил в тесном кругу старых друзей, что «Сталин помог умереть Ленину». Камо точил кинжал против Сталина. Очевидно, «разбойник» что-то пронюхал и опередил Камо. Как трусливый и подлый шакал он не просто убил, а организовал «несчастный случай». В пустынном месте на Военно-Грузинской дороге, когда Камо ехал на велосипеде встречный грузовой автомобиль «случайно» столкнулся с ним. Наши кавказцы единодушно говорят, что это дело рук Сталина. И Буда так думает. Какой Буда? Тот самый легендарный Буду Мдивани, который в Гражданскую войну, отдавая приказ о наступлении на Баку, сказал: — Я Будой не буду, если завтра в Баку не буду.

В назначенное время я пришел на собрание в обществе четырех студентов нашего университета. Конспирации ради, к дому мы подходили поодиночке. В подъезде нас встретил С. и проводил в комнату. В небольшой узкой комнате уже было человек пятнадцать студентов. Некоторые сидели на койке и стульях, а большинство уселось вдоль стен прямо на полу. Представляя нас, С. по обыкновению балагурил: — Внимание, нас осчастливили своим посещением товарищи Роброй, Роб-Зарой и другие представители индусского пролетариата. Занимайте дорогие гости почетную ложу слева. — Мы уселись на полу вдоль левой стены.

Вскоре пришел высокий, худой человек в золотых очках с серой жидкой бородкой. Студенты дружно приветствовали его, называя «товарищ профессор». Профессор недавно возвратился из заграничной командировки. Он был в Германии и Франции. О своих впечатлениях, вынесенных из этой поездки, профессор дельно и увлекательно рассказал нам. Говорил о стабилизации капитализма, росте производства, ценах и заработной плате, о жилищных и бытовых условиях жизни западноевропейского пролетариата. Говорил о стачках и незначительном влиянии коммунистических партий, где «мало подлинных пролетарских революционеров, а преобладает всякого рода мелкобуржуазный сброд». Очень похвально отзывался о группе Рут Фишер — Маслов в Германской компартии, а на вопрос о А.

Коллонтай заявил: — Коллонтай для революции, потерянный человек. Она растеряла революционный багаж, обабилась. Наряды, спокойная мещанская жизнь и уродливая чувственность стареющей женщины, ее целиком поглотили.

Это было самое многолюдное нелегальное собрание, которое я посетил в 1926 году. После него я бывал не раз на нелегальных совещаниях и собраниях, но на них обычно присутствовал узкий круг лиц — пять, семь, максимально двенадцать человек, хорошо знающих друг друга студентов. Чаще всего это были или студенты нашего факультета, или друзья по землячеству. Многолюдные собрания оппозиционеров стали созываться с 1927 года.

В первой половине 1926 года организованные группы оппозиционеров были уже на всех факультетах и отделениях. С этого времени и вплоть до 1928 года в университете не было ни одного партийного или комсомольского собрания, на котором не выступали бы оппозиционеры. Выступления их были заранее подготовлены и продуманы. Выступали наиболее развитые и авторитетные студенты. Один, вооружившись фактами и цифрами, критикует политику партии в области жилищного строительства, другой, цитируя Ленина, толково и остро критикует бюрократический централизм в партии, и т.д. Оппозиционеры в большом количестве распространяли в университете редактируемую членом Исполкома Коминтерна, оппозиционером Сафаровым газету «Ленинградская Правда», которая вела систематическую и резкую критику сталинской фракции ЦК. Распространяли также свой университетский бюллетень, «На ленинском пути». Бюллетень печатал общую и местную хронику, коротенькие фельетоны, заметки и сообщения о ходе внутрипартийной борьбы среди московского студенчества и т.д. Много внимания бюллетень уделял персоне Сталина. В заметках и фельетонах он изображался как нечистоплотный, не брезгающий никакими средствами карьерист. Однажды мне (я состоял в редакционной тройке бюллетеня) передал Аганесов напечатанную на машинке коротенькую заметку за подписью «Н. Н.» В заметке сообщалось, что Сталин, после удаления Троцкого из Наркомата военных дел имел в виду посадить

туда своего бесцветного собутыльника и соучастника военной оппозиции 1919 года, Клима, но против этого возражали правые в Политбюро. Вынужденный им уступить, Сталин не успокоился и настоял на переводе Ворошилова из Северного Кавказа на пост командующего Московским военным округом, чтобы «на всякий случай» иметь московский гарнизон в надежных руках. После этого он решился «иными средствами» захватить наркомат военных дел. Заметка явно намекала на убийство Фрунзе. Для нашей редакционной тройки это была совершенно неожиданная версия (Б. Пильняк опубликовал свою повесть «О непогашенной луне» значительно позже). Мы колебались, не решаясь ее печатать. Только после переговоров редактора бюллетеня с Аганесовым заметка была все же напечатана. Кто был ее автором, мы так и не узнали.

В числе других заметок и фельетонов о Сталине был также напечатан фельетон «Огурец», в котором рассказывалось о физическом уродстве Сталина. Автор фельетона, наш студент, принимая участие в школе по ликвидации безграмотности на фабрике Москвошвей, где обычно изготавливалась одежда и головные уборы для советских вождей, узнал, что Сталин и Молотов имеют уродливые головы. В то время как окружность нормальной мужской головы составляет 55-58 сантиметров, Молотов имел тыквообразную голову окружностью в 67 сантиметров. В противоположность ему, сталинская голова напоминает огурец, ее окружность составляет всего лишь 49 сантиметров.

«На ленинском пути» был весьма скромный бюллетень, содержащий обычно от двух до четырех страничек печатного на машинке текста. Тираж его был сначала тридцать-сорок экземпляров, затем, когда размножение его наладили на стеклографе¹⁰, он доходил до двухсот и более экземпляров. Несмотря на скромное оформление, бюллетень пользовался большим успехом и популярностью среди студентов.

Осень 1926 г., подпольная борьба и первые аресты

Летом 1926 года фракция Троцкого объединилась с Ленинградской оппозицией. К ним потянулись группа «демократического центра» Сапронова, «рабочая оппозиция» Шляпникова и другие. Появилась некоторая надежда на победу. Возвратясь после летних каникул в университет, мы с удвоенной энергией принялись за работу. Теперь мы были уже значительно лучше вооружены и инструктируемы. В нашем распоряжении была не только «Ленинградская Правда» и наш бюллетень, но и регулярно выходящий центральный орган оппозиции, «Бюллетень оппозиции» и многочисленные нелегально распространяемые письма, документы и материалы, в том числе и долго скрываемое от партии «Завещание Ленина». Была уже платформа восьмидесяти трех «большевиков-ленинцев». Наши нелегальные совещания и собрания стали более регулярными и квалифицированными. На них выступали кадровый состав и вожди оппозиции. Интерес к оппозиции и тяга к ней среди студенчества значительно повысились. Наши ряды заметно росли. Осенью 1926 года открыто голосовавших за оппозицию в университете насчитывалось уже более ста человек коммунистов. Вероятно, не меньшим было и число замаскированных оппозиционеров. В комсомоле число оппозиционеров достигало уже трехсот человек. По всему фронту деятельность оппозиции оживилась и усилилась. Теперь оппозиционеры говорили не только на партийных и комсомольских собраниях, но и в кружках партийного просвещения и в академических группах во время занятий по общественным дисциплинам.

Осенью, во время перевыборов отделенческих партбюро оппозиция, хотя и не собрала большинства голосов ни в одной ячейке, но количество замаскированных оппозиционеров, избранных в бюро, резко повысилось. В некоторых отделенческих ячейках большинство членов бюро являлись замаскированными оппозиционерами. На нашем отделении из пяти членов в партбюро двое, в том числе и я,

были замаскированные оппозиционеры. При распределении обязанностей, один стал зав. Организационным отделом, а я зав. Культпропом ячейки. Несколько наших скрытых сторонников были позже избраны также и в общеуниверситетское партбюро. Это давало нам возможность не только быть в курсе всех намечаемых сталинцами мероприятий по борьбе с оппозицией, но и своевременно предупреждать о них оппозицию и принимать свои контрмеры. Кроме того, при отборе для посылки на общественную работу вне вуза зав. Орготделом, например, посылал в качестве докладчиков и руководителей политкружков на фабрики и заводы Москвы своих людей, в стенах университета стремился не перегружать оппозиционеров излишней казенной обязательной для всех коммунистов общественной работой и т.д.

Состоя зав. культпропом, я подбирал руководителей кружков партийного просвещения или из числа скрытых оппозиционеров и сочувствующих нам лиц, или из числа не авторитетных, мало развитых крикунов-сталинцев.

Кружки партийного просвещения в то время занимались исключительно «проработкой» оппозиции. Для партийно-комсомольских кружков вузов культпроп ЦК составил специальную программу и каждому разделу ее давал шпаргалку, так называемую «разработку» с указанием литературы для подготовки к занятиям. Оппозиция силами своих сторонников в РАНИОН (Российская Ассоциация Научных работников общественных наук) Геворкиан и другие, составляли по каждой теме контр-разработку с подробными ссылками на труды Ленина. В результате этого каждое занятие кружка превращалось в арену, где обе стороны, вооруженные шпаргалками и цитатами, вели упорную борьбу.

Очень способствовали также распространению оппозиционных настроений среди студенчества землячества. В выходные дни студенты земляки из различных вузов часто собирались в общежитии то одного, то другого института. На этих вполне легальных сходках обычно развлекались, говорили о всякой всячине, пили чай, а иногда и водку.

Когда началась внутрипартийная борьба эти встречи студентов-земляков превратились в источник всякого рода информации, откровенного обмена мнений и нелегальной литературы. Во время этих встреч велись бесконечные споры, а порою и настоящие бои. Происходили идеологическое размежевание и сближение единомышленников. Здесь назначались явки на нелегальные собрания, разрабатывались планы нелегальной работы во время каникул и т.д.

Осенью 1926 года на одном из таких слетов земляков я встретил нынешнего долголетнего министра промышленности цветных металлов СССР Петра Ломако. После окончания Кубанского рабфака он поступил в московский институт цветных металлов, и в момент встречи со мной был секретарем парторганизации этого института. В 1923 году Ломако был секретарем комсомольской ячейки на рабфаке и находился в числе тех немногих комсомольцев и коммунистов, которые в отличие от большинства, голосовали против оппозиции Троцкого.

После обычных приветствий, Ломако взял меня под руку и отведя на бочок, спросил: — Надеюсь, ты не состоишь в оппозиции?

— Как же, как же, состою в числе самых закоренелых двурушников, — со смехом ответил я.

— Ври больше, ты не настолько наивен, чтобы связаться с палестинскими казаками.

— О том, что ты кубанский патриот я знал, но только теперь узнаю, что ты еще и антисемит, — заметил я.

— Глупости мелешь, я против этой пронырливой нации ничего не имею, а все же лучше шли бы они в свою Е.К.П.¹¹ Затем Ломако по секрету сообщил мне, что вскоре будет постановление Правительства об увеличении на пять рублей в месяц нашей студенческой стипендии. Сказал также, что партийного съезда скоро не следует ожидать. И совсем понизив голос рассказал, что Сталин на заседании ЦК «в связи

с той травлей и грязью, которую льют на него палестинские казаки, заявил об отставке, но ЦК не принял отставку и выразил ему полное доверие». На мой вопрос, откуда ему все это известно, Ломако сообщил, что часто секретарей вузовских партячек созывает на совещания «уполномоченный ЦК и лично товарища Сталина» Маленков, который инструктирует и информирует их. Рассказал также, что на одном из таких совещаний «Маленков мылил голову за слабую работу секретарю ячейки вашего университета. Вероятно, его снимут. Тем более, что он тоже «из наших», а Маленков не очень их жалует. Ты учти это. Вовремя сказанное дельное слово много значит...»

Я учел, конечно, «и вовремя слово сказал». Только не против секретаря, а против сталинцев. Секретарем общеуниверситетской парторганизации у нас был член партии с 1916 года студент IV курса медицинского факультета Шаншин. По национальности он был еврей. Шаншин не разделял взглядов оппозиции и вел идеологическую борьбу с нею. Однако он держался в рамках товарищеской терпимости к оппозиционерам и не допускал brutальных, провокационных и бесчестных методов борьбы. При встрече с Аганесовым и Мелнайсом я рассказал им о предполагающейся замене нашего секретаря. Решено было выступить в его защиту во время предстоящих вскоре перевыборов.

Накануне перевыборов университетского партбюро мы выпустили специальный номер «На ленинском пути», вся первая страница которого была посвящена перевыборам. В статье говорилось, что сталинские антисемиты интригуют против Шаншина, грубо нарушая принципы внутрипартийной демократии, они намереваются заменить его своим погромно настроенным, беспринципным и послушным аппаратчиком.

В своих выступлениях на собрании оппозиционеры более подробно развивали эту мысль, сообщая ряд фактов, свидетельствующих об антисемитизме сталинцев. Последние называли выступления оппозиционеров клеветническими. Шаншин, несмотря на самоотвод, в

бюро был избран почти единогласно и тут же после окончания выборов снова был переизбран секретарем партбюро.

Не имея шансов на успех, оппозиция все же выдвигала и своих кандидатов в бюро. Делалось это с целью популяризации своих сторонников. Перед голосованием обычно сообщалась краткая биография кандидата. Кандидатами оппозиции были старые большевики, орденосцы, партизаны и т.д. Их яркие биографии невольно будили симпатию и хотя они неизменно получали при голосовании немногим более ста голосов, какой-то след в сознании людей все же оставался. Например, при обсуждении по списку называется очередной кандидат, оппозиция бешено аплодирует. Смущенный кандидат поднимается с места и скромно заявляет: — Рабочий. Член партии с 1911 года. С 1912 г. по Февральскую был на каторге. В Гражданскую — военком дивизии. Затем рабфак и университет, разделяю взгляды большевиков-ленинцев. — Снова бешеные аплодисменты, оппозиционеры встают, слышны возгласы: — Да здравствуют старые нестигаемые большевики! Выполним завещание Ленина!

Поднимается следующий кандидат, у него в петлице орден Красного Знамени. В ту пору немногие были орденосцами. — За что орден получил? Тоже был комиссаром?

— Нет, пулеметчиком был на Восточном фронте, четыре раза ранен.
— Снова аплодисменты и возгласы: — Да здравствуют герои Гражданской войны! Да здравствует организатор Красной армии Лев Троцкий!

Формально никто из оппозиционеров в бюро избран не был, однако из одиннадцати его членов трое были замаскированные оппозиционеры.

На следующий день после избрания нового партбюро в университет пришел Маленков. Студенты старших курсов его хорошо знали и звали «ворон». Вызвав в кабинет Вышинского Шаншина, он долго о чем-то с глазу на глаз говорил с ним. Час спустя там же в кабинете Вышинского

состоялось заседание университетского партбюро, на котором Шаншин «добровольно» сложил с себя обязанности секретаря. Ознакомившись лично с членами партбюро, Маленков предложил избрать секретарем белоруса Снопкова, члена партии с 1918 года, бывшего военкома полка. До сих пор секретари партбюро выполняли свою работу бесплатно, в порядке общественной нагрузки. Снопков с момента избрания стал платным секретарем, оклад его равнялся партмаксимуму, то есть, двести двадцать пять рублей в месяц. Кроме того, Снопков и заведующие отделами университетского партбюро были зачислены на бесплатное питание в столовой московского комитета партии.

Партмаксимум обязывал. Чтобы оправдать доверие начальства Снопков организовал жесткую борьбу с оппозицией. В средствах он не стеснялся. Созвав совещание бюро отделенческих ячеек, он заявил:

— Пора пересмотреть наше отношение к оппозиции. До сих пор мы смотрели на оппозиционеров как на наших заблуждающихся товарищей. Это, неверный взгляд. Благодаря этому неверному взгляду и нашему благодушию оппозиция обнаглела, она создала свою партию и безнаказанно дезорганизует и подрывает изнутри нашу партию. Каждое наше партийное собрание она использует для пропаганды своих антипартийных взглядов. Партия, не дискуссионный клуб. Пора положить этому конец.

В качестве конкретных мер Снопков рекомендовал «глушить» выступления оппозиционеров, то есть организовать специальные группы активистов, которые при выступлении оппозиционеров на собрании, с шумом, свистом и криками не давали бы им говорить. Президиумы собраний, при записи желающих выступить в прениях, должны записывать ораторов оппозиции в самый конец списка, а когда приблизится очередь их выступлений, вносить и ставить на голосование предложение о прекращении прений. За проповедь взглядов оппозиции на семинарских занятиях привлекать к партийной ответственности. За распространение и чтение оппозиционной нелегальщины и посещение нелегальных собраний, карать вплоть до

исключения из партии и т.д. и т.п. «Мы должны организовать непримиримость, ярость и воинственность всех честных большевиков против антипартийных элементов и дезорганизаторов в наших рядах. Мы будем оценивать работу каждого бюро отделенческой ячейки по тому, как вы боролись с оппозицией. Больше инициативы, боевитости и смелости в борьбе с антипартийными элементами...»

На вопрос, высказывает в данном случае он свое личное мнение и свои предложения, или это директива свыше, Снопков ответил: — И то и другое.

Несмотря на «боевитую» речь Снопков сказал далеко не все. Он не сказал, что под руководством члена университетского партбюро Тихона Куроптева тайно организуется из «надежных» коммунистов и комсомольцев группа доморощенных филеров и провокаторов, целью которых является проникновение в конспиративную сеть оппозиции, посещение ее нелегальных собраний и совещаний, установление каналов, по которым в университет поступает нелегальная литература и т.д. Не сказал Снопков и о том, что в буфете и в коридорах университета уже бродят профессиональные шпионы с Лубянки. И о многом другом не сказал он. Об этом в заметке «Новая метла по-сталински метет» рассказал наш бюллетень «На ленинском пути». Для убедительности в заметке сообщались и имена девяти «следопытов» из бригады Куроптева.

Ломако сказал правду, стипендию нашу увеличили на пять рублей в месяц. И какой черной неблагодарностью оплатили Сталину студенты. В начале ноября все того же 1926 года в старом здании университета, в правом его крыле, выходящем на угол Моховой и Грановского, где размещалась бухгалтерия и касса, выдавали стипендию. Около сотни студентов толпились в зале, одни стояли в очереди к окошку кассы, другие заняв очередь, стояли группами в стороне или сидели на подоконниках. В зале стоял непрерывный приглушенный гул многочисленных голосов. Сидевший в полуобороте на подоконнике открытого окна студент вдруг повернул голову и громко сказал: — Васька, смотри, Сталин идет. — Ближайшие

студенты бросились к окнам. Послышались восклицания: — А это кто с ним? — Карахан, — ответили несколько голосов. — Эх, черт возьми, и борода у него знатная, точно вороново крыло. — Я тоже выглянул в окно. По Моховой, на нашей стороне и в нашем направлении, со стороны Тверской не торопясь шли Сталин и Карахан. Одетый в зеленую военную шинель и нахлобучив фуражку на глаза, Сталин шел молча, глубоко засунув левую обезьянью руку в карман. Слева от него прекрасно одетый Карахан, сверкая белыми зубами, что-то оживленно говорил. Следом за ними шагах в десяти шли одетые в цивильные темные демисезонные пальто два охранника. Правые руки их были в карманах, а настороженные и беспокойные взгляды были обращены в сторону наших окон. Когда Сталин и Карахан почти поравнялись с нами, кто-то из студентов громко крикнул: — Позор душителю революции Джугашвили! Выполним завещание Ленина! Долой узурпатора! — Из другого окна тоже раздались громкие восклицания: — Предатель дела Ленина, Тушинский вор! — Услышав первое восклицание, Карахан испуганно метнул взгляд в нашу сторону, а охранники поспешно приблизились к Сталину вплотную. Сталин что-то сказал идущему справа от него охраннику и он стал отставать, его примеру последовал и второй охранник. Не ускоряя шаг Сталин и его спутники перешли улицу Грановского и шли дальше по Моховой, а вслед им, высунувшись из окна до предела, молодой рыжий парень с налившимся кровью лицом от напряжения, трубным голосом кричал: — Карьерист, огурец, чубук... — Другой, совсем юный паренек тянул его за руку и уговаривал: — Павел, это лишнее... При чем тут огурец и чубук? От этого пахнет 74 статьёй Уголовного Кодекса¹², мы должны вести борьбу на высоком идейном уровне... — Повернув, наконец, возбужденное лицо в зал, Павел задыхаясь от злости рыкнул: — Пошел ты к черту со своим идейным уровнем, он нас на кол готов сажать, а ты дурувень.

Совсем иначе относились наши студенты к Н. Бухарину. Бухарин и его т.н. школа: Стецкий, Марецкий, Слепков были основными поставщиками «теоретического» боепитания в борьбе Сталина против оппозиции. Несмотря на это студенты питали к Бухарину симпатию. Свидетельством этого может служить следующая сценка, которую я

наблюдал в марте 1927 года. Находившиеся во дворе того же старого здания университета несколько групп студентов увидели Бухарина. Одетый в кожаную куртку, в темной кепке, Бухарин шел по Моховой на стороне противоположной университету. Как раз против университета была книжная лавка издательства «Академия». Он остановился у витрины, рассматривая книги. Сопровождавший его охранник остановился у витрины соседней лавки. Размахивая портфелями и широко улыбаясь четверо студентов вышли со двора и направились к Бухарину. Их примеру последовали и другие, и вскоре вокруг Бухарина собралось человек тридцать студентов. Я тоже присоединился к ним. Студенты засыпали вопросами, спорили, Бухарин отшучивался, возражал. Обещал прийти в университет. — Мы еще встретимся, поговорим и поборемся. — Из задних рядов кто-то спросил: — На Лубянке встретимся?

— Зачем же на Лубянке? Лубянка не для нас с вами, в университете встретимся, и я вас еще разделаю под орех, — со смехом говорил он. Уходя, Бухарин снял свою кепку, лицо его смеялось, смеялись и крошечные глазки, а ветер шевелил детский хохолок на голове. Студенты дружно простились с ним, и ни один из них не обронил грубого слова в адрес «Бухарчика», как его звали у нас.

XIV-й Партийный Съезд, как известно, осудил взгляды «Ленинградской оппозиции». Но сталинская фракция не чувствовала еще себя достаточно сильной, чтобы объявить «взгляды оппозиции несовместимыми с пребыванием в партии», как это она сделала два года спустя на XV Партийном Съезде. Сталину потребовалось целых два года, чтобы изолировать и дискредитировать вождей оппозиции, идеологически и организационно укрепить свои позиции в аппарате партии и государства. Два года оппозиция всеми доступными ей средствами боролась за свои взгляды. Но эту неравную борьбу она вела преимущественно моральными и идеологическими средствами в пределах партии, в то время как сталинская фракция в своей борьбе опиралась не только на мощный, тщательно подобранный партийный аппарат, но и на аппарат государства, имея неограниченные финансовые возможности и средства принуждения и подавления.

Не имея формальной возможности исключения из партии своих членов за принадлежность к оппозиции, сталинская фракция стала исключать их «за фракционную деятельность». А с начала 1927 года против оппозиции стали применяться и меры полицейского воздействия. Меры эти еще не носили характера разнузданной кровавой свистопляски, которая была характерна завершительному периоду борьбы с оппозицией. В 1927 году в ГПУ применялись менее жесткие и более эластичные меры, направленные преимущественно к отрыву от оппозиции отдельных ее сторонников и к пресечению фракционной деятельности.

Время от времени то одного, то другого студента-оппозиционера ГПУ стало приглашать на Лубянку. Сначала вызываемые являлись. С ними вежливо, отеческим тоном чекисты вели назидательные разговоры: — Вы молоды. Впереди у вас целая жизнь, большая карьера, ответственная работа. Мы знаем о вашем пролетарском происхождении, преданности делу рабочего класса и его партии. Но вы на ложном пути, и этот путь может завести вас сначала в дебри оппортунизма, а затем и в стан врагов пролетариата...

В таком товарищеском стиле велся разговор. Обычно вызываемые оппозиционеры протестовали, оспаривая право беспартийного государственного органа в лице ГПУ, вмешиваться во внутрипартийные дела. В таком случае им предъявлялось обвинение в фракционной деятельности. — Партия наша является правящей партией в стране, она является душой и мозгом диктатуры пролетариата. Дезорганизация рядов партии есть не только антипартийная, но и антигосударственная деятельность.

В большинстве случаев вызываемые отрицали свое участие в фракционной деятельности. Обычно им предлагали дать подписку о том, что они осуждают фракционную деятельность оппозиции и сами обязуются не вести этой деятельности. — В случае нарушения данной подписки нижеподписавшийся Н.Н. подлежит уголовной ответственности.

В том случае, когда оппозиционер отказывался дать такую подписку, его подвергали аресту. При том объявляли, что он будет сидеть до тех пор, пока не даст подписки. Эта угроза, как правило, не приводилась в исполнение. Арест, обычно, ограничивался несколькими днями, а затем независимо от того подписал или не подписал обязательство о прекращении фракционной борьбы, он освобождался.

Эти полицейские методы Сталина явно не достигали своей цели. Во всяком случае, они вызывали бурю негодования в рядах оппозиции и даже многие сторонники «генеральной линии» явно не сочувствовали таким методам.

Руководители университетской оппозиции рекомендовали своим сторонникам не являться по вызову ГПУ, а в случае попыток ареста в университете или в общежитии, оказывать невооруженное сопротивление, привлекая громкими словами протеста и призывами о помощи внимание окружающих. В случае ареста и вымогательства подписки об отказе от фракционной борьбы, не упорствовать, подписать ни к чему не обязывающий документ и продолжать прежнюю деятельность.

Этот метод сопротивления блестяще себя оправдал. Чекисты, как огня боятся гласности, они обычно действуют втихую, главным образом ночами. Но, когда они появлялись ночью в студенческих общежитиях для произведения арестов, все общежитие било тревогу. Открывались комнаты и в коридор выбегали полураздетые студенты и студентки, неслись возгласы: «Долой жандармов! Долой опричников!» При этом люди ударяли в различную металлическую посуду, производя ужасающий шум. После такой встречи лубянские гости поспешно ретировались и намеченную жертву обычно старались арестовать на улице. Выследив ее на пустынной улице, двое одетых в гражданские костюмы опричников брали жертву под руки и быстро влекли в автомашину.

Опасаясь арестов на улицах, оппозиционеры старались не ходить в одиночку. Но все эти предосторожности не спасли от ареста ряда

оппозиционеров. В феврале и марте 1927 года на улицах Москвы были арестованы шесть студентов нашего университета, в том числе и редактор бюллетеня «На ленинском пути». На этот раз ГПУ не ограничилось подпиской о прекращении фракционной деятельности, все они были высланы в отдаленные места Сибири. К ним впервые была применена 58-я статья Уголовного Кодекса. Впервые Сталин квалифицировал оппозиционную деятельность внутри партии как контрреволюционную деятельность. Факт этот глубоко возмутил не только осужденных, которые в своих письмах из мест ссылки к товарищам по университету гневно протестовали против подобной квалификации их деятельности, но и всех мыслящих большевиков, независимо от их принадлежности к оппозиции.

Арест и высылка студентов-оппозиционеров не только не привели к разброду, трусости и отходу от оппозиции, но эта мера вызвала обратную реакцию. Она вооружила оппозицию конкретными фактами. В своих выступлениях на партийных и комсомольских собраниях оппозиционеры, сообщая об арестах и исключениях инакомыслящих коммунистов, цитировали «Завещание Ленина», в котором говорится о Сталине: — сей повар будет готовить острые блюда. — Сталин, говорили они, стремится разрешить разногласия в партии не на основе внутрипартийной демократии, путем свободного обмена мнений и дискуссии, а мерами полицейских репрессий. Эти меры неизбежно приведут к ликвидации партии и к термидорианскому перерождению нашей революции.

В пользу арестованных и их семей были произведены денежные сборы, в которых приняли участие не только оппозиционеры и некоторые «нейтраллисты», но и беспартийные студенты и ряд профессоров.

Характерно, что беспартийные профессора в массе своей сочувственно относились к студентам-оппозиционерам. Охотно читали нелегальщину, проявляли явный либерализм к оппозиционерам при оценке их академической успеваемости и т.д. Сочувствие их, надо

полагать, привлекала не платформа оппозиции, а самый факт протеста, который так или иначе расшатывал деспотизм.

По другим соображениям, но так же сочувственно к оппозиции относилось и большинство профессоров-коммунистов. Правда, немногие из них, как Иоффе, Рейснер и т.д. выступали открыто с проповедью взглядов оппозиции, но ряд лиц принимал участие в нелегальной деятельности и сотрудничал в нашем бюллетене «На ленинском пути».

Арест и ссылка оппозиционеров в начале 1927 года видимо были пробным шаром. Об этом свидетельствует и тот факт, что арестованы были второстепенные лица, а не вожди университетской оппозиции Аганесов, Мелнайс и др. Убедившись, что эти меры не поколебали оппозицию и не приостановили, а пожалуй усилили рост ее рядов, Сталин счел нужным до XV Партсъезда воздержаться от применения полицейских репрессий.

Наши оппозиционные настроения были далеко не однородны. Значительная часть студентов-оппозиционеров были сторонниками «ленинградской оппозиции», поддерживая Зиновьева и Каменева. Другая часть примыкала к группе Троцкого. Были также сторонники «Демократического централизма» (сапроновцы), «Рабочей оппозиции» Шляпникова и т.д. Сторонники различных групп вели между собой споры, однако все мы считали себя ортодоксальными большевиками и в борьбе со сталинской фракцией выступали единодушно и солидарно, будучи убежденными, что эта фракция и ее деятельность является главным, самым большим и опасным злом для нашей партии и революции. Поэтому и приобрел широкую популярность среди нас так называемый «Тезис Клемансо».

Мы были единодушны в оценке того, что неудержимо растущая бюрократизация партийного и государственного аппаратов влечет за собой ликвидацию всех демократических завоеваний трудящихся и «к спуску на тормозах» революции в болото буржуазной реакции. В рядах оппозиции не было единодушия в оценке степени термидорианского

перерождения революции. В то время как «объединенная оппозиция» устами Троцкого говорила о «сумерках революции», группа «демократического централизма» утверждала, что бюрократическое перерождение революции уже стало совершившимся фактом.

Соответственно этим оценкам делались выводы и намечались тактические линии. Сторонники объединенной оппозиции, чтобы рассеять «сумерки» считали возможным ограничиться рядом демократических реформ в партии и государстве. «Рабочая оппозиция» в своих выводах шла гораздо дальше. Она не только требовала демократизации внутрипартийной жизни, но поддерживала тезис «рабочей демократии», настаивая на передаче всех фабрик и заводов в коллективную собственность и управление рабочим. А децисты во главе с Сапроновым шли еще дальше, они звали «назад к Октябрю».

Расширение нашей пропаганды

Студенты-оппозиционеры в своей деятельности не ограничивались стенами университета, они также вели большую работу и за его пределами. В культпропе университетского бюро комсомола были скрытые оппозиционеры. Благодаря этому руководители комсомольских кружков политграмоты и докладчики на фабрично-заводские комсомольские собрания назначались преимущественно из числа лиц, сочувствующих оппозиции. Коммунисты-оппозиционеры, особенно замаскированные, также правдами и неправдами старались, и небезуспешно, проникнуть на московские фабрики и заводы, где создавали группы сочувствующих оппозиции рабочих. Несмотря на заявление в печати секретаря московского комитета партии Угланова о том, что «из Москвы ни одна ласточка не улетит в провинцию», оппозиционные «ласточки», то есть письма с нелегальной литературой летели тысячами. Каждый студент по месту своего рождения, работы и прежней учебы имел родственников, друзей и знакомых. На их имя он посылал анонимно в письмах бюллетень оппозиции, завещание Ленина, речи вождей оппозиции и т.д. За один только 1927 год таких

писем я, например, послал более сорока и как позже мне удалось установить, большинство их дошли по назначению, а заявление Угланова оказалось пустым бахвальством. Во время летних и зимних каникул студенты возвращались домой. Оппозиционно настроенные вели большую работу среди своих друзей, создавали нелегальные группы или открыто выступали на партийных и комсомольских собраниях с защитой взглядов оппозиции.

Нарастающая внутрипартийная борьба рождала тревогу среди наиболее активной, чуткой и искренней части членов партии и комсомола. Эти люди добросовестно пытались вникнуть в суть разногласий и не удовлетворялись сообщениями официальных докладчиков, или не доверяя им, искали встречи с оппозиционерами.

Осенью 1927 года направляясь из университета к себе в общежитие на Девичке я очутился на задней площадке трамвая в обществе четырех курсантов военной школы имени ВЦИК. Курсанты вели оживленную беседу о внутрипартийных разногласиях. На площадке, кроме меня и курсантов, пассажиров не было. Я вступил в разговор с курсантами, объясняя им за что борется оппозиция. Курсанты с большим интересом слушали меня, а когда на конечной остановке мы сошли с трамвая, один из них спросил не имею ли я лишнего экземпляра завещания Ленина.

— С собой не имею, но, если вы подождете здесь десять минут, — сказал я, — я принесу вам и Завещание и большое письмо Троцкого в Истпарт. — Курсант согласился подождать меня. Вручив ему обещанные документы, я сказал: — Если вы и дальше будете проявлять интерес к нашей борьбе и пожелаете прочесть другие документы оппозиции, приходите в пятницу в это же время сюда.

В пятницу снова состоялась встреча у меня с курсантом. Он возмущался лживостью политруков и «старорежимными» порядками в школе. — Снова, как в старой армии, заставляют козырять при встрече с даже незнакомыми командирами и членами ВЦИК. — В ту пору в других частях Красной армии отдание чести рекомендовалось бойцам

только при встрече со своими непосредственными командирами. Рассказал также, что курсантам школы запретили в Кремле за пределами казармы курить. Запрещение это последовало в результате такого случая. Во дворе Кремля шел курсант школы с дымящейся папиросой во рту. Из-за угла боковой улицы вышел Молотов и сослепу столкнулся с курсантом. При этом дымящаяся папироса курсанта коснулась очков Молотова. Зарывав нечто нечленораздельное Молотов удалился, и в тот же день вызвал и разнес начальника школы. Курсант был посажен под арест и специальным приказом по школе курсантам с тех пор запрещено в Кремле курить.

С этим курсантом я встречался еще несколько раз. Когда в школе по его инициативе была создана законспирированная группа оппозиционеров я через Аганесова связал ее с районным центром оппозиции.

Такие случайные встречи были не единичны. Несмотря на относительную немногочисленность оппозиции, ее активность и влияние, особенно в Москве и Ленинграде, были значительны.

В китайском университете

В феврале 1927 года меня вызвал завкультпропом университетского партбюро. — Райком снял с работы в китайском университете имени Сун-Ят-Сена ряд преподавателей-оппозиционеров, — сказал мне завкультпропом, — нужно заполнить образовавшийся прорыв. Для этого, по предложению райкома, мы должны послать в качестве преподавателей трех толковых наших студентов. Я наметил тебя, а ты подбери на своем факультете еще двух крепких ребят.

На другой день из числа скрытых оппозиционеров я подобрал двух «крепких ребят» и мы направились на Волхонку в университет имени Сун-Ят-Сена для ликвидации образовавшегося там «прорыва».

Китайский университет имени Сун-Ят-Сена в Москве имел пятьсот человек учащихся. Срок обучения в университете был двухгодичным. На первом курсе преподавание происходило исключительно с помощью переводчиков. Только в двух академических группах, где были сосредоточены студенты, знающие английский язык, занятия проводились на английском языке. На первом курсе учебный план много времени отводил на изучение русского языка. Благодаря этому студенты к концу года более, менее сносно говорили по-русски. На втором году обучения занятия происходили на русском языке и хотя по-прежнему в каждой академической группе был переводчик, роль его теперь ограничивалась толкованием отдельных непонятных слов. После двухгодичного обучения в университете все студенты направлялись в военные школы, где они проходили курс военной подготовки и получали звание среднего комсостава. Затем отбирались наиболее способные (исключительно коммунисты и комсомольцы) для работы при университете в качестве переводчиков и аспирантов, а остальные отправлялись на родину.

Набор учащихся в Китае формально производился Гоминданом, но в те годы влияние компартии в Гоминдане было велико, поэтому большинство молодежи, направляемой в московский университет имени Сун-Ят-Сена, составляли коммунисты и комсомольцы. Подавляющее большинство этой молодежи вербовалось из среды студентов китайских вузов и техникумов. Социальное лицо этой молодежи было далеко не пролетарское. Из пятисот учащихся в 1927 году было всего три человека рабочих. Остальные были детьми торговцев, средней промышленной буржуазии, крупных чиновников, милитаристов и т.д.

Отбор и отправка в СССР учащихся производилась конспиративно. Официально студенты брали в индивидуальном порядке визы в западноевропейские страны для продолжения образования. Иные ехали кружным водным путем в Европу, а затем направлялись в СССР. Другие, также не считаясь с расходами, которые оплачивались из партийной кассы, брали проездные билеты до Берлина или Парижа и ехали железной дорогой, а достигнув СССР, оставались здесь.

Прибыв в СССР, студент подвергался тщательной проверке. Затем ему предлагали забыть свое подлинное имя и присваивали вымышленное, под которым он скрывался на протяжении всего времени пребывания в СССР. С момента поступления в университет все студенты имели русские имена. Приемный сын Чан-Кай-Шека, например, имел имя Елизаров. Сын Фин-Юн-Сяна — Собинов и т.д.

Университет имени Сун-Ят-Сена являлся комвузом. Учебные программы его строились с расчетом подготовить более или менее квалифицированных пропагандистов. В соответствии с этим подбирались и педагогический персонал. Значительную часть его составляли преподаватели международной школы имени Ленина.

Ректором университета до октября 1927 года был Карл Радек, затем его сменил Миф.

Студенты университета имени Сун-Ят-Сена материально были обеспечены значительно лучше советских студентов. Их лучше кормили, они имели лучшие бытовые условия, а летние каникулы с июня по сентябрь месяц они проводили компактной массой в подмосковном доме имени Калинина.

Идеологические взгляды этого студенчества отличались крайней разновидностью. Формально все они, в том числе и коммунисты, являлись членами партии Гоминдан. Но внутри этой партии шла ожесточенная борьба. В то время как правые элементы Гоминдана являлись убежденными сторонниками Сун-Ят-Сена, коммунисты, замаскированные под левых гоминдановцев, не смея открыто выступить против популярного среди китайского народа вождя и его знаменитых трех принципов, пытались использовать имя Сун-Ят-Сена для укрепления своих позиций в Гоминдане, чтобы в конечном счете взорвать его изнутри и переключить национально-освободительную и демократическую революцию в Китае на рельсы так называемой «демократической диктатуры».

Летом 1927 года, когда произошел разрыв Чан-Кай-Шека с компартией, борьба в стенах университета приняла исключительно резкие формы. На частых собраниях студенты вели идеологические споры, порою заканчивающиеся кулачными боями. Правые гоминдановцы, составлявшие треть всех учащихся, не только отказывались осудить действия Чан-Кай-Шека, но заявляли о своей солидарности с ним и требовали немедленного возвращения в Китай. Требование это явно не соответствовало интересам Кремля. Он лавировал, шли бесконечные уговоры и обещания и только после того как студенты пригрозили массовой голодовкой, их требования удовлетворили, они были отправлены в Китай, но не на юг в район действия войск Чан-Кай-Шека, а на территорию его противника, Джан-Зо-Лина, где многие из них были уничтожены.

Острая борьба студентов шла не только по линии Гоминдана. Среди коммунистов и комсомольцев также были широко распространены оппозиционные настроения. Не в пример советскому студенчеству, которое после всякого рода чисток было в значительной мере сковано страхом, их китайские коллеги отличались бесстрашием и независимостью своих суждений. Не только партийные собрания, но и семинарские занятия очень часто превращались в арену страстных боев, где ничем не сдерживаемый восточный темперамент учащихся проявлялся со всей буйной силой.

Споры в основном шли о путях китайской революции. Ограничится ли революционное развитие Китая только разрушением феодальных отношений в стране и ее освобождением от иностранцев, как это имело место в Турции, или, минуя капиталистический путь развития, Китай непосредственно придет к победе социальной революции?

Чтобы ослабить влияние оппозиции среди китайских студентов, в сентябре 1927 года Сталин прочитал в стенах университета имени Сун-Ят-Сена ряд лекций о движущих силах и перспективах Китайской революции. Ни лектор, ни его лекции особым успехом не пользовались. Слушатели и педагоги, которых обязывали присутствовать на этих лекциях, не только не проявляли энтузиазма,

но с трудом боролись с сонливостью, которую им навевала тусклая и монотонная негромкая речь Сталина с сильным кавказским акцентом. Когда стенографические записи лекций были отредактированы, размножены и вручены студентам, споры среди них еще более усилились. Выступление Сталина не только не укрепило его позиции среди китайских студентов, но вероятно даже ослабило их. Его невзрачная, неряшливо одетая фигура, унылый и невыразительный голос, грубая речь и примитивная логика явно разочаровали китайцев.

Китайские студенты-коммунисты были неплохо осведомлены о разногласиях и борьбе внутри нашей партии. Среди них было широко распространено завещание Ленина, речи вождей оппозиции и всякого рода печатные материалы оппозиции. Процент оппозиционеров среди них был выше, чем среди советских студентов и вероятно достигал половины общего числа коммунистов и комсомольцев. Во время антисталинской демонстрации в Москве в десятую годовщину Октябрьской революции, китайские студенты-оппозиционеры пронесли через Красную Площадь транспарант с надписью «Да здравствует Ленинская оппозиция ВКП(б)!»

Борясь с влиянием оппозиции среди учащихся университета имени Сун-Ят-Сена, сталинский ЦК время от времени снимал с учебы наиболее влиятельных оппозиционеров и возвращал их в Китай. Среди студентов университета упорно циркулировали слухи, что оппозиционеров, как и правых гоминдановцев, умышленно выбрасывают из СССР на территорию Джан-Зо-Лина. Утверждали даже, что в этом случае советское ГПУ действует в контакте с Джан-Зо-Линовской полицией.

Позже Сталин не стал затруднять полицию Джан-Зо-Лина. Он арестовывал, держал в тюрьмах и расстреливал китайцев-оппозиционеров наряду с советскими гражданами, силами своей собственной полиции.

1927 год, активизация наших действий

Во время летних каникул 1927 года, будучи в Краснодаре и Новороссийске, я открыто выступал на партийных и комсомольских собраниях с защитой взглядов оппозиции. Когда я осенью вернулся в Москву, университетская парторганизация уже была осведомлена о моих «антипартийных вылазках». Последовали оргвыводы. На очередном партийном собрании отделенческой ячейки был поставлен вопрос о выводе меня из бюро. Оппозиция, по обыкновению, использовала это событие для выступления против «зажима и произвола сталинских карьеристов и мракобесов». После бурных выступлений с обеих сторон, большинство ячейки проголосовало за предложение, гласившее: — Ввиду того, что переметнувшийся на сторону оппозиции член партбюро Павлов не отражает настроения и волю большинства членов парторганизации, вывести его из состава бюро ячейки и ввести на его место очередного кандидата.

Таким образом, сбросив с себя личину лояльного сторонника «генеральной линии» и освободившись от гнетущей и чуждой моему характеру необходимости двурушничать, я стал открыто выступать в защиту взглядов оппозиции. Пользуясь медлительностью партийной машины я продолжал работу в китайском университете, и только в октябре райком догадался освободить меня от этой работы.

В сентябре 1927 года оппозиция начала широким фронтом контрнаступление. Пытаясь прорвать бюрократические рогатки формальной партдисциплины, вожди оппозиции, требуя общепартийной дискуссии, явочным путем стали созывать широкие совещания и массовые нелегальные собрания своих сторонников и сочувствующих. Состоялся ряд полулегальных расширенных совещаний виднейших руководителей оппозиции во главе с Троцким, Каменевым, Зиновьевым, Преображенским и т.д., на которых присутствовало более двухсот человек. На этих совещаниях была окончательно сформулирована и утверждена «платформа большевиков-ленинцев». Оппозиционер Фишелев — директор первой образцовой московской типографии нелегально отпечатал эту платформу в количестве более двадцати пяти тысяч экземпляров и она была распространена оппозицией в Москве и провинции.

В октябре, за два месяца до XV съезда, сталинско-бухаринский ЦК вынужден был объявить общепартийную дискуссию. Начались дискуссионные собрания.

Первое дискуссионное собрание в университете состоялось в середине октября. Так как ни одна из самых больших наших аудиторий не могла вместить всех участников, то собрание было назначено в театре революции. Официальным докладчиком сталинской фракции ЦК ВКП(б) на собрании был секретарь ЦКК Емельян Ярославский. Содоклад оппозиции делал член ЦК Смилга. Для доклада был установлен регламент в один час. Для содоклада, несмотря на протесты оппозиционеров, было предоставлено только полчаса времени.

Собрание проходило в очень напряженной атмосфере. К нему готовились не только оппозиционеры, но и сталинцы. Задолго до собрания московский комитет созывал совещания секретарей вузовских парторганизаций, на которых сотрудник личного секретариата Сталина Маленков инструктировал их. Характер и результаты этих инструкций не замедлили сказаться. По настоянию секретаря Снопкова университетское партбюро подготовило несколько групп хулиганов. В день собрания их вооружили гнилыми помидорами, тухлыми яйцами, старыми галошами, ящики с которыми были предусмотрительно привезены в университет и спрятаны в новом здании напротив буфета под лестницей¹³.

Во время доклада Ярославского сохранялся относительный порядок, правда время от времени слышались реплики оппозиционеров: «Мели, Емеля, твоя неделя», «сталинский холуй», «карьерист» и т.д. Когда приступил к содокладу Смилга, размещенные по предварительному плану небольшими группами недалеко от сцены сталинские хулиганы свистом и ревом пытались прервать его речь. Ярославский, сидя за столом президиума, все время бросал Смилге резкие реплики, затем вскочил, стал стучать кулаком по столу. Удары были настолько сильны, что стоявшие на столе стакан и графин с водой опрокинулись и со звоном упали на пол. Глядя на Ярославского и поощряемые его

примером, распоясались и хулиганы. Точно по команде они стали бросать на сцену галоши, помидоры и т.д. Уклоняясь от прямых попаданий, тщедушный типичный интеллигент Смилга могучим трубным голосом продолжал бесстрашно бросать в зал острые и гневные слова, громя сталинский ЦК. Аплодисменты, свист и рев смешались. В разных концах зала слышались восторженные и бранные крики, наконец все встали, кое где начались потасовки. Президиум долго не мог или не хотел навести порядок, наконец объявил перерыв. В прениях, начавшихся после перерыва, выступило около десяти человек, из них двое оппозиционеров. Как всегда дельно и с достоинством говорил Мелнайс.

— Сталин аргументирует старыми галошами и гнилыми помидорами. У него нет других аргументов. Свое идейное банкротство он пытается скрыть при помощи хулиганов. Вынужденный объявить общепартийную дискуссию, Сталин, как всегда, и здесь остается самим собой, то есть грубым и необъективным человеком, как охарактеризовал его Ленин. Он боится свободного и честного обмена мнениями и поэтому превращает партийную дискуссию в хулиганскую свистопляску. — Это клевета на партию, — кричит Ярославский. — Клевета — ваша специальность, Емельян Ярославский. Вы являетесь одним из руководителей ЦКК, то есть блюстителем партийного закона и морали. Вы претендуете быть совестью партии, почему же вы не протестуете против бесчестных и бессовестных методов борьбы. Вы исключаете из партии честных людей за слово критики, почему же вы терпите и поощряете в партии разнузданное хулиганство. Вероятно потому, что вы не в состоянии оперировать идейным оружием. Идя на партийное дискуссионное собрание, на котором присутствуют две с половиной тысячи студентов и профессоров столичного университета, вы вооружаетесь гнилыми помидорами и старыми галошами для защиты генеральной линии. Что же это за линия, которую нужно защищать таким, с позволения сказать, оружием? Очевидно, это не партийная генеральная линия, а бюрократическая петля, с помощью которой вы пытаетесь удушить живую, критическую мысль в партии и расчистить путь бонапартизму...

Характерным было выступление студента Семкова, который защищал «буферную» точку зрения. — Я не разделяю взглядов оппозиции и являюсь решительным сторонником генеральной линии партии. Но я также решительно протестую против тех методов, которыми ЦК борется с оппозицией и инакомыслящими большевиками. В нашей партии не раз возникали трудности и разногласия, не раз были общепартийные дискуссии. И всякий раз эти трудности и разногласия преодолевались в результате широкого, свободного и честного обмена мнениями. До тех пор, пока в партии существует эта возможность свободного обмена мыслями, ей никакие трудности и разногласия не страшны. Сейчас мы видим, что Сталин и большинство членов ЦК не проявляют ленинской терпимости к инакомыслящим большевикам. Они применяют недостойные методы борьбы. Это опасный путь, он ведет к расколу и гибели нашей партии...

Заключительные речи Ярославского и Смилга неоднократно прерывались. Снова был свист и шум в зале. В Смилгу снова летели галоши и помидоры. Бурные сцены не прекращались и во время голосования. Состоящий из сталинцев президиум собрания, возглавляемый Снопковым, при подсчете голосов, поданных за резолюцию оппозиционеров, грубо преуменьшал их. Оппозиционеры, бурно протестуя, выставили своих счетчиков. Переголосовывали несколько раз и наконец установили, что за резолюцию оппозиции голосовало около трехсот восьмидесяти человек и около ста человек от голосования воздержались.

С этого дня из зала собрания дискуссия перешла в студенческие общежития, в аудитории, в университетские коридоры, в столовые, трамваи и на улицу. Во время занятий аудитории опустели. Студенты толпились в коридорах, в буфете, ожесточенно споря и открыто распространяя нелегальную литературу. Во время перемен профессора не шли в профессорскую комнату, они присоединялись к группам студентов, прислушивались к их спорам или отведя за бочок того или иного студента, тихонько выпрашивали нелегальную литературу. Нередко оппозиционеры и по своей инициативе незаметно совали нелегальщину в карманы профессоров. В буфете и других местах

скопления студентов с утра до ночи шныряли шпики с Лубянки. Студенты быстро их распознавали и, называя «спутниками коммунистов», глумились над ними.

Многие замаскированные оппозиционеры теперь стали открыто заявлять о своей принадлежности к оппозиции. Даже некоторые беспартийные студенты убежденно и открыто защищали взгляды оппозиции.

Участились нелегальные собрания оппозиции. Теперь эти собрания привлекали сотни людей. На них выступали вожди оппозиции Троцкий, Каменев, Зиновьев, Радек и многие другие.

Нелегальное собрание студентов МГУ на Плющихе в квартире аспиранта Воробьева, где выступал Троцкий, привлекло более ста человек. В двух просторных комнатах люди стояли тесно прижимаясь друг к другу. Не попавшие в комнату толпились в коридоре. Троцкий, сняв пиджак, говорил стоя на подоконнике. Собрание с большим подъемом продолжалось более двух часов. Несмотря на многолюдность и продолжительность собрания, оно или не было обнаружено шпиками, или его не посмели разогнать. Многолюдным также было нелегальное собрание в квартире нашего студента, в доме расположенном на углу улицы Воровского и Кудринской площади. Здесь выступал Карл Радек.

Наиболее грандиозным и внушительным было собрание оппозиционеров в здании МВТУ (Московское Высшее Техническое училище). Нелегальные собрания в частных квартирах уже явно не удовлетворяли. Желających посетить их было так много, что никакие квартиры не могли вместить. Поэтому встал вопрос о созыве более широких и массовых собраний. С этой целью была намечена к захвату самая большая аудитория университета, вмещавшая более полторы тысячи человек. Затем выяснилось, что лекционная аудитория МВТУ много обширней и выбор пал на нее. Местная группа оппозиционеров по указанию центра около семи часов вечера захватила ее. К этому же времени со всей Москвы стали прибывать студенты и рабочие

оппозиционеры. В короткий срок их собралось более трех тысяч человек. Аудитория и примыкавший к ней коридор были заполнены до отказа. На собрание прибыли Троцкий, Каменев, Зиновьев. На собрании царил необычайный подъем и единодушие. Пламенные слова вождей оппозиции падали на возделанную почву. Вскоре о собрании узнали в Кремле. По тревоге были подняты курсанты школы им. ВЦИК, размещавшейся в Кремле, была усилена охрана Кремля. Одновременно для разгона собрания была послана группа членов ЦКК во главе с Емельяном Ярославским, вместе с ним прибыл и Маленков. Однако все попытки их пробраться в аудиторию были бесплодны. Огромная масса людей, стоявших в коридоре, умышленно не пропускала их. А, когда Ярославский, упорствуя, стал кричать в коридоре, предлагая разойтись и закрыть собрание, его просто вытолкали, наградив изрядным количеством пинков. Вертевшийся здесь же бывший секретарь парторганизации МВТУ Г. Маленков приказал обрезать электропровода. Аудитория погрузилась во мрак. Но организаторы собрания предусмотрели такую возможность и заранее припасли целый портфель стеариновых свечей. И когда председательствующий на собрании Л. Б. Каменев торжественно провозгласил: — Рассеем сталинский мрак ленинским светом, — под восторженные аплодисменты в разных концах аудитории загорелись десятки свечей. Собрание с еще большим подъемом продолжалось почти до десяти часов вечера. В это время Маленков метался по студенческому общежитию МВТУ, собирая сталинских приверженцев для разгона собрания. Метались и аппаратчики из московского комитета, мобилизуя для этой же цели своих надежных людей. К концу собрания со всех концов Москвы к зданию МВТУ на трамваях и грузовых автомобилях прибыло несколько тысяч сталинцев. Но эти случайно собранные люди держались пассивно, а некоторые даже присоединялись к оппозиционерам. Закончив собрание, оппозиционеры, выходя с песнями из аудитории, выстраивались двумя плотными шпалерами в коридоре и во дворе. Под их охраной беспрепятственно прошли к своим автомашинам Троцкий, Каменев и Зиновьев.

На другой день после этого собрания в газетах было опубликовано постановление ЦК и ЦКК об организации рабочих дружин для разгона нелегальных собраний. Такие дружины были созданы во всех московских вузах и на многих фабриках и заводах. Участников этих бригад оппозиция клеймила сталинскими опричниками. В эти бригады отбирались наиболее воинствующие сталинцы, как коммунисты, так и комсомольцы. При отборе особое внимание обращалось на мускульную силу. Туда охотно шли тупые хулиганствующие элементы. После соответствующего инструктажа этих хулиганов снабжал московский комитет тухлыми яйцами, гнилыми яблоками, помидорами и короткими палками, чаще это были ножики от стульев. Инициатором и начальником штаба этих бригад был Маленков.

В московском университете такая дружина насчитывала около ста человек, преимущественно комсомольцев. Состав ее был засекречен. Дежурили они днем и вечером по двадцать человек под руководством членов партийного бюро. Он сидел в буфете, а «дружинники» скрывались рядом под лестницей. Потихоньку под лестницу им носили бутерброды, пирожки, прохладительные напитки и т.д. Все это, конечно, бесплатно.

Несмотря на создание этих дружин тяга к нелегальщине среди студенчества продолжала расти. Для того, чтобы дать возможность побывать на нелегальных собраниях возможно большему числу людей, руководство местных оппозиционных групп пропускало через эти собрания в первую очередь лиц, еще не бывавших на них.

Расширяя нелегальные формы борьбы, оппозиция, однако, уделяла главное внимание легальной работе в ячейках и кружках. Здесь были главные бои. Частые партийно-комсомольские собрания в университете в ту пору неизбежно констатировали рост оппозиционных настроений и голосов, поданных за оппозицию. К концу дискуссионного периода свыше четырехсот коммунистов и около шестисот комсомольцев открыто голосовали за оппозицию.

Наибольшее количество оппозиционеров дали юридический и историко-литературный факультеты. В партячейке судебного отделения открыто голосовало за оппозицию около трети всего состава. Несколько членов бюро открыто поддерживали оппозицию. Примерно такое же положение было и на отделениях хозяйственного и международного права. Ячейка литературного отделения имела около половины коммунистов, голосовавших за оппозицию. Большинство членов ее бюро во главе с секретарем Виктором Черновым также поддерживало оппозицию. Это была единственная партячейка в университете, руководство которой открыто выступило в защиту взглядов оппозиции.

Похороны А. А. Иоффе

Тяжелое впечатление произвело на студентов самоубийство профессора А.А. Иоффе. Старый большевик, советский дипломат Иоффе состоял профессором первого МГУ, где читал лекции по международному праву. Весть о его самоубийстве появилась почти одновременно с его посмертным письмом, нелегально распространяемым оппозицией. Иоффе — сын богатых родителей, волжских кораблевладельцев. Задолго до революции примкнув к большевикам, он после смерти родителей передал в партийную кассу большевиков все свое огромное состояние. Иоффе примыкал к оппозиции. Будучи тяжело болен, он не только не получал надлежащей медицинской и материальной помощи, но и подвергался со стороны сталинского ЦК травле. «Даже электрогрелки не дали мне из Кремлевской больницы», — горько жалуется он в своем посмертном письме. Трагическая смерть Иоффе глубоко взволновала студентов университета. Сотни студентов потянулись к его гробу с последним прощанием. Студенты-правовики непрерывно несли почетный караул у гроба. Оппозиция невероятно быстро размножила и распространила тысячи экземпляров посмертного письма, в котором Иоффе волнующими, гневными и острыми словами клеймит сталинскую клику. Студенты негодовали и возмущались кремлевскими убийцами.

Желая избежать массовых демонстраций, сталинцы приказали произвести похороны втихую. Никаких сведений о месте, дне и времени похорон в печати не сообщалось. На второй день утром в рабочее время состоялись похороны на Новодевичьем кладбище. Демонстрации, однако, не удалось избежать. Оппозиция через свою сеть успела предупредить своих сторонников, около полутора — двух тысяч, преимущественно учащейся молодежи, приняли участие в похоронах. Была осенняя сырая и мозглая погода. Гроб с покойником через всю Москву несли на руках Троцкий, Зиновьев, Каменев, Муралов и другие вожди оппозиции. Траурные марши оркестра привлекали все новых и новых участников процессии. Когда процессия проходила по Моховой, к ней присоединились сразу несколько сот студентов университета. Время от времени в толпе раздавались выкрики — Позор убийцам Иоффе! Позор сталинским душителям революции! — А затем, заглушая оркестр взметнулась над толпой могучая боевая песня: «Вихри враждебные веют над нами...» Прохожие разинув рты и пожимая плечами смотрят на окруженную полуэскадром конной милиции необычную похоронную процессию, где люди поют бодрые и боевые песни. Когда разбухшая процессия достигла Новодевичьего кладбища, конная милиция, выдвинувшись вперед, преградила дорогу. Уныло бредший за гробом представитель сталинского ЦК Рютин объявил, что «доступ к могиле могут иметь только ближайшие родственники и друзья покойника, остальные могут расходиться». Гроб колыхаясь двинулся вперед. Пропустив его, конница снова сомкнулась. Несколько минут длилась напряженная тишина. Затем, точно по команде, зарывчав толпа ринулась вперед, отбросила нескольких лошадей с их всадниками и широким потоком устремилась вслед за гробом в кладбищенские ворота. Сделав вид, как будто ничего не случилось, милиция спешила и осталась у кладбищенских ворот, пассивно наблюдая за движущимся мимо людским потоком.

Гроб с телом покойника был поставлен на узкий и высокий стол у открытой могилы. Речью Зиновьева был открыт траурный митинг. Вслед за ним от имени ЦК выступил с речью Рютин. В самом начале своей речи он сделал выпад против Троцкого: «Только безумцы могут

говорить о сумерках нашей революции...» — Долооой! — послышались отовсюду гневные возгласы и люди ринулись со всех сторон к Рютину. Стоявший в центре толпы гроб заколебался и едва не был опрокинут. Если бы вовремя не поднялся на трибуну и не успокоил собравшихся Л. Троцкий, очевидно Рютину не поздоровалось бы.

Свою зажигательную речь Л. Троцкий закончил возгласом: — Под знаменем Маркса и Ленина клянемся до конца сохранить верность революции и рабочему классу... — Клянемся! — подняв кверху руки громогласно ответили тысячи присутствующих.

Закончив похороны, люди возвращались большими шумными толпами, распевая боевые революционные песни, особенно подчеркивая и бесконечно повторяя куплет — «Веди ж Муралов нас смелее в бой, пусть гром гремит, пускай пожар, пожар кругом...»

Вслед за ними сомкнутым строем, шагом безмолвно двигался полуэскадрон конной милиции...

Последняя дискуссия в МГУ

Последнее дискуссионное собрание было созвано в конце октября месяца в коммунистической (б. Богословской) аудитории университета. Чтобы на него не могли проникнуть оппозиционеры из других вузов, при входе следовало предъявить наряду с партбилетом специально на этот предмет выданный пропуск. Аудитория могла вместить только полторы тысячи человек. Партруководство формально не могло уклониться от созыва дискуссионного собрания. Вместе с тем оно не желало предоставлять трибуну оппозиционерам. Заведомо зная, что аудитория может вместить едва две трети членов университетской парторганизации, руководство умышленно не воспользовалось более обширным помещением, рассчитывая, что необычайно переполненная аудитория сделает невозможным длительную и деловую работу собрания и приведет к его срыву. Не сумевшие попасть в аудиторию

коммунисты, а также тысячи комсомольцев и беспартийных студентов толпились в коридорах, на лестнице и на дворе. Снова явился в качестве официального докладчика ЦК Ярославский. Оппонентом его на этот раз был член ЦК Х. Раковский.

Собрание началось бурно, докладчика все время прерывали гневными и оскорбительными репликами: — Могильщик революции! Цербер! Предатель! И т.д. — Шум в зале все нарастал и уже через 15-20 минут слова докладчика захлестнул хаос. Все попытки президиума водворить порядок были бесплодны и Ярославский вынужден был сесть.

Выступивший затем Раковский был встречен бешеными аплодисментами оппозиционеров и беспорядочными криками сталинцев. Громовым басом он заглушил выкрики и с большим подъемом говорил около получаса. Речь его произвела сильное впечатление. С криками «Ура» все как один поднялись со своих мест оппозиционеры. — Да здравствует ленинская гвардия! Да здравствуют нестигаемые революционеры! Ура! Ура! Ура! — гремело в аудитории и в коридорах. Овация длилась несколько минут. Затем, сняв со сцены Раковского, оппозиционеры, распевая Интернационал, понесли его на руках на Моховую к стоявшей автомашине. В коридоре и во дворе к процессии присоединились комсомольцы и беспартийные студенты. С небывалым подъемом, точно в экстазе, пели волнующий гимн Интернационалу.

Когда процессия, проходя коридором, спускалась по лестнице, ректор университета А.Я. Вышинский выскочил в коридор и глубоко засунув пальцы в рот стал пронзительно свистать. Стоявшие рядом студенты избили его. Били сначала по лицу, а когда он свалился, били ногами куда попало. Потеряв пенсне, с разбитым носом, растрепанный, грязный и жалкий, выбирался он на четвереньках из толпы, поощряемый пинками ног.

В последующие затем дни, при его появлении в университете всюду слышались крики студентов: — Свистун, хулиган, рыжий лакей и т.д. Возмущение студентов было так велико, что Вышинский стал

прятаться, боясь показываться публично. Даже райком партии не мог пройти мимо хулиганского поступка Вышинского и вынес ему выговор «за недостойное ректора университета и большевика поведение». Об этом взыскании было сообщено университетской парторганизации. И без того не пользовавшийся доверием и популярностью среди студентов, Вышинский был раздавлен. Так вероятно думал и сам Вышинский. Случайно, через Маленкова, об этом инциденте узнал Сталин. Ознакомившись с досье Вышинского, Сталин иначе оценил «подвиг» и «таланты» его. Несколько дней спустя Вышинский был назначен зав. Главпрофобром и замнаркома просвещения. Это было началом его большой карьеры. Это было также и концом карьеры секретаря Фрунзенского райкома партии Кромберга, он был снят, а на его место пришел Яковлев.

Столкновения в день X-й годовщины Октября

В день X-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1927 года в 8 часов утра тысячи студентов заполнили двор старого здания Московского университета на Моховой улице. С крыльца университета зазвучали первые речи. С приветственной речью «от имени китайских трудящихся масс» выступил одетый в кожаную куртку комсомолец-студент китайского университета в Москве им. Сун-Ят-Сена, приемный сын Чан-Кай-Шека — Елизаров. Восторженно встреченный слушателями, Елизаров на русском языке произнес темпераментную и зажигательную оппозиционную речь. Толпа бушевала. На крыльцо один за другим поднимались студенты-оппозиционеры: Аганесов, Слетинский и др., произнося короткие и гневные антисталинские речи. В толпу полетели с крыльца тысячи оппозиционных листовок. — Долой сталинских душителей революции! Долой аппаратчиков! Требуем внутривнутрипартийной демократии и тайного голосования! Выполним завещание Ленина! Да здравствуют верные соратники Ленина: Троцкий, Каменев, Зиновьев и др.! — гласили листовки и выступления ораторов. Эти открытые выступления оппозиционеров на

беспартийном митинге застали сталинцев врасплох. Не имея возможности пресечь их, сталинцы дали сигнал к построению в колонны. Сосредоточившись в конце огромной университетской колонны, оппозиционеры развернули и высоко подняли несколько больших красных транспарантов: «Против травли оппозиции», «Выполним завещание Ленина» — кричали надписи с полотниц. Вокруг транспарантов оппозиции росли толпы демонстрантов. Иные просто глазели на лозунги, другие становились в ряды оппозиционеров. Громко переключались студенты. Одни приглашали своих друзей оставить оппозиционеров и перейти в общую колонну, другие, наоборот, приглашали примкнуть к оппозиционерам. — Вася, ты чего туда забрался, оставь их — обращался к приятелю студент. — Отстань, сталинский холуй, — свирепо огрызался Вася.

— А беспартийной сволочи можно товарищи к вам, — весело и громко обращалась к оппозиционерам девушка.

— Иди, становись, всем места хватит — приглашали ее.

Наконец многотысячная студенческая масса самоопределилась. Каждый участник демонстрации определил свое место, и пестрая многотысячная огромная колонна выползла за ворота на Моховую. Впереди колонны полоскались красные полотнища со сталинскими лозунгами — «Против раскольников и дезорганизаторов», а сзади ее шли и сами «дезорганизаторы». Чтобы не допустить демонстрантов-оппозиционеров на Красную площадь, по указанию Маленкова вся университетская колонна с Моховой улицы повернула на улицу Грановского, удаляясь от своей цели. Вдоль колонны шныряли работники Московского комитета партии, шушукались с руководителями университетской парторганизации, изредка выкрикивали лозунги и старались не допустить к колонне иностранных фотокорреспондентов. Дважды вдоль колонны шагом проехала цокая подковами сотня бородатых старых кубанских казаков. Помахивая короткими нагайками они тупо смотрели на демонстрантов. Увидев идущего по улице навстречу колонне секретаря ВЦИК Тимофея Сапронова, оппозиционеры бурно приветствовали его.

— Да здравствует старая большевистская гвардия! Ура! — Сапронов помахал рукой и прошел дальше.

Поднявшись вверх по улице Грановского до здания Семинарской библиотеки колонна надолго остановилась. Наконец снова появился Маленков. Взяв под руку секретаря университетского партбюро Снопкова и отведя его в сторону, Маленков что-то ему сказал и сейчас же ушел. После этого Снопков предложил оппозиции немедленно убрать свои транспаранты. Получив отказ, он дал сигнал, по которому «дружинники» и активисты ринулись на оппозиционеров, пытаясь силой отнять и уничтожить их транспаранты. Оппозиционеры бешено дрались, защищая свои знамена. Несколько раз они переходили из рук в руки, в конце концов оппозиционеры отбили нападение и сохранили свои транспаранты. Подоспевшая милиция арестовала по указанию сталинцев трех оппозиционеров, но по дороге к участку их догнала группа товарищей и угрожая револьверами освободила из-под ареста. (Нужно сказать, что многие оппозиционеры идя на демонстрацию брали с собой револьверы. Коммунисты и комсомольцы тогда еще не были разоружены). Между тем, колонна стояла на месте уже несколько часов. По всему было видно, что из-за оппозиционеров всю университетскую колонну не выпустят на Красную площадь. Решив действовать, оппозиционеры оторвались от общей колонны и двинулись на Воздвиженку, чтобы прорваться силой на Красную площадь. В нашей колонне было три-четыре тысячи человек. По дороге к нам непрерывно присоединялись группами и в одиночку москвичи.

Колонна наша двигалась быстро, но еще быстрее действовали сталинцы. Когда мы достигли Воздвиженки, выход из нее к Манежу был прегражден. Мобилизованные для этой цели слушатели военной академии им. Фрунзе, в большинстве орденосцы, плотно держа друг друга за руки, двумя рядами преграждали улицу. Дальше, у Манежа из тяжелых грузовых автомашин было также сооружено заграждение. На углу Моховой и Воздвиженки ожидали контрдемонстрантов несколько старых большевиков, посланных Центральным Комитетом, чтобы уговорить нас разойтись.

Низенький, с большой бородой, подобно гному, старый большевик Сергей Малышев, став на выступ фонарного столба и держась обеими руками за столб, обратился к нам: — Товарищи, что вы делаете? На вас Европа смотрит...

— Сталинский лакей! — крикнула в ответ стоявшая рядом студентка и сочно плюнула в открытый рот Малышева. Оторвавшись от столба, Малышев, чертыхаясь долго отплевывался стоя в стороне. Время от времени в разных концах нашей колонны слышались антисталинские лозунги и в воздух летели оппозиционные листовки. Внезапно шеренга академиков расступилась, пропуская идущую с Моховой автомашину. В открытом кузове ее стоял одетый в военную шинель с четырьмя ромбами в петлицах секретарь Московского комитета партии Угланов (Секретари обкомов по положению были и членами Реввоенсовета округов). Остановив машину у края нашей колонны, Угланов пытаясь говорить махал руками. При виде его демонстранты с угрозой ревом бросились к автомашине. Шофер рванул, от неожиданного толчка Угланов точно мешок свалился в автомашину. Сопровождаемая громким смехом и свистом машина дала задний ход и скрылась.

Взяв друг друга под руки, тесно сомкнув ряды, демонстранты всей массой ринулись на заграждение. Первая цепь была прорвана. Смятые «академики» отошли ко второй цепи. Поощренные успехом, студенты устремились на вторую цепь, но когда она дрогнула, попятилась и разомкнулась, появился конный отряд милиции. Сомкнутые сплошной массой, тренированные лошади, крупными шагами стали теснить людей. Люди оказывали упорное сопротивление, но шаг за шагом лошади все больше теснили их. За это время «академики» оправались и снова образовали за лошадьми плотные цепи.

В то время как мы делали бесплодные попытки прорвать заграждение, рядом с нами в четырехэтажном доме на углу Воздвиженки и Моховой более успешную борьбу вели наши вожди. Сначала немногие, а затем все мы являлись свидетелями этого любопытного зрелища. На уровне третьего этажа вдоль стены, обращенной к Воздвиженке, были

выставлены три больших портрета. В центре красовался портрет Троцкого, справа от него портрет Зиновьева и слева — Каменева. Портреты были наклеены на длинном плотном картоне или фанере. Чтобы снять эти портреты несколько сталинцев забрались на крышу дома и вооружившись длинными шестами с крючьями на конце, пытались зацепить их. Но всякий раз, когда шесты приближались к портретам из окон четвертого этажа их отбрасывали в сторону. Активную оборону своих портретов вели оригиналы. Вооруженный половой щеткой с длинным черенком Троцкий энергично отбивал атаки. У второго окна с разметавшимися кудрями защищая правый фланг стоял Зиновьев с какой-то палкой в руках. Всякий раз, когда они удачным выпадом отталкивали шест, наши люди награждали их аплодисментами и веселым ревом.

До омерзения было неприятно смотреть, как трибун революции и вчерашний председатель Коминтерна ведут унижительную борьбу за собственные портреты, которые, по-видимому, сами же они и выставили. Было обидно, что эти люди, отдавая приказ о выходе на улицу, сами отсиживаются в доме, и даже не сделали попытки хотя бы из окна обратиться с приветственным словом к своим сторонникам. Видимо, горечь разочарования почувствовали и другие участники нашей контрдемонстрации. В разных концах колонны люди оживленно заговорили и, придя к заключению, что здесь не прорваться, решили попробовать счастье в другом месте. Колонна повернула снова на улицу Грановского, надеясь обойти Манеж слева и проникнуть на Красную площадь. Но достигнув Моховой, мы увидели и здесь заграждение. Попытки прорвать его были безуспешны и усталые люди стали расходиться.

В Москве в этот день антисталинская демонстрация была организована не только студентами нашего университета. Студенты других вузов и рабочие ряда фабрик и заводов также демонстрировали против Сталина. Демонстрации и публичные выступления лидеров оппозиции в разных районах Москвы сопровождались потасовками и эксцессами.

С балкона гостиницы на углу Моховой и Тверской выступил с речью старейший большевик член ЦК — оппозиционер Е. Преображенский. Организованные Маленковым дружины хулиганов, пытаясь сорвать выступление, стали бросать в Преображенского помидоры, тухлые яйца и, наконец, камни. Камнем ранили Преображенскому голову. Кровь залила ему лицо и сорочку. Продолжая речь, Преображенский воскликнул: — Сталин жаждет крови. Сегодня он всунул в руки своих хулиганов камни, завтра он вооружит их орудиями истребления.

Все эти демонстрации были обречены на неудачу уже потому, что они носили характер внутривнутрипартийной борьбы. Боролись две фракции одной и той же коммунистической партии. Лозунги оппозиции не захватили широкие массы московских трудящихся. И если все же в демонстрации принимали участие беспартийные люди, они, нужно полагать, преследовали свои цели и выступали в качестве третьей силы. Не могла также эта борьба захватить и увлечь широкие народные массы против кремлевской олигархии и потому, что был расцвет нэпа с его изобилием, а реальная заработная плата трудящихся впервые за все годы превысила дореволюционный уровень. И «музыка социализма» и пятилеток еще не звучала, она только замышлялась кремлевскими композиторами.

Сталину удалось без особого труда изолировать и не допустить на Красную площадь сравнительно небольшие и разрозненные группы оппозиционеров, вышедших на улицы Москвы. Если бы все эти группы были стянуты на один сборный пункт, они составили бы более внушительную колонну, которой, возможно и удалось бы, увлекая по пути сочувствующих и недовольных режимом москвичей, проникнуть на Красную площадь. Это, конечно, доставило бы больше неприятностей Сталину и его клике, но и в этом случае не решило бы исход внутривнутрипартийной борьбы. Вероятно, такая демонстрация могла иметь далеко идущие последствия, если бы она состоялась несколькими годами позже, когда антинародный и реакционный характер сталинской политики стал очевиден. Но в этом случае трудящиеся столицы в своих требованиях, нужно полагать, пошли бы гораздо дальше куцых лозунгов внутривнутрипартийной оппозиции.

Расправа над оппозицией

На третий день после демонстрации, 10 ноября 1927 года в университет прибыл президиум Московской контрольной комиссии (МКК) во главе с председателем Коростылевым. По списку, составленному в университетском партбюро, были вызваны на «суд» двадцать пять наиболее активных студентов-оппозиционеров, участвовавших в контрдемонстрации. На заседании в полном составе присутствовали и члены партбюро, которые услужливо сообщали членам МКК сведения о «преступной деятельности» каждого из «подсудимых». Собравшись в коридоре 25 «подсудимых», среди которых был и я, решили держаться солидарно. Когда пригласили одного из нас в комнату, где заседала МКК, мы заявили, что «дело, за которое вы собираетесь нас судить, касается одинаково всех нас, поэтому разрешите зайти одновременно всем, а в одиночку никто из нас не пойдет». После непродолжительного совещания комиссия уступила и разрешила зайти в комнату всем двадцати пяти. Начался индивидуальный допрос.

— В контрдемонстрации участвовал?

— Участвовал.

— Нелегальные собрания посещал?

— Посещал.

— Нелегальщину распространял?

— Распространял.

— Считаешь это партийным преступлением или нормальным явлением?

— Нормальными эти явления не считаю, но не считаю их также и преступными. Вы — аппаратчики создали нетерпимые условия в партии, вы лишаете нас легальной возможности защищать свои взгляды и толкаете на нелегальный путь. Поэтому и ответственность за эти ненормальные условия, создавшиеся в партии, лежит не на нас, а на вас. Почему при жизни Ленина не было этого...

Примерно за час, полтора таким образом были допрошены все двадцать пять человек. Затем комиссия вышла в соседнюю комнату на совещание и вскоре вернулась и зачитала постановление: — За антипартийную фракционную деятельность и участие в антисоветской демонстрации Аганесова, Мелнайса, Слетинского ... далее следуют имена всех двадцати пяти человек, из рядов ВКП(б) исключить. — Решение это для нас не было неожиданным. Мы встали со своих мест и с пением Интернационала покинули комнату.

В тот же день университетское бюро комсомола вызвало на расправу пятьдесят комсомольцев-оппозиционеров. Следуя нашему примеру комсомольцы потребовали, чтобы их одновременно всех допустили в комнату, где заседает бюро. Получил отказ, они решили бойкотировать бюро. Они не расходились, но и не заходили в одиночку по вызову на заседание. Десять минут спустя секретарь бюро комсомола Апарин объявил им постановление об исключении всех из комсомола.

Такие примерно сцены в эти дни происходили и в Плехановском институте, и в МВТУ, и в ряде других вузов Москвы.

Решением ЦК и ЦКК были также исключены 14 ноября 1927 года из партии Троцкий и Зиновьев.

Впрочем, решение МКК о нашем исключении из партии было только психической атакой, рассчитанной на то, чтобы сломить волю и внести замешательство в наши ряды. Дальше этого МКК не пошла.

Фактически мы оставались членами партии. Партбилеты никто у нас не отбирал, и мы по-прежнему посещали партсобрания, выступая на них с защитой взглядов оппозиции. Говорили, что в МК и МКК нет

единодушия по вопросу о характере репрессивных мер против оппозиционеров. Одни настаивали на немедленном исключении наиболее активных, другие во главе с председателем МКК Коростелевым, находя эту меру и незаконной и опасной, предлагали воздержаться до получения директивы открывающегося через несколько дней XV Партсъезда. Видимо точка зрения Коростелева восторжествовала. В этой связи, когда вскоре от разрыва сердца Коростелев умер и на его место пришел беспринципный и бездушный Губельман (брат Ярославского), упорно распространялись даже слухи, что Коростелеву «помогли умереть» так как он, якобы, проявлял «излишнюю мягкотелость» в борьбе с оппозицией. В частности, не одобрял действия хулиганских дружин, созданных Маленковым, и осуждал известное нападение хулиганов на Е. Преображенского, которое тоже организовал Маленков.

Наряду с разнузданной травлей оппозиции происходил подбор и интенсивное выдвижение наиболее активных и преданных сталинцев. Никому не известные и незначительные фигуры совершали головокружительные карьеры. Так секретарь университета Снопков «за успешную борьбу с оппозицией», особенно во время демонстрации, по настоянию Маленкова был кооптирован в члены МК. В ту пору это было чудовищно, не только потому что нарушался устав партии, так как кооптирован он был чуть ли не на второй день после областной конференции, но и потому, что плохо учившийся студент Снопков не имел никаких выдающихся качеств, дающих право на такое продвижение. Студенты, конечно, понимали и открыто говорили, что, поощряя таким образом Снопкова и других секретарей, Сталин создает в лице этих аппаратчиков своих верных церберов. Этот же Снопков год спустя был назначен ректором Московского геологического института, а после смерти академика Губкина стал его преемником на посту министра геологии СССР, хотя он никогда геологию не изучал и с трудом окончил юридический факультет.

Упомянутый уже мною раньше секретарь партячейки института цветных металлов Петр Ломако, также благодаря активности

проявленной в борьбе с оппозицией, при помощи Маленкова, был выдвинут на пост министра цветной металлургии СССР.

Его заместителем является Т. Глек, тоже бывший в 1927-28 годах секретарем партбюро экономического института им. Рыкова и отличавшийся особой подлостью и провокационными методами в борьбе с оппозицией.

Преуспел и бывший студент МВТУ Жимерин, проявивший себя в 1927 году как организатор хулиганской дружины по борьбе с оппозицией в институте и особенно отличившийся тем, что по указанию Маленкова обрезал электропровода во время упомянутого мною грандиозного собрания оппозиционеров в МВТУ. Эти его «подвиги» вероятно сыграли немаловажную роль при выдвижении Жимерина на пост министра электростанций.

Последним массовым публичным выступлением оппозиционеров против Сталина была демонстрация на Казанском вокзале в Москве в связи с отъездом Л. Каменева в Италию, куда он был назначен советским полпредом. Оппозиционеры задолго знали день и час отъезда. Через свою нелегальную сеть они известили об этом своих сторонников и вечером в день отъезда собрались на вокзале. Это была многолюдная демонстрация. Кроме оппозиционеров на вокзале было много и беспартийных. Общее количество присутствовавших было несколько тысяч. Когда приехал на вокзал Л. Каменев, собравшиеся шумно приветствовали его и выкрикивали резкие антисталинские лозунги. Находившиеся здесь же многочисленные члены милиции и НКВД стояли молча. Когда Каменев сел в вагон и паровоз дал сигнал к отправлению, люди один за другим стали ложиться на рельсы впереди паровоза. Сотни людей, в том числе и женщины, положили головы на рельсы. Все попытки начальников станции уговорить людей, чтобы они очистили путь поезду были безрезультатны. Так длилось около полчаса. За это время НКВДисты успели по телефону информировать Кремль и получив указания сообщили Каменеву, что поездка его отменяется.

Сопровождаемый криками «ура», Каменев прошел к автомашине и вернулся домой. Во избежание повторных демонстраций, через два дня Каменева отвезли на автомашине из Москвы до следующей железнодорожной станции и там он сел в поезд для следования в Италию.

Открывшийся 2 декабря 1927 года XV партийный съезд, делегаты которого были тщательно подобраны сталинской фракцией ЦК, признал, что оппозиция «переродилась в меньшевистскую группу» и объявил принадлежность к ней «несовместимым с пребыванием в рядах партии».

После унижительных торгов на съезде группа Зиновьева и Каменева полностью капитулировала и без всяких условий сдалась на милость победителей. Это повлекло за собой замешательство и разброд в рядах оппозиции. Три четверти студентов-оппозиционеров университета формально заявило об отходе от оппозиции и своем подчинении решениям съезда.

Группы троцкистов и сапроновцев (децисты) отвергли решения съезда и оставаясь верными своим вождям пошли за ними до конца.

На ряде нелегальных собраний, состоявшихся во время и сразу после съезда, произошло размежевание. Оно сопровождалось острыми и болезненными спорами, взаимными обвинениями и упреками. Все, однако, были единодушны в осуждении Зиновьева и Каменева в малодушии и поспешной капитуляции. Осуждая Зиновьева и Каменева, многие оппозиционеры, однако, не желали следовать и за Троцким и Сапроновым, не доверяя им, или считая их борьбу явно безнадежной. На эти наши собрания никто уже из лидеров оппозиции не являлся. Вскоре, как только закончилось размежевание, они прекратились. Созывались только узкие совещания троцкистов и децистов.

Отход от оппозиции происходил под давлением. Принадлежность к оппозиции теперь влекла за собой не только исключение из партии или

комсомола, но и арест. Лишившись своих вождей, убедившись в результате открытого выступления на улицах Москвы, что пролетариат, ради которого они выступили, остался к ним равнодушен, многие студенты-оппозиционеры не желая терять учебу и бесцельно прозябать в ссылке, предпочли сделать формальное заявление об отходе от оппозиции. Они надеялись, что последующие события внутри партии и страны сделают возможной более успешную борьбу за расширение внутрипартийной демократии и гражданских свобод для населения. И только очень незначительная часть оппозиционеров, подавленная авторитетом партийного съезда, искренне раскаялась и осудила свои «заблуждения и ошибки».

Если можно сомневаться в искренности некоторых лидеров оппозиции в их стремлении к демократизации внутрипартийной жизни и жизни советского общества, которое они прокламировали борясь за руководство и первенство в партии и советском государстве, то искренность учащейся молодежи в этой борьбе не подлежит сомнению. Молодежь, связавшая свою судьбу с оппозицией, не преследовала личные, карьерные и честолюбивые цели. Она боролась бескорыстно. Боролась не за восстановление старых дореволюционных порядков, а за сохранение и расширение революционных завоеваний. Лишенная возможности знакомиться с опытом западноевропейского социал-демократического движения, без ясного сознания, руководствуясь только чутьем, она боролась за демократический социализм. Она не «переродилась в меньшевистскую группу», как утверждал XV партсъезд, она только нарождалась как социал-демократическая сила. И кто знает, какую роль суждено было ей сыграть, если бы она не была при своем рождении истреблена огнем и железом.

Формальная ликвидация внутрипартийной оппозиции происходила следующим образом. Парторганизация обязывала каждого оппозиционера, изъявлявшего готовность порвать с оппозицией, подать об этом в бюро ячейки письменное заявление с признанием своих «ошибок» и обязательством лояльно выполнять все решения партийного съезда. После этого «кающегося» вызывали на заседание

бюро отделенческой ячейки, где требовали от него «полного разоружения», то есть доноса на себя и своих товарищей. К счастью, оппозиционеров в ячейках было много, бюро не в состоянии было уделять много внимания каждому. Поэтому «разоружение» превращалось в пустую форму. Нужно сказать также, что подавляющее большинство «кающихся» держались с достоинством, товарищей по борьбе не предавали и говорили только об общеизвестных фактах. После этого бюро оценивало степень виновности и выносило решение. В редких случаях исключало из партии. Чаще выносило выговор или строгий выговор с предупреждением. Эти решения затем утверждались на общезузовском партийном собрании, после чего взыскание обязательно заносилось в личное дело коммуниста.

В том случае, когда оппозиционер не отказывался от своих взглядов, партбюро исключало его, партсобрание без всяких обсуждений подтверждало исключение и его тут же удаляли с собрания.

Сталин не спешил с исключениями и отсечениями. Главной заботой его в это время было дискредитировать оппозицию и подорвать ее организационные связи и силы. Массовые исключения только усилили бы группы Троцкого и Сапронова. Он не забывал также, что предстоит вскоре борьба с правыми. Поэтому даже те немногие из раскаявшихся оппозиционеров, которые были исключены университетской парторганизацией, в большинстве были восстановлены в партии районной или Московской контрольной комиссией.

Вместе с тем были приняты срочные меры для отрыва от партийных масс и изоляции сторонников Троцкого и Сапронова. Были произведены поголовные аресты. В числе первых были арестованы Аганесов, Мелнайс и др. «не разоружившиеся» вожаки университетской оппозиции.

Опираясь на замаскированных своих сторонников и сочувствующих, троцкисты и сапроновцы делали отчаянные усилия, чтобы сохранить свою подпольную организацию в университете. Среди студенчества

продолжал распространяться еще долгое время «бюллетень оппозиции», распространялись письма Троцкого, которые он слал из своей среднеазиатской ссылки, производились сборы средств для семей арестованных и т.д.

После разгрома левой оппозиции

Закончив «начерно» расправу с «объединенной оппозицией», Сталин немедленно приступил к организации разгрома правых. Снова началась негласная чистка, смещение и перемещение партаппаратчиков.

1 мая 1928 года ЦК постановил произвести чистку вузовских партячек. Чистка, вопреки ожиданиям, не повлекла за собой массовых исключений бывших участников объединенной оппозиции. Исключены были только немногие в отношении которых были веские доказательства, что они продолжают нелегальную работу, а также некоторые лица «непролетарского происхождения».

Чистка видимо была рассчитана на то, чтобы предупредить возникновение среди студенчества организации правой оппозиции. С этой целью особое внимание обращалось на вузовских партаппаратчиков, на которых робко пытался опереться в своей борьбе со Сталиным Московский комитет, разделявший взгляды правых. К этому времени долго сдерживаемая глухая борьба сталинской фракции с правыми стала приобретать более или менее открытые формы. На страницах «Комсомольской правды» стали появляться статьи с резкой критикой ВЦСПС, во главе которого стоял член Политбюро Томский, на партсобраниях заговорили о правой опасности, пока еще не называя конкретных носителей ее.

Чистка совпала по времени с зачетной сессией. Студенты напряженно работали, готовясь и сдавая зачеты. Появление в университете нескольких десятков членов комиссии по чистке, ежедневные собрания, допросы, доносы, дразги трепали нервы, мешали людям

сосредоточиться. Немногие из нас понимали, что эта атмосфера создается умышленно, чтобы морально терроризировать студенчество, отвлечь его внимание от происходящей борьбы на верхах и предупредить возможный срыв, в случае если вожди правых и их многочисленные сторонники в Москве попытаются открыто апеллировать к студенчеству.

Опасения эти оказались напрасными. Правые молчали точно рыбы, ни одного публичного выступления. Они слишком мало верили в массы, они сами их боялись и делали ставку на партгенералов, пытаясь вместо шумной улицы, без скандала, келейно, «чинно и благородно», одним голосованием в ЦК совершить дворцовый переворот. В то время, как они подсчитывали голоса и ухаживали за явными и тайными сталинскими провокаторами, пытаясь привлечь их на свою сторону, расторопные и подающие надежды партподростки из личного секретариата Сталина услужливо набрасывали им, последней влиятельной и популярной группе старых большевиков, петлю на шею. Петлю, которую Сталин и собранная им стая партийных шакалов намеревались затянуть без излишнего шума и в самое ближайшее время.

Чтобы спровоцировать на выступление вождей правой оппозиции и выявить их сторонников в аппарате партии и государства Сталин, опираясь на свой личный, никем не контролируемый и никому, кроме него не подотчетный секретариат, организовал сложную сеть слежек, шантажа и провокаций. Вот подробности одной из таких провокаций. В феврале или марте 1928 года в «Комсомольской правде» появились статьи, критикующие работу ВЦСПС. Необычно заостренный и резкий тон статей обратил на себя внимание. Вскоре я встретил студента нашего факультета Д.Д. Мишустина, с которым был знаком еще со времени совместной учебы на рабфаке. Мишустин работал в ВЦСПС секретарем редакции «Рабочего журнала» и одновременно был также секретарем партячейки сотрудников и технических служащих журнала и редакции газеты «Труд». Лекции в университете он посещал преимущественно вечерами.

— Что у вас происходит в ВЦСПС, почему сильно гnevаются комсомольцы? — спросил я.

— Дело тут далеко не в комсомольцах, — многозначительно ответил он, — а как тебе нравятся статьи?

— Хлесткие статьи, — отозвался я.

— То-то же и оно, там и я свою лапку приложил.

— Ну, где тебе, Митя, ты право клеветешь на себя, как тот ягненок, присваивавший себе подвиги волка, — смеясь возразил я

— Волк не волк, но и не ягненок, а, пожалуй, щенок, пустившийся в бурное и опасное плавание, — заключил Митя.

Затем он рассказал, что имел встречу с Маленковым, который поручил ему негласно снабжать редакцию «Комсомольской правды» материалами против Томского и других правых в ВЦСПС. Встреча произошла на Солянке, куда его вызвал по телефону Маленков, который не скупился на обещания и гарантировал полную тайну. Позже, в тюрьме на Лубянке, я встретился с некоторыми членами редакции «Комсомольской правды», которые своими рассказами дорисовали картину этой провокации. Выглядит она так.

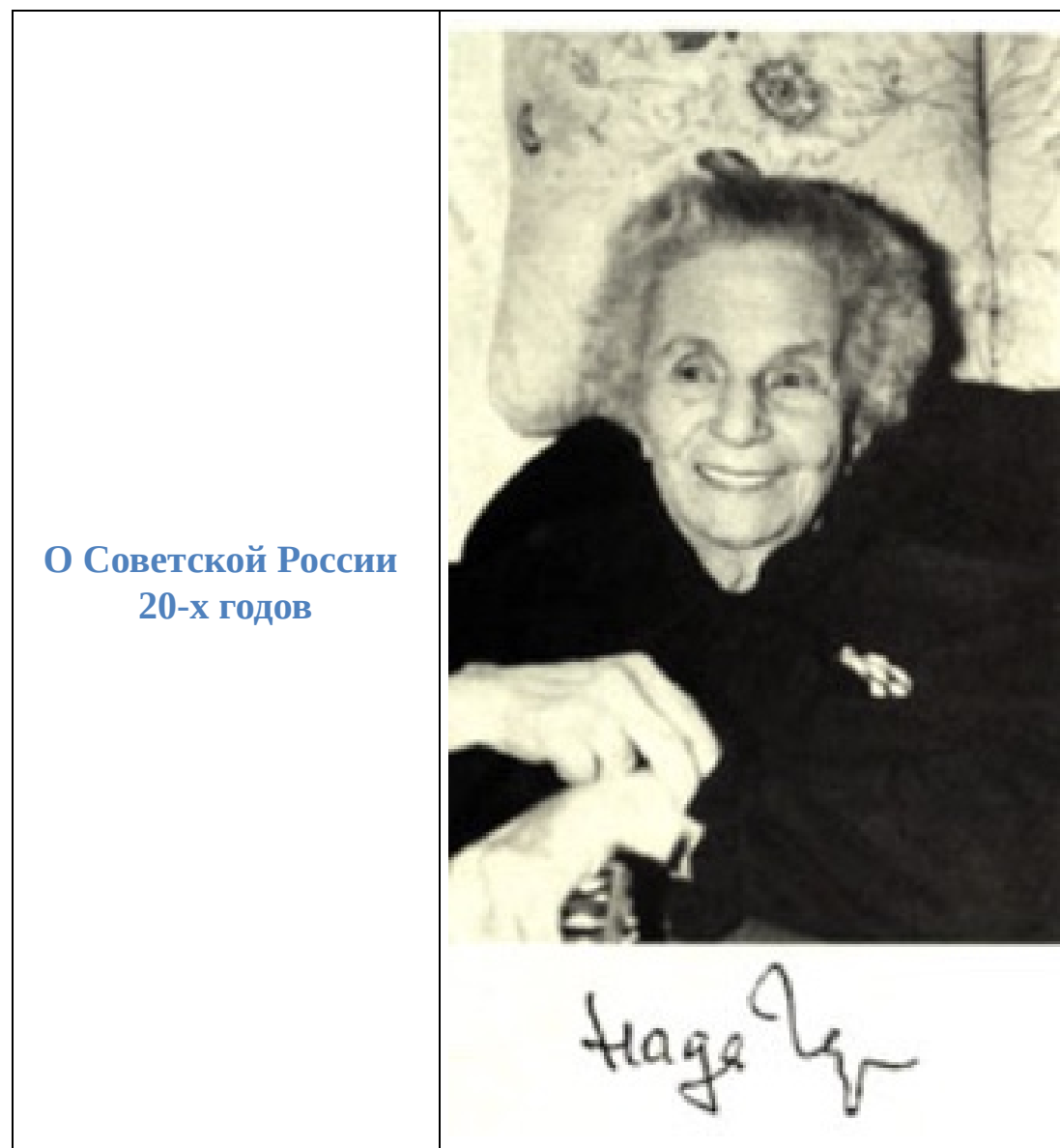
В начале 1928 года большинство столичных газет находилось в руках правых. «Правду» редактировал Бухарин. «Труд» — Яглом и Догадов. «Рабочую Москву» — Борков и т.д. Сталин нуждался в печатном органе, на страницах которого он мог бы начать кампанию против правых. Поэтому он решил использовать более или менее независимую «Комсомольскую правду». В феврале месяце редактора «Комсомольской правды» Кострова посетил Маленков. В осторожной и эластичной форме Маленков высказал пожелание Сталина о необходимости активизировать борьбу с правыми. — Сталин полагает, — говорил Маленков, — что молодежь должна быть активней, острее

критиковать невзирая на лица. Почему, например, вам не взять под обстрел для начала ну хоть бы ВЦСПС...

Связавшись с Мишустинным и получив материал, редакция «Комсомольской правды» напечатала резкую статью против ВЦСПС, возглавляемого в то время Томским. Томский, конечно, возмущенно реагирует в Политбюро. Сталин вместе с ним возмущается и одобряет вынесение от имени ЦК партии выговора редакции «Комсомольской правды». Человек из личного секретариата Сталина несет этот выговор работникам редакции и успокаивает их: — Не обращайтесь на это внимания, кройте в таком же духе. — Поощряемые комсомольцы снова кроют. ЦК, по требованию Томского и с согласия Сталина, снова выносит строгий выговор. И опять человек Сталина, сообщая комсомольцам о выговоре, успокаивает и поощряет их. Опять кроют комсомольцы. Резко, ультимативно выступает Томский в Политбюро. И снова смиренно Сталин участвует в вынесении строгого выговора работникам редакции «Комсомольской правды». На этот раз, когда его человек приносит постановление ЦК о выговоре, комсомольцы высказывают ему сомнения в правильности своей линии. Человек ушел, а на другой день явился снова и конфиденциально сообщил редколлегии, что Иосиф Виссарионович желает видеть их у себя в кремлевской квартире и познакомиться за чашкой чая сегодня в 8 часов вечера. За чашкой чая Сталин, оживленно беседуя с комсомольцами, похвалил их работу и упомянул, что выговоры ЦК не должны их смущать — «это пустая формальность». Напившись чаю, комсомольцы распоясались вовсю. Вслед за Томским взяли под обстрел Бухарина и Рыкова, одним словом, подготовляли общественное мнение против этих лиц до тех пор, пока Сталин не нашел нужным, уже не маскируясь, перейти к открытому походу против этой группы членов Политбюро и их сторонников. Результат этого похода всем известен, но далеко не все знают, как вознаградил Сталин своих преданных людей из редакции «Комсомольской правды». Увы, вторично на чашку чая в Кремль они уже не позваны не были. Их вызвали на Лубянку. А там, обвиненные в «левацких загибах», одни были уничтожены, другие поехали на крайний север. Дальше едешь — тише будешь.

Справедливости ради нужно сказать, что «щенок» таки выплыл и состоит сейчас начальником отдела договоров министерства иностранных дел СССР.

Приложения: Надежда Иоффе

Надежда Адольфовна Иоффе — дочь известного большевика, близкого друга Л. Троцкого, одного из крупнейших дипломатов первых лет Советской власти Адольфа Абрамовича Иоффе. Родившись в начале XX столетия, Н. Иоффе стала свидетелем и участником многих битв и катастроф этого бурного века. В 20-е годы, будучи студенткой, она принимала активное участие в деятельности Левой оппозиции, за что потом была арестована и почти два десятилетия провела в ГУЛАГе. В

1992 году в Москве вышла книга ее воспоминаний под названием «Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха». В 1995 году воспоминания были опубликованы в Америке (издательство Labor Publications) на английском языке.

Предлагаемый текст печатается по изданию: Иоффе Н. А. «Время назад». М.: ТОО Биологические науки, 1992.

Глава III

[...]

Зима 1918/19 года в Москве была тяжелейшая, голодная. Мы жили немногим лучше, чем средние москвичи. Черный хлеб, посыпанный сахарным песком, был редким лакомством, вроде пирожного. Помню, как маме удалось как-то достать кусок мяса, и она пошла в общую кухню, чтобы сварить его. А когда поднималась наверх по лестнице, то споткнулась и уронила кастрюльку. Ее долго не было, и я пошла ее искать. Она сидела на ступеньках, держала в руках кастрюльку и плакала. А мама совсем не была плаксой...

Но меня это мало затрагивало — моя жизнь протекала, в основном, вне дома. Я училась в школе, вернее не училась, а посещала, потому что учебной мы себя не обременяли, мы занимались, в основном, политикой. Школа, в которой я училась — бывшая частная гимназия Поповой и Кирпичникова — была известна в Москве, как одна из наиболее либеральных и прогрессивных. Там и до революции было совместное обучение мальчиков и девочек. Многие учителя были социал-демократами, наш учитель математики — даже членом Московского Комитета РСДРП. И получалось так, что если в других бывших гимназиях, непрогрессивных и нелиберальных, учителя тихо занимались, по мере возможности, своим предметом, но наши, так же как и мы, занимались политикой и конфликтовали с нами. Начальство в лице Наробраза, РК партии и т.д., конечно, держало нашу сторону, потому что мы были активно за Советскую власть, а наши меньшевистские учителя — против.

В начале 1919 года я вступила в организацию, которая называлась «Союз учащихся-коммунистов». Летом 1919 года эта организация прекратила свое существование и влилась в Российский Коммунистический Союз Молодежи. С тех пор и шел мой комсомольский стаж. Работала я в школьном отделе, который занимался организацией комсомольских ячеек в школах 2-й ступени. Тогда средняя школа была семилетней. Первые три группы (не классы, а группы) назывались 1-й ступенью, остальные четыре — 2-й. Мы ходили по школам (которые только недавно перестали быть гимназиями), собирали общие собрания и призывали школьников (вчерашних гимназистов) вступить в Российский Коммунистический Союз Молодежи. В нашем школьном отделе я была единственной девочкой, и меня буквально загоняли.

Дело в том, что, если в бывшую мужскую гимназию в качестве агитатора приходил парень, ему устраивали «темную» — накрывали шинелями и били. Девочек, по гимназическим традициям, бить не полагалось.

Поэтому я уходила с этих собраний частенько освистанная, но все-таки не избитая.

Отец, работая в Петрограде, часто приезжал в Москву. Однажды он взял меня в театр. Надо сказать, что вкусы отца были строго классическими: в прозе — Толстой, в поэзии — Пушкин. К очень популярному в свое время Северянину он относился иронично, в ссылке сочинял на него забавные пародии, которые подписывал «Адольфо Сибирянин». Маяковского тоже не любил. Из всех московских театров предпочитал Малый. Вот и пошли мы с ним, как сейчас помню, в Малый театр на «Волки и овцы».

Прошли в ложу напротив сцены, называлась она «совнаркомовская». Ложа очень большая, наверное, в ней помещается человек тридцать. Когда мы вошли, она была переполнена. Все больше — молодежь, но в задних рядах сидел человек с черными усами, примерно папиного возраста. Отец поздоровался с ним за руку. Дежурный администратор

провел нас в первый ряд. Отец сел, огляделся, и очень раздраженно сказал: «Это же черт знает что такое! Называется правительственная ложа. Насажали каких-то девчонок-машинисток. а для члена ЦК и места приличного не нашлось». Этот черноусый член ЦК был Сталин.

Моя комсомольская деятельность того периода закончилась довольно печально.

Осенью 1919 года была объявлена «неделя фронта» и комсомольцы были мобилизованы на работу в красноармейские госпитали. В сыпнотифозные госпитали посылали только добровольцев, и я, конечно, была в их числе. Мы должны были помогать санитарам, и, вообще, делать все, что придется: писать за больных письма, устраивать самодеятельность, подавать судна.

Трудно вообразить, что представлял собой такой госпиталь даже в Москве. Люди лежали в коридоре, по двое на койках, иногда просто на полу. Вшей было видно невооруженным глазом. Моя полезная деятельность кончилась тем, что я заболела сыпняком, причем, в очень тяжелой форме. Две недели я не приходила в сознание, и врачи говорили, что от смерти меня спас только возраст. Во время почти непрерывного двухнедельного бреда мне казалось, что Москву взяли белые и накрыли ее всю каким-то колпаком. Ленина убили, а вместо него сделали двух подставных, с картонными лысынами.

Когда я немного выкарабкалась, кто-то из знакомых, кажется, Боровский, рассказал Ленину, что 13-летняя дочка Иоффе болела сыпняком, и вот такой у нее был бред. Он очень смеялся и при встрече спрашивал: «Как поживает та девочка, у которой был такой ярко выраженный политический бред?»

Когда я встала на ноги, меня с мамой отправили в Кисловодск. Там уже начинали функционировать дома отдыха и санатории.

Минеральные воды только недавно освободили от белых, и в окрестностях Кисловодска еще бродили остатки всевозможных банд.

Местный комитет комсомола организовал круглосуточное дежурство типа патруля. На другой день после приезда я явилась в комитет и сказала, что я член РКСМ и готова дежурить. Но, наверное, уж очень я была страшенькая — зеленая, худая, волосы стрижены под машинку. Дежурить меня не взяли.

Может быть, все это не представляет большого интереса, но мне хотелось бы передать какое-то дыхание тех лет.

Приезжая в Москву, отец жил в одном из домов Советов. И однажды у него я встретила необыкновенного человека — Шаляпина. Он бывал у отца в Петрограде, зашел к нему и в Москве. С ним пришла его вторая жена — Мария Валентиновна — уже несколько расплывшаяся дама, и старшая дочь от первого брака Ирина, худенькая черненькая девушка лет 18. Знакомя нас, Шаляпин сказал: «Моя дочь — Арина», — подумал и добавил, — «Федоровна». «Жена», — опять подумал, — «Машка».

Я слушала его почти во всех операх и в концертных программах. Как он пел — это знают все. Но, наверное, не все знают, каким он был рассказчиком. Я много раз пыталась передать содержание его рассказов. Оказалось — ничего интересного. Все дело не в том, что, а как он рассказывал. А ведь он был гениальным драматическим актером, блестящим дирижером, необыкновенно рисовал и лепил. Наверное, раз в тысячу лет рождаются такие абсолютно гениальные люди. Таким был, вероятно, Микеланджело — скульптор, художник, архитектор, поэт. Почти пять веков назад он написал:

«Отраднo спать, отрадней камнем быть.
Нет, в этот век безумный и постыдный —
Не знать, не чувствовать — удел завидный.
Не трожь меня. Не смей меня будить».

Пять веков. А как современно...

По возвращении из Кисловодска в Москву я пошла в школу. В это время занятия уже проводились, правда, в порядке всевозможных экспериментов: бригадный метод, Дальтон-план, еще какой-то метод. Истории, как предмета, вообще не было — старую отменили, новую еще не написали — преподавали обществоведение.

Нам в нашей школе еще повезло — у нас были прекрасные преподаватели. Географию вели бывшая директриса гимназии Поповой и Кирпичникова — Поликсена Ниловна Попова, и невзирая на всякие методы — бригадный и прочие — ее уроки- были очень интересны. Прекрасным математиком был наш заклятый враг — меньшевик Василий Алексеевич Ефремов. Благодаря ему, опять-таки невзирая на всякие эксперименты, математику мы знали. С особо теплым чувством вспоминаю преподавательницу литературы Анну Евгеньевну Петрову.

Я нарочно называю их по фамилии, имени и отчеству. Пусть хоть в моих воспоминаниях останется память об этих людях, которые в очень трудное время честно и добросовестно делали свое дело. А насколько это было необходимо, и как много они нам дали, мы поняли только спустя много лет...

Зимой 1920 года отец вел в Риге мирные переговоры с поляками и вызвал меня к себе. Его жена с малышом уехали в Петроград, так что мы остались вдвоем. Он, как обычно, бывал занят целыми днями, и только вечерами нам удавалось, поговорить. К тому же мы оба страдали бессонницей. Он сам принимал снотворное и мне давал, в соответствующих дозах, и все равно мы оба не спали. Но зато какие это были разговоры!

Много лет спустя мне довелось прочесть роман Александры Бруштейн «Дорога уходит вдаль». Она пишет, как она ребенком была со своим отцом на кладбище и спросила: «Папа, ты тоже будешь здесь?» Он сказал: «Да, доченька, а ты будешь ко мне приходить. Ты придешь и скажешь: «Папа, это я пришла — твоя дочка. Я уже взрослая, я живу честно, работаю, хорошие люди меня уважают».

Если бы нужно было в максимально сжатой форме передать то, что отец старался внушить мне, на мою будущую жизнь, то, пожалуй, это выражено именно в таких же словах.

Среди членов миссии по дипломатическим переговорам с Польшей, которую возглавлял отец, были интересные люди.

Заместителем отца был Леонид Леонидович Оболенский, в прошлом князь, потомок декабриста и большевик.

Его сын — тоже Леонид Леонидович Оболенский — заслуженный актер. Он сейчас уже очень стар (умер в 1991 году, прим. ред.), но еще играет, и когда я вижу его на экране — всегда вспоминаю того, старшего Леонида Леонидовича.

На какое-то время приезжала Лариса Михайловна Рейснер. Она чем-то болела, и ее послали в Ригу на лечение. Очень красивая женщина, прекрасный рассказчик. Рассказывала она очень образно, называла вещи своими именами. И мой щепетильный папа на самом интересном месте посылал меня за папиросами, он не мог терпеть, чтобы в присутствии девочки говорили такие вещи. Мне кажется, она даже бравировала некоторым цинизмом.

Как писательница, она мне никогда не нравилась, очень цветисто, нарочито. Действительно, испытание временем ее творчество не выдержало. Сейчас ее совсем не читают. Остался какой-то полупоупендарный образ героической женщины, прототип комиссара из «Оптимистической трагедии». Умерла она очень рано — в 30 лет.

Я вернулась из Риги в Москву, и жизнь пошла по-прежнему: друзья, школа, комсомол.

Как это невинно звучит «школа, комсомол...» А, если вдуматься, — сколько грехов на мне. Сколько крови при помощи политики мы испортили нашим прекрасным учителям! А так называемая «комсомольская пасха»! Мы целой гурьбой собирались у храма Христа

Спасителя (которого теперь нет). Под звон колоколов, под чудесную музыку люди входили с свечками в руках, а мы стоим, приплясывая и распевая во все горло: «Долой, долой монахов, раввинов и попов, мы на небо залезем, разгоним всех богов...»

Много лет спустя мне пришлось близко столкнуться с верующими — в тюремных камерах, в лагерных бараках. Они назывались «религиозники». Вели себя очень хорошо, но, конечно, были и исключения.

В одном бараке со мной, на магаданской женкомандировке была группа сектантов, кажется, это были адвентисты Седьмого дня, во всяком случае, в субботу им работать не полагалось. А работали они очень хорошо, всегда выполняли норму, куда бы их не посылали. Но каждую субботу они вставали с разводом, натягивали все, что у кого было теплого, и шли в карцер. Держались они несколько обособленно, но, если к ним кто-нибудь обращался, отвечали всегда очень охотно и доброжелательно.

Конечно, им было легче, чем нам: все, что с ними происходило, они рассматривали, как испытание, посланное им Богом.

У меня лично с религией сложные отношения. В очень тяжелый период моей жизни, когда мне пришлось пересмотреть многое из того, что казалось таким незыблемым, таким бесспорным — мне было очень трудно.

Я видела, что многие, уважаемые мною люди разными путями пришли к религии. И я подумала: «А, может быть...»

Я начала с того, что добросовестно прочла Евангелие, все четыре Евангелия. Я поговорила с некоторыми серьезными людьми, которые верили.

И я поняла — это не для меня. Наверное, уметь верить — это тоже какой-то дар, а у меня его нет.

Я думаю, для того чтобы руководствоваться прекрасными правилами «не укради, не солги, не убей и т.д.» не обязательно верить — достаточно быть просто порядочным человеком.

Однако меня повело куда-то совсем в сторону от моего повествования. Вернемся к хронологии.

Весной 1921 года я закончила пятый класс. Как я уже писала, школа была семилетней, и мне предстояло учиться еще два года.

Школа мне надоела, в свои 15 лет я чувствовала себя взрослой, хотелось поскорее выйти в настоящую жизнь, и я решила перейти из 5-го класса сразу в 7-й. Когда я заявила об этом в школе, то мой давнишний политический враг — наш учитель математики — сказал мне один на один: «Я знаю, что ты можешь сдать математику, но я тебя все равно срежу. Таких как ты нельзя выпускать в жизнь даже на один год раньше». Я не была корифеем в математике и понимала, что срезать меня он, конечно, сможет. Я пошла по линии наименьшего сопротивления — сдала экзамены в другую школу и поступила сразу в 7-й класс.

Весной 1922-го года мне исполнилось 16 лет, и я закончила мое среднее образование.

Моей маме очень хотелось пожить за границей, и друзья устроили ее на работу в наше торговое представительство в Берлине. Я поехала с ней отдохнуть после школьных экзаменов.

Через месяц я вернулась в Москву.

Отец в Токио, мать в Берлине, жившая с нами бабушка — у сына в Баку. В квартире я одна — идеальные условия для самостоятельности.

К этому времени относятся мои первые трудовые заработки. Меня познакомили с молодым актером — Федором Михайловичем Никитиным. У него была большая квартира на Триумфальной (теперь

— площадь Маяковского), и он вместе с еще несколькими энтузиастами организовал у себя на дому детскую театральную студию, которая называлась «Потешное кольцо». Ребята были, в основном, беспризорники, в это время они в большом количестве шатались по улицам, торговали папиросами, ирисками или просто лазили по карманам. На улице он их подбирал, приводил к себе, проводил собеседование, ставил условие — бросить прежнюю жизнь. Некоторые не желали бросать, отсеивались, но большинство оставалось.

И какие были способные ребята! Но их надо было кормить, да и руководители не могли существовать на голом энтузиазме, и «Потешное кольцо» оформили при одном из рабочих клубов. Руководителям стали платить зарплату, в том числе и мне — я вела в клубе кружок обществоведения. Не помню уж, сколько миллионов я получала, но этого хватало вполне, чтобы проехать на трамвае.

«Потешное кольцо» приобрело в Москве некоторую известность, и нашим ребятам дали возможность выступить, и не где-нибудь, а на сцене Большого театра. Ребята показали себя очень хорошо, но авторитетная комиссия из Наробраза нашла, что репертуар недостаточно выдержан идеологически.

После этого «Кольцо» фактически распалось. Никитин уехал в Петроград, много снимался в кино, стал одним из «звезд немого кино». Не знаю, почему ему не повезло в звуковом. Недавно он снялся в фильме «И жизнь, и слезы, и любовь» в одной из ведущих ролей.

А летом 1923 года я поехала в Японию, к отцу. Пароход шел из Владивостока до японского порта Хоккодато. Огромный океанский пароход, там был кинозал, бассейн и дансинг. А кают-компания — табльдот — огромная комната, с огромным столом в виде буквы П. В центре поперечной полосы этой буквы сидел капитан — подтянутый, сухопарый, очень элегантный англичанин с безукоризненным пробором и отглаженным морском костюме.

Удивительно интересная страна Япония. Мои воспоминания относятся к 1923 году, с тех пор многое, конечно, изменилось, но тогда меня более всего поразило сочетание развитой техники с самой что ни есть стариной. На улицах, рядом с великолепными машинами, бегали рикши. Между Токио и Иокогамой ходила электричка (у нас тогда пригородных электричек не было). А из окна этой электрички можно было видеть рисовые поля, люди обрабатывали их примитивным ручным способом, стоя по щиколотку в воде. А удивительные изделия японских мастеров! Из слоновой кости сделан рикша с коляской и сидоком — и все это величиной с грецкий орех.

У моего отца появилось там, говоря по-современному, хобби — японские карликовые садики. Самые большие — примерно квадратный метр, самые маленькие — с чайное блюдечко. И в таком садике растут деревья. Над прудом, размером со столовую ложку, склонялась плакучая ива и рядом вишня; в период цветения она цветет; цветочки, как булабочные головки.

Один такой садик, сравнительно большой, полуметровый — с дорожками, беседками величиной со спичечный коробок, — отец приготовил в подарок Ленину. Отцу очень хотелось доставить хоть какое-нибудь развлечение больному Ильичу. Он сам был в восторге от этих садиков, ему казалось, что они всем должны нравиться. Они в самом деле были удивительными, словами трудно передать всю их прелесть.

Но у Ленина в то время был удар и было ему не до садиков. И этот чудесный садик отец подарил мне. Я привезла его в Москву и отдала в Ботанический сад, я ведь не знала, как за ним ухаживать. Я справлялась потом о его судьбе. Он погиб, засох. Даже самые большие специалисты в ботаническом саду не знали, как за ним ухаживать. Это искусство передается у японцев из поколения в поколение, от отца к сыну.

Поражало, как японцы держатся своих традиций. Интеллигентные европеизированные японцы гостей принимают в комнатах,

обставленных по-европейски: комнаты, в которых они живут, обставлены по-японски. В гости к европейцам они ходят в европейской одежде, у себя дома носят кимоно и обувь на деревянной подошве.

В Японии отец тяжело заболел, он нуждался в постоянном медицинском наблюдении. Из Москвы к нему прислали врача. Отцу очень мало пришлось применять на практике свое медицинское образование. но он, по мере возможности, следил за медицинской литературой и упорно считал себя врачом. Первого врача, присланного из Москвы, он забраковал. Это был племянник какого-то ответственного лица, который, держась за «тетенькин хвостик», стремился поехать за границу. Отец очень скоро отправил его обратно.

После чего приехал доктор Эттингер — врач высоких профессиональных и человеческих качеств. Не могу теперь вспомнить, почему, через некоторое время он вынужден был вернуться в Москву, но помню, что и в Москве он бывал у отца — и как один из кремлевских врачей, и просто, как хороший знакомый.

Впоследствии он проходил по знаменитому «делу врачей» и погиб в тюрьме.

После отъезда доктора Эттингера отец, с разрешения ЦК, пригласил в качестве домашнего врача японца — зятя виконте Чото — тогдашнего мэра Токио, очень влиятельного человека в Японии и большого сторонника советско-японского сближения. Его зять (муж его дочери) медицинское образование получил в Сорбонне, практиковал в Париже, прекрасно знал три европейских языка, пользовался репутацией знающего врача.

Несмотря на всех врачей — и русских, и японских, здоровье отца резко ухудшалось. Ему пришлось вернуться в Москву, не закончив своей дипломатической миссии.

В Москве его поместили в санаторий. А для меня настал новый этап моей жизни — студенчество.

Глава IV

Я поступила на экономический факультет института Народного хозяйства им. Плеханова.

В институте было три факультета: экономический, технологический и электро-промышленный, и готовил он инженеров: инженеров-экономистов, инженеров-технологов, инженеров-энергетиков. В моем дипломе так и стоит: «инженер-экономист».

Очень интересный контингент учащихся был в то время в институте. Прежде всего — возраст. Средний возраст — около 30 лет. Многие были участниками гражданской войны, некоторые научились грамоте будучи взрослыми, большинство пришло с рабфака.

Таких, как мы с моей подругой Дифой, пришедших прямо из школы, единицы. Были и студенты из «бывших» — недоучившихся в первые годы революции и возобновивших учебу сейчас.

Помню, я как-то замешкалась, влезая в трамвай. Номер третий останавливался у самого института.

Чувствую, сзади меня кто-то подталкивает и говорит: «Проходите, коллега». Я обернулась. Он увидел комсомольский значок и поправился: «Виноват, товарищ». Даже слово «студент» было непопулярно; говорили «вузовец». Но как они учились, эти вузовцы! Они походили на человека, которому подарили дорогую хрустальную вазу, и он ее несет с радостью, с гордостью, несет бережно, понимая всю ценность того, что у него в руках. Они посещали не только семинары, они посещали все лекции, хотя посещение лекций в то время было совсем не обязательным. Они с максимальным вниманием относились к самым скучным предметам, таким, как статистика или какая-нибудь теория коммерческих вычислений, которые мы с Дифой

не посещали ни разу, а перед зачетом садились, зубрили и сдавали раньше других. Кстати, как показал впоследствии опыт практической работы, именно эти «скучные» предметы были нам необходимы, а не история партии или диалектический материализм, которые мы изучали очень усердно.

А студенты, вернее, вузовцы нашего набора, стали впоследствии именно теми кадрами, которые вынесли на себе все Магнитки, ДнспроГЭС и прочие ГЭСы. (Кое-кто в качестве руководителей этихстроек, кое-кто в качестве заключенных, осуществлявших эти стройки).

А у меня первый курс остался в памяти, как самое настоящее беззаботное студенческое время. Учиться было нетрудно, интересно (а то, что было неинтересно — тем мы не занимались). Приятели подобрались очень занятные — ребята любили стихи, бывали в общежитии «Молодой Гвардии» на Покровке, откуда вышли впоследствии такие известные поэты, как Светлов, Уткин, Жаров.

Мы были постоянными посетителями диспутов в Политехническом, причем, нас одинаково интересовали и жизнь на Марсе, и выступления Маяковского, и диспут Луначарского с протоиреем Введенским.

Кстати, на одном из диспутов произошел между ними такой интересный диалог. В своем заключительном слове Введенский (очень, кстати, эрудированный человек), развивая мысль о том, что Бог необходим каждому и каждый в душе своей ищет Бога, сказал, ехидно глядя на Луначарского: «Даже мой уважаемый оппонент в свое время тоже занимался поисками Бога» (намекая на то, что в 1908—1910 г.г. Луначарский проповедовал богоискательство).

В своем заключительном слове Луначарский коснулся целого ряда вопросов, а потом, также ехидно глядя на Введенского, сказал: «Мой уважаемый оппонент напомнил, что я занимался когда-то богоискательством. Да, действительно, было такое в моей биографии. Как сейчас помню, В. И. Ленин говорил мне тогда: «Анатолий

Васильевич, ну зачем Вы занимаетесь этой ерундой! Ведь придет время и любой попик Вас этим попрекнет».

Поскольку я вспоминаю Луначарского, хочу рассказать еще один случай, связанный с ним. Так как студенты в большинстве своем жили очень скудно, была создана специальная комиссия по улучшению быта студентов, сокращенно КУБС. Она занималась организацией лекций, докладов, «концертов, сбор от которых поступал в пользу студентов. Меня послали в этот КУБС для усиления партийно-комсомольской прослойки, которая была там очень невелика.

И вот нарком Луначарский дал согласие прочитать лекцию в пользу студентов. За ним на машине поехал председатель КУБСа Володя Томский и я. В условленное время подъезжаем к дому, Луначарский, не заставляя нас ждать ни минуты, спускается вниз, садимся в машину. Едем. Он молчит, и мы молчим. Потом он поправил очки, откашлялся и спросил: «Э-э-э, простите, я как-то запамятовал, на какую тему сегодняшняя лекция?» Мы с Володей изумленно посмотрели друг на друга и в два голоса ответили: «Фома Кампанелла, Анатолий Васильевич, «Государство Солнца». — «Э-э-э, очень благодарен».

Минут через 10 мы подъехали. В течение полутора часов он говорил про самого Фому Кампанеллу, говорил блестяще — и по форме и по содержанию. Впечатление было такое, как будто человек долго и тщательно готовился.

Но мы не только занимались серьезными проблемами, мы и развлекались. Излюбленным местом для развлечений была пивная на Арбате. Она так и называлась «Арбат, 4», была вполне доступна для студенческого бюджета — с одной кружкой можно было сидеть целый вечер. И никто за это нас не презирал. Наоборот, швейцар этого заведения с гордостью говорил: «У нас публика гладкая — студенты, проститутки».

Мы были большими театрами. Хоть на галерке, хоть стоя, но смотрели все. А какие были театры в Москве! Это относится не только

к тому короткому периоду, о котором я сейчас пишу, к 1923 году. Такие эпохальные постановки, как скажем, «Принцесса Турандот» у Вахтангова относится к 1922 году, «Дни Турбиных» в Художественном — к 1926 году, «Лес» и «Мандат» у Мейерхольда — к 1925 году, «Федра» в Камерном — к 1922 году. И каждый театр имел свое лицо, и своего зрителя. Даже студии Художественного театра, а их было несколько, и каждая чем-то отличалась. А уж такие театры, как, скажем, Мейерхольда и Камерный были просто антиподами в театральном плане. И ведь это я говорю о театрах, которые, хоть понаслышке, известны каждому. А кто помнит сейчас театр «Семперанте» — театр импровизации? Кто помнит балеты Голейзовского? А чудесную балиевскую «Летучую мышь» в подвале Гнездиковского переулочка?

Говорят, что старикам всегда кажется, что во времена их молодости все было лучше. Я не знаю, были ли театры времен моей молодости лучше теперешних. Может быть и нет. Но сейчас хорошие, талантливые актеры спокойно переходят из одного театра в другой. Я не могу себе представить, чтобы в 20-е годы актер Камерного театра перешел к Мейерхольду, или актер Мейерхольда перешел в Художественный. А ведь, наверное, это что-то означает?!

Но развлечения и театры, и даже художественная литература были в нашей жизни не главным. Главным была работа на общественном фронте, а больше — учеба. Занимались мы большей частью в читальне МК партии, на Большой Дмитровке (теперь ул. Пушкина). Там можно было найти любое учебное пособие, а вместо отдыха почитать любую интересную книжку. Пропускали туда только по партийным и комсомольским билетам, поэтому и контингент был соответствующий. Если бы я могла передать настроение, дух, обстановку тех лет и того круга... Это удивительное «чувство локтя», в самом высоком смысле этого слова. Чувство уверенности в том, что тебя окружают товарищи и на каждого из них ты можешь положиться, и каждый из них понимает тебя так же, как ты понимаешь его, хотя у всех свой характер, свой уровень развития, свои вкусы. Важно основное — самое большое и самое главное. Мы все ничего не хотели для себя, а

хотели мировой революции и счастья для всех. И если для этого нужно было бы отдать свою жизнь, мы бы отдали ее, не задумываясь.

В январе 1924 года умер Ленин. В это время в Большем театре проходил очередной съезд Сонетов. И хотя многие знали о смерти, официально это было объявлено с трибуны съезда.

Мне довелось быть на этом заседании. Я слышала выступление Надежды Константиновны Крупской. Без слез, но с какой-то проникновенной силой горя она сказала: «Товарищи, умер Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной...»

Я никогда не видела такого количества плачущих мужчин. Сама я редела в три ручья, и какой-то незнакомый пожилой человек, по виду рабочий, обнял меня за плечи и, сам вытирая глаза, говорил: «Не плачь, дочка, что ж тут поделаешь...» А потом мы много часов стояли в очереди к дому Союзов.

Весной 1924 года мне исполнилось 18 лет. Я успешно сдала сессию, перешла на второй курс и поехала отдыхать в Крым. Там я встретила человека, который впоследствии стал моим мужем и отцом моих троих детей. Мы прожили вместе около 15 лет. И если нам не пришлось прожить больше, то по причинам, от нас не зависящим. Но об этом потом...

Глава V

Второй курс в институте начался примерно, как и первый, но все-таки не совсем. Тогда была радость узнавания, гордость от своей причастности к племени студентов. Сейчас уже были пущены какие-то корни, появились друзья, мы чувствовали себя старожилками, институт стал в какой-то степени родным домом.

В числе моих знакомых оказался молодой композитор Анатолий Невяровский, который писал музыку на стихи Есенина. Через него я и познакомилась с Есениным. Не помню, чья это была квартира, кроме

Есенина там было еще два молодых человека, так я и не узнала, кто такие. Может быть, и Есенин этого не знал. А потом мы все отправились в кафе на Тверской, оно называлось «Стойло Пегаса». Публика там бывала, в основном, литературная и окололитературная. Есенина все знали, со всех столиков окликали: «Серезжа! Серезжа!», просили прочесть стихи.

Он присел на край нашего стола, рванул воротничок с галстуком, и с какой-то удивительной силой искренности начал читать: «Годы молодые с забубенной славой. Отравил я сам вас горькою отравой...» Казалось, что он не стихи читает, а жалуется.

В этот же период мне довелось встречаться и с Маяковским.

Вот что касается периода... Для читателей моих записок я хочу здесь оговориться. Все что я пишу — это правда, как говорят в английском суде: «Правда, одна только правда, и да поможет мне бог».

Но все это было очень давно, и у меня могут быть сдвиги во времени. Мне кажется, что все эти события — встреча с Есениным, знакомство с Маяковским — относятся к началу 1925 года, но, может быть, и к концу, или даже к началу 1926. Я думаю, что практического значения это не имеет.

В Водопьяном переулке жила моя дальняя родственница, у которой я иногда бывала. Именно у нее снимали квартиру Брики, там я и встретила Маяковского. Кроме того, я встретила с Маяковским и у старшей сестры моей ближайшей подруги Дифы — Мальвины. Они были сестрами по отцу — Дифина мать приходилась Мальвине мачехой. Мальвина жила не в их семье, отдельно. Вот она в какой-то период дружила с Маяковским, а через нее и мы. Я очень любила тогда Маяковского-поэта.

Я перестала его любить, когда он стал «лучшим», «поэтом современности», согласно отзыву вождя, как известно, большого знатока и любителя поэзии.

Я понимала, что Маяковский не был в этом виноват, но все-таки не могла его больше любить.

Потом из него сделали монументальную фигуру (вроде той, которая стоит на площади его имени), фигуру безупречного трибуна и борца. В действительности он совсем не был таким.

Прежде всего, он был далеко не «безупречный». Он очень любил картежную игру, любил выпить, любил женщин. Он ведь и сам говорил о себе: «Весь из мяса, человек весь». Несмотря на свою громогласность, внешнюю грубость, он казался мне человеком очень обидчивым и ранимым. Я думаю, именно эти свойства привели его к трагическому концу.

Однажды познакомили меня с очень интересным домом, хозяйку которого называли «мама Ляля».

Хорошо помню обстановку в ее комнате: два или три дивана с множеством подушек, несколько маленьких столиков. Если кто-то из ее постоянных посетителей приводил нового гостя, то раньше, чем пустить в комнату, его заводили на кухню и задавали ему пару каких-нибудь вопросов. Меня спросили, что такое категорический императив Канта, и какой из московских театров я люблю больше других.

Я занималась в философском кружке в институте, и более или менее знала, кто такой Кант. Потом я поняла, что знать его необязательно — важно было просто найти остроумный и ловкий ответ. В этом кругу ценилась не столько эрудиция, сколько остроумие и находчивость.

На второй вопрос я ответила — театр Мейерхольда, что явно было не в мою пользу — в этом кружке предпочитали Камерный.

Мужем «мамы Ляли» был в то время некий Неспелов (а может быть, Поспелов), работник Госиздата. Он писал неплохие стихи, в основном пародии, ему же приписывали цикл стихов, посвященных Троцкому. Вернее, не посвященных Троцкому, а как написали бы о Троцком такие

разные поэты, как Есенин, Маяковский, Игорь Северянин, Вера Инбер. Тогда я все это знала наизусть. Сейчас, когда пытаюсь вспомнить, оказалось, что многое забылось. А жаль, все-таки. В какой-то степени, приметы времени.

Вот — «под Маяковского»:

«Заменить ли горелкой Бунзене
Тысячевольтный Осрам? Что Фрунзе?
После Троцкого Фрунзе — просто срам.
Почему это такое только нынче
Узнали, что Фрунзе то ж
Врангелям гайки завинчивал
И вгонял Колчаков в дрожь.
Теперь, когда закопан последний паршивый белогвардеец
Узнали, что под Перекопом
Не на Троцкого следовало надеяться.
Я — от Лили, Краснощековым лелеяной,
Вы — от героев интендантских выдач
Оба получили по шее мы,
Уважаемый Лев Давыдыч...»

(Краснощеков — в то время председатель Промбанка, которому приписывали роман с Лилией Брик).

А вот — «под Игоря Северянина»:

«Лев Давыдыч, как мне больно,
Лев Давыдыч, я печален,
Лев Давыдыч, неужели
Вы сыграли Вашу роль?
Лев Давыдыч — это символ, Лев Давыдыч гениален,
Лев Давыдыч для народа — это лозунг и пароль.
Сколько славы, сколько армий,
Сколько девушек и фронтов,

Сколько пушечного грома и блистательных авто.
Но в печальной квинтэссенции
Ваши созданных виконтов
Благодарных и печальных
Не осудит Вас никто.
Ленин пышно вмавзолеен,
Вы казались мне наследник —
Опортреченный повсюду бескоронный король.
Но в Кремле уже шипели и завистник и зловердик
Уверая, будто надо Вам в Кавказовый Тироль.
Где брильянтовые волны
Бьют в Сухумское Остенде
Бонапартно оеленен беломраморный отель.
Не грустите, Лев Давыдыч!
Ошаманьте шерри бренди!
Я к Вам спешно лимузиню
Выпить дружеский коктейль...»

Еще четверостишие «под Веру Инбер»:

«...Теперь покинул эти стены,
Исполненный высоких дум.
Но островом Святой Елены
Войдет в историю Сухум».

...Наступила весна 1925 года, а вместе с весной страдная пора для студентов — сессия. В силу чисто личных причин я не очень усиленно занималась в течение года. Тем больше пришлось приналечь в сессию. Я довольно успешно сдавала зачеты (экзаменов тогда не было — только зачеты), но чувствовала себя очень плохо. Стала быстро уставать (чего раньше никогда не было), вечерами меня знобило, и, наконец, в течение двух недель три раза шла горлом кровь.

Врачи нашли у меня активный туберкулезный процесс. Я все-таки перешла на III курс, и тут моя учеба прервалась на два года.

Татьяна Смилга о Лево́й оппозиции 20-30-х годов

Татьяна Иваровна Смилга (1919—2014) была дочерью Ивара Тенисовича Смилги (1892—1938), одного из выдающихся представителей русской революции 1917 года. В апреле 1917 года Ивар Смилга был избран в ЦК большевистской партии, в годы Гражданской войны был членом Реввоенсовета, а позднее — одним из лидеров Лево́й оппозиции. Историк В. Роговин цитирует одно сообщение, согласно которому Смилга сказал сталинской комиссии расследования: «Я ваш враг!» В годы Московских процессов и Большого террора он был осужден как террорист и казнен.

Данное выступление прозвучало на митинге в память об историке Вадиме Роговине, который был организован Международным Комитетом Четвертого Интернационала 5 декабря 1998 года в Гумбольдтском университете Берлина. (Опубликовано в журнале «Социальное равенство», № 7-8 [21-22]. 1999. С. 83—85).

Дорогие друзья!

Прежде всего, я хотела бы поблагодарить вас. Это большая честь для меня — встретиться здесь с вами в стенах великого университета Гумбольдта. Я хотела бы поблагодарить не только за себя лично, а главным образом за то внимание к нашей истории, которая была, в общем, сфальсифицирована, забыта. Деятели революции были расстреляны, физически уничтожены.

Я родилась в семье революционеров. Мой отец был одним из тех, который рано понял, что революция пошла не туда. Когда он со своими товарищами попытался как-то подействовать на общественное мнение, чтобы вернуть течение революции на верный путь, они встретили невероятный, зловещий отпор со стороны Сталина.

Я не историк и не политолог. Но мне довелось, будучи еще совсем маленькой девочкой, видеть у себя на квартире, в нашем доме у отца и матери, всех людей, которые к нам приходили. Спустя столько лет они сейчас все стоят у меня перед глазами. Я очень хорошо помню многих вождей революции, так же как и многих оппозиционеров. Я просто могу вам перечислить, что в нашем доме (а мы жили напротив Кремля) бывали Троцкий, Каменев, Зиновьев, Преображенский, Раковский, Муралов, Смирнов Владимир Михайлович... Я могу перечислять до бесконечности всех этих людей.

Я не понимала, конечно, что они хотят — мне было 8 лет, — но я знала, что все эти люди когда-то участвовали в революции, при царе сидели в тюрьме. У меня не было ни минуты сомнения в том, что эти люди правы. Я не могу, конечно, ничего теоретически подтвердить. Поскольку, я повторяю, — я не историк. Но мое убеждение было таково, что друзья моего отца, товарищи-единомышленники, бесспорно были правы.

Эта внутривластительная, внутривластная борьба никак не освещалась вплоть до последнего времени. А события были очень яркие. Ведь прошло только 10 лет со времени Октябрьской революции, когда на моих глазах проходил и весь 1927 год, и XV съезд партии.

Я слышала от своих родителей рассказы о личных качествах Сталина. Одно время он жил в нашем доме, когда меня еще не было на свете. Я не помню, где это было, в Петербурге или Москве, но я отлично помню, что ему нигде было жить. Он взял свой матрас, пришел к нам и сказал: «Я пришел к тебе жить, Смилга!» И такие, можно сказать, домашние отношения были в то время не редкость.

Моя мать была казачка с Кубани, что на Северном Кавказе. Она была совсем молоденькая, ей был тогда 21 год. Но моя мать была не просто казачка, она являлась членом партии с 1915 года, в которую она вступила в возрасте 19 лет. Моя вторая фамилия — Полуян, — это фамилия моего деда-казака, который был атаманом станицы.

Мама рассказывала мне, что между ней и Сталиным уже даже в той домашней обстановке никак не было полного единомыслия, согласия. Они друг друга не воспринимали. Мой отец никогда не скрывал своих убеждений, вероятно, поэтому он не мог найти общего языка со Сталиным.

Мой отец был отправлен в свою первую ссылку после революции, несмотря на то что он был ректором Плехановского института народного хозяйства. Сначала отца в 1926 году послали в Хабаровск, затем еще куда-то, а в 1927 году вернули в Москву. Я помню, как в разгар оппозиционной борьбы 1927 года у нас собрались все лидеры Оппозиции. Это было 7 ноября, в день 10-ой годовщины Октября.

Отец и Преображенский пошли делать доклад на одной из центральных площадей Москвы. Но Сталин уже мобилизовал НКВД, и их там, на балконе гостиницы, откуда они делали доклад, забросали яблоками и всем, чем возможно. А в это время у нас в квартире находился Троцкий. Он пришел из Кремля, поскольку по-прежнему жил там. Он пришел к нам в этот день.

Мы жили на 5-м этаже, и сверху с крыши спускался плакат: «Без Ленина по ленинскому пути!», а также портреты Ленина и Троцкого. Какой-то чин обратился к моей матери и сказал: «Снимите это,

снимите!» Тогда моя мать ответила: «Я ничего не могу сделать. Это квартира не моя, а Смилги. Вот он придет, тогда и будете говорить».

Позвали милицию, посадили их на крышу и приказали им крючками срывать эти плакаты. В это время демонстрация шла мимо нашего дома на Красную площадь. Люди стали останавливаться и смотреть: что же это делается такое. В толпе начались крики: «Поджечь эту квартиру — там Троцкий!»

Мама заперла дверь и никого не пускала. Это было на 5-м этаже, напротив Кремля. И когда начали крючками срывать плакаты, то Муралов, один из оппозиционеров, командующий московским военным округом, высокий и крепкий мужчина, взял щетку, которой подметают пол, и стал отбивать эти крючки, чтобы они не сняли плакаты.

Мы, маленькие дети (мне было 8 лет, а моей сестре — 5), крутились тут же. Снизу стали раздаваться возгласы: «Ой, там дети, там дети!» Мама испугалась и увела нас в другую квартиру.

Потом ворвались в наш подъезд и стали рубить топорами дверь в нашу квартиру. Дверь разрубили и ворвались в квартиру. Но Троцкий был в глубине квартиры, в кабинете у папы. Мама строила баррикады, туда свалили табуретки, лестницы. В общем, постарались как-то выгнать их из этой квартиры. В Москве это событие называлось так — «погром квартиры Смилги». Так это потом и вошло в историю. У меня до сих пор сохранились газеты, где про это написано. Вечером, когда нас привели домой, там все было перевернуто: и баррикады эти были, и дверь была разбита. Все это происходило в центре Москвы.

Я могу очень много рассказывать про этот период. Я очень хорошо, например, помню Троцкого как человека. С моей точки зрения, он был очень внимателен к детям. И он, и его жена.

Когда моего отца снова отправляли в ссылку и за ним пришел фельдъегерь, то Троцкий тоже был в нашем доме. Это было где-то в

конце декабря, как я помню. Когда мы поехали провожать отца на Ярославский вокзал, Троцкий тоже там был, и Радек, я помню, тоже был там. Было очень много людей. Этот эпизод вошел в историю партии как «проводы Смилги на Ярославском вокзале». Отца чуть ли не подняли на руки и внесли в этот вагон. Вроде бы потому, что он не хотел ехать, но его на самом деле из почтения внесли туда прямо на руках.

Отец находился в Сибири, когда мама вместе с нами летом поехала к нему. Там находилась целая колония оппозиционеров. Там, конечно, были ужасные условия. В Минусинск нужно было от Красноярска, где сейчас генерал Лебедь является губернатором, плыть двое суток по большой северной реке Енисей. Находясь в Минусинске мы, маленькие дети, чуть не умерли, потому что там была плохая вода.

Колония оппозиционеров в Минусинске провела там все лето 1928 года. Потом они решили не то чтобы отходить от оппозиции, но, по-видимому, пришли к выводу, что Сталина все равно так просто не возьмешь. Он всех убьет, всех разошлет: кого в Сибирь, кого куда, — и ничего этим они не достигнут. Мне так кажется. И в 1929 году они решили объявить отход от оппозиции. За что им, конечно, досталось здорово от Троцкого.

Еще я очень хорошо помню, как Троцкого выслали в Алма-Ату. В это время его уже выселили из Кремля. Он позвонил маме и сказал: «Придите ко мне попрощаться и приведите девочек». Так что, я думаю, мне довелось быть одним из последних, кто видел Троцкого в России.

Обстановка была очень тяжелая потому, что присутствовало много людей. Я запомнила, что Троцкий был одет на спортивный манер. У него были бурки, охотничьи сапоги. Помню его охотничью собаку, которую он взял с собой. (Он ведь охотник был). Но, поскольку атмосфера сгущалась, народ скучился, то мама увела нас оттуда, чтоб мы не мешали. Сын Троцкого Лева кричал: «Смотрите, вождя революции силой выталкивают из России!» Шум был большой, скандал.

Но меня, конечно, удивило, что Троцкий в момент, когда идет такая острая политическая борьба, и не знаешь, что будет и как все будет, не забыл попросить привести детей, чтобы попрощаться с ними. В то время я, конечно, этого не осознавала, но сейчас я понимаю, что это было очень необычно.

В 1929 году, если вы помните, отношение к оппозиционерам несколько улучшилось, и они на какой-то короткий период были восстановлены в партии. Отец говорил так: «Сталин выдвинул «5 условий Сталина». Если Сталин даст 6-е условие о хозрасчете (это тонкий вопрос, его только экономисты знают), то тогда я еще посмотрю, смогу я с ним работать или нет». В общем, отец не мог найти с ним никакой общей точки соприкосновения. Он Сталину, как говорят у нас в России, «проедал плешь» своим хозрасчетом. То есть он постоянно Сталину говорил, что без хозрасчета движение экономики невозможно. Кончилось тем, что отца выслали в Среднюю Азию. Сталин не знал, как от него избавиться. Он послал его в Ташкент, подальше от Москвы.

Одно время после высылки отца мы жили в большом хорошем доме. Потом нас из этого дома выгнали, и когда отец снова вернулся, то ему пришлось жить уже не там, откуда его выслали. Он приехал в другую квартиру и остался без работы. Он все ждал, что его назначат. Он не мог понять, что происходит. Как потом выяснилось, в это время Сталин готовил убийство Кирова.

1 декабря 1934 года, как вы помните, прозвучал этот выстрел. Мы все сидели дома, и вдруг позвонил телефон. Это был Бухарин. Отец взял трубку и говорит: «Что?!.. Да, да! Сейчас иду!» «Оказывается, — говорит нам, — в Ленинграде убит Киров. Бухарин сообщил, что ночью будут набирать траурную газету, и просит, чтобы я написал свои воспоминания о Гражданской войне». Отец ушел в редакцию, это было недалеко. Вернулся он уже поздно, мы с ним ни о чем не говорили.

Конечно, Кирова убили никакие ни троцкисты, ни зиновьевцы. Кто убил, мне не надо говорить, вы и так знаете. Но через месяц, 1 января 35-го года, пришли и увели отца. Все. Через полтора года пришли за

матерью, увели мать. Первый приговор был такой: мать сидела в Соловках, отец был в знаменитом Верхнеуральском изоляторе, где сидели все большевики.

В 37-ом году, когда начинались массовые репрессии (в этом страшном году родился Вадим Захарович Роговин), людей возвращали обратно в тюрьмы, давали им самый высокий срок — 10 лет без права переписки. Это означало расстрел. Когда за отцом пришли, он зашел к нам в комнату и сказал: «Ребята, не волнуйтесь». Мне тогда было 15 лет, а сестре 12. Он сказал: «Собирают нас, старых революционеров, и, в особенности, оппозиционеров».

Потом все это развязалось в такой громадный террор, что, когда мы приходили в школу, каждый день кто-то говорил: «Ой, у меня сегодня взяли». В 1937 году были самые массовые расстрелы. Я только совсем недавно узнала, что отец был расстрелян. Они все время отвечали по-разному. Пишешь, спрашиваешь, — они все время отвечали не то. И только совсем недавно я узнала, что отец был расстрелян 10 января 1937 года в Москве. Очень много большевиков, военных, артистов и писателей было расстреляно в эти годы.

У нас в Москве есть безымянная братская могила. Там в первом крематории стоит маленький столбик с дощечкой (сейчас поставили дощечку побольше), на которой написано: «Могила № 1, 1937-43. Невостребованные прахи». Это значит, кого-то сожгли, и никто не спрашивает. А мы ведь не знали, что это наши отцы.

... Потом начались аресты жен, беременных женщин, которые рожали в тюрьмах, в лагерях, брали в тюрьму прямо с детишками на руках, школьников. Например, я училась в школе с младшим сыном Каменева Юрой. Он не пришел в 10-й класс. Выяснилось, что он поехал проведать мать, сестру Троцкого Ольгу Давыдовну. Приехал летом в Нижний Новгород, и его там расстреляли. У нас был расстрелян Колька, сын Дробниса, известного оппозиционера (в книге Роговина «1937» я видела его портрет). Короче говоря, началось такое, что я себе даже не могла представить, что такое может быть.

Потом были тюрьмы, ночные допросы... Нас было пять девчонок из одного класса, которые были арестованы на следующий год после окончания школы. У нас были провокаторы, которые вызывали нас на разговоры.

Вы сейчас будете смеяться, на чем я «погорела». Я сказала одному провокатору следующие слова: «Ой, когда же будет мировая революция, когда узнают на Западе, что сажают старых большевиков? Не будет тогда мировой революции». Провокатор сообщил эти слова в НКВД. И когда за мной пришли, мне показали санкцию прокурора, где было написано, что я — девчонка-десятиклассница, — говорила про то, что мировой революции не будет. Мне дали лагерь, ссылку, где я провела 18 лет. Это дали не только мне. Другим давали еще больше.

Ну, что такое концентрационные лагеря, вам не нужно рассказывать. У нас был детский барак. Там с нами находились маленькие детки.

Вы знаете, когда я нахожусь здесь, в Германии, и выступаю в университете Гумбольдта, я испытываю ко всем вам невероятную благодарность. Я никогда не думала, что можно будет когда-то обсуждать эти вопросы. Мне казалось, что Сталин проживет 100 лет, что он переживет нас всех. Когда он (я не хочу говорить «умер») сдох, мы не знали, что нам делать от восторга, от радости. Нам казалось, что на нас свалилось какое-то счастье, какой-то свет, что нет больше Сталина. После этого мы опасались (мы же ссыльные, у нас уже маленькие детки были), что вовеки останемся там с этими детьми, где-то далеко от дома, от родины...

Читали мы книги Волкогонова, еще кого-то, и все это было не то. Была, конечно, художественная литература: В. Гроссман, А. Рыбаков, Е. Гинзбург, Варлам Шаламов с его *«Колымскими рассказами»*, которые должны быть известны в Германии. Когда я узнала о книге Роговина, то была потрясена. Я читаю эти книги, как романы (правда, при этом пью сердечные лекарства).

О творчестве Вадима Роговина очень хорошо говорил Дэвид Норт. Я хочу только добавить, что Вадим Захарович был по-человечески удивительно деликатным, интеллигентным, тонким и, в какой-то степени, художественным человеком. Его преданность задаче восстановления исторической правды... Я до сих пор не верю, что это можно писать. Я считаю, что он умер бесконечно рано.

Поскольку я вижу здесь такое внимание (и не только в Германии, но и в Америке, и во Франции, и в Австралии), то мне кажется, что вместе мы, может быть, не допустим повторения такого кошмарного террора, который потряс Россию не так давно. Следы его продолжают сохраняться и сейчас и даже усиливаются в последнее время. Я хочу выразить вам огромную благодарность за интерес и внимание к нашей печальной русской истории.

¹ Семнадцать лет спустя, будучи в заключении на Воркуте, я встретил снова Семена Степановича. Был он уже физически и морально надорван. С большим трудом узнал я в опустившемся, жалком старике с большой всклокоченной бородой веселого и энергичного подпольщика. Меня он совсем не узнал. В то время, как я пытался ему напомнить о себе Семен Степанович вдруг понизил голос и прошептал: — Что вы мне рассказываете, ведь он масон. Не сумела мировая реакция взять нас силой и вот заслала своего Асмодея, чтобы разрушить Интернационал.

— О ком вы говорите, — спросил я, но Семен Степанович не отвечая на вопрос, продолжал что-то шептать, голова его тряслась. Я взглянул на спутника Семена Степановича. Такой же дряхлый человек в арестантском бушлате и шапке-ушанке, пояснил мне: — Старик заговариваться стал. Да и не мудрено... В прежние годы восемь лет на каторге, и вот сейчас, то в политизоляторе, то в лагере... И взяв бережно под руку Семена Степановича, спутник повел его дальше. В тот же день я разыскал Семена Степановича в бараке, принес ему хлеба, снова сделал попытку к беседе, но старик выказывал явные признаки психического расстройства. От его спутника и соседа по нарам я узнал, что Семен Степанович старый большевик, после Гражданской войны где-то на Украине был директором сельскохозяйственного техникума и как троцкист с 1928 года находится в заключении. Вскоре Семена Степановича вместе с другими стариками перевели с Воркуты на инвалидную лагерную командировку «Адах»...

² У добровольцев с военморами были особые счета. До, и особенно после Октябрьского большевистского переворота, матросы жестоко расправлялись как со своими, так и с армейскими офицерами. Сотни офицеров были бесчеловечным образом замучены, убиты и утоплены военморами.

³ Позже, когда укрепилась советская власть и пребывание в комсомоле уже не было связано с риском и не требовало от членов жертв и даже сулило кое-какие привилегии и преимущества, в комсомол хлынули миллионы молодежи. Одни шли туда, чтобы развлечься и потанцевать, подыскать жениха или невесту, другие шли, чтобы по путевке комсомола проникнуть в высшую школу, третьи, обладая комсомольским билетом, надеялись продвинуться по службе и т.д. Вместе с количественным ростом комсомол терял качественное содержание. Современный комсомол, охватывающий почти всю молодежь Советского Союза, не составляет идеологического монолита. Он не является прочной и надежной опорой коммунистической диктатуры и при известных условиях может представлять даже серьезную опасность для нее.

⁴ По слухам, циркулировавшим среди заключенных Воркутинского лагеря, Белобородов в 1937 году находился в заключении в Ростовской-на-Дону тюрьме, где под влиянием пыток сошел с ума и затем был расстрелян.

⁵ Уже в ту пору Аванесов был ярким и непримиримым оппозиционером. На партийных собраниях он бурно, хотя и не всегда толково, громил бюрократов и партаппаратчиков. Окончил он, как и многие его склада коммунисты, печально. В 1937 году, как рассказывали мне очевидцы, Аванесов был арестован Краснодарским НКВД. Когда его вели с допроса в свою камеру он бросился бежать вверх по лестнице и успел выскочить на чердак, а затем на крышу трехэтажного здания Красноярского НКВД. Был день. Внимание прохожих и жителей соседних зданий было привлечено трубным голосом Аванесова. — Мальчишка! Меня — старого большевика, орденосца, по лицу бить, я тебе покажу. Фашисты, могильщики революции ... Товарищи... — и увидев бегущих к нему по крыше энкаведистов, Аванесов ринулся вниз головой наземь и разбился.

⁶ Имя этой женщины я не сообщаю, очень вероятно, что она еще жива.

⁷ Профессор советского права С.С. Студеникин, вместе с которым мы учились на рабфаке и в университете, при встрече со мной в 1941 г. говорил, что он состоит в «бригаде» Вышинского. На мой вопрос, чем занимается эта бригада, Студеникин ответил: — Льем воду на мельницу Андрея Януаровича.

⁸ Вышинский вступил в коммунистическую партию в 1920 году. Еще в 1918 году он активно выступал против большевиков с меньшевистских позиций.

⁹ До революции мелкие торгаши из «Охотного ряда» в Москве являлись опорой реакционной черной сотни.

¹⁰ Муж нашей студентки, сочувствовавшей оппозиции, работал зав. секретной частью одного учреждения. В этой секретной части он и печатал для нас бюллетень.

¹¹ Тогда еще существовала Еврейская Коммунистическая Партия (Е.К.П.). Ее ЦК находился на Варварке, недалеко от здания ЦК ВКП(б).

¹² 74-я статья У.К. говорит о хулиганстве.

¹³ Подробности эти позже разболтали некоторые из участников хулиганских групп.

1970-е

РЕВОЛЮЦІЯ
БЮРОКРАТІЯ

Записки
опозиціонера